

Орден
Знак
Почета

СМЕНА

№2 ФЕВРАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2023

АЛЕНА ЯКОВЛЕВА:

*«Сейчас я —
абсолютный патриот!»*

*Об истории шедевра Леонардо да Винчи «Дама с горностаем»
читайте на стр. 76*

Неизвестное об известном

- Юрий Осипов **Федор Достоевский.
Из каторжников — в пророки** 4

Из российской истории

- Светлана Марлинская **Северный сфинкс** 22

Рассказ

- Дмитрий Васильев **Опасные игры** 44

Замечательные современники

- Марина Бойкова **Алена Яковлева: «Я очень люблю
Москву и не смогла бы жить
ни в одном другом городе мира,
даже в самом распрекрасном»** 61

Мир науки

- Евгения Гордиенко **Человек и самолет**..... 69

Шедевры

- Ирина Опимах **Приключения
«Дамы с горностаем»
Леонардо да Винчи**..... 76

Российские музеи

- Дмитрий Зелов **Шерстяные нити судьбы**..... 85

Судьбы

- Виктор Елисеев **Друг Пушкина князь Голицын** 90

Эссе

- Екатерина Маркова **Миссионер и его племя**..... 94

Итоги конкурса «Песня первой любви»

- Ольга Новикова **Каштановая весна** 98

Звезды не гаснут

- Георгий Кричевский **Милош Форман.
Синдром «Кукушки»** 101

Это интересно

- Денис Логинов **Маленький гигант футбола** 116

Детектив

- Варвара Ключева **Черный ангел**.....122

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса Московского
академического театра сатиры
Алена Яковлева.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 17.01.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

« Платона Зубова смело можно назвать любимцем Фортуны, ведь ему посчастливилось стать последним фаворитом Великой Екатерины.

По числу титулов и высших наград он не уступал легендарному Потемкину, хотя по масштабу дарований ему до Потемкина было очень далеко. Почти все сановники ненавидели и презирали выскочку, но что они могли поделать, если стареющая, теряющая остроту ума и чувство меры императрица заявляла, что ее возлюбленный (на сорок лет моложе ее) обладает государственным умом и способностями, с которыми мог сравниться разве что гений Петра Великого...

Алла **Зубкова** «Любимец Фортуны»

« В начале XX-го века имя Елены Александровны Полевицкой было известно всем театрам. Она потрясла своей игрой театральные Петербург и Москву.

От поклонников не было отбоя, а порой происходили вовсе экзотические проявления этой любви к актрисе: студенты выпрягали лошадей из ее экипажа и сами привозили ее домой после спектакля.

С 1961 года Полевицкая преподавала в Щукинском театральном училище, и одной из ее учениц была несравненная Людмила Чурсина. В 1971 году театральная общественность торжественно отмечала 90-летний юбилей актрисы, а через два года после этого Полевицкая скончалась. В «Театральной энциклопедии» о ней среди прочих написаны следующие строки: «Лейтмотив образов актрисы Полевицкой — тема чистоты женской души». И это действительно было так — ведь на ее спектаклях зрители не только с напряжением следили за игрой актрисы, но многие даже плакали...

Владимир **Братченко** «Долгие гастроли великой актрисы»

« В России традиционно преклоняются перед французскими парфюмерами, и россияне абсолютно уверены, что отечественные изобретатели

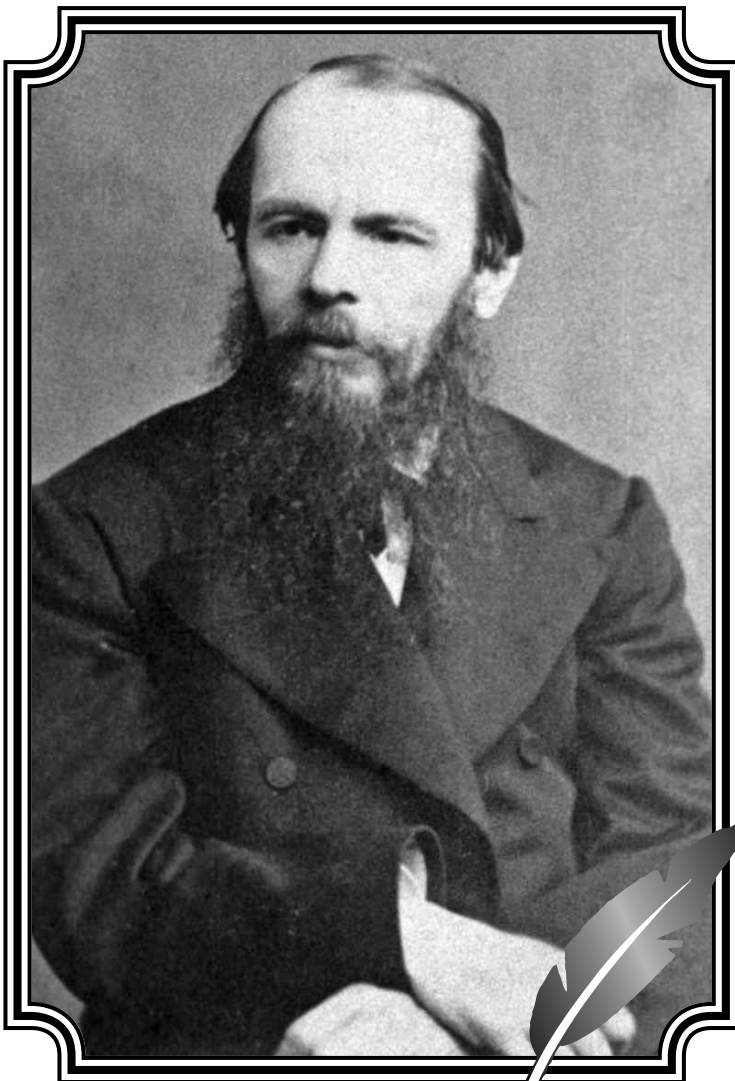
и производители ароматов им и в подметки не годятся. Между тем мало кто знает, что, например, знаменитые духи «Шанель № 5» более ста лет назад создал русский парфюмер (правда, с французскими корнями) Эрнест Генрих Бо. Он родился в 1881 году в Москве и прожил в России до 1919 года. Несмотря на французские корни, Эрнест прекрасно говорил по-русски и любил Россию как свою родину. Но имя Бо в Советском Союзе по определенным причинам было под запретом 70 лет, да и сейчас оно известно только знатокам, причем не только в России, но и во Франции, где он успешно работал. А все потому, что все «ароматные придумки» русского гения парфюмерии присваивали себе хитроумные французы, как произошло и с «Шанель»...

Сергей **Тютюнник** «Русский дух французского парфюма»

« Детектив Екатерины **Марковой** «Актриса»

Федор Достоевский

ИЗ КАТОРЖНИКОВ — В ПРОРОКИ

«В русской литературе нет писателей, внутренне более близких и в то же время более противоположных друг другу, чем Достоевский и Л. Толстой. Оба они вышли из Пушкина. Достоевский это признавал; Л. Толстой, кажется, никогда об этом и не думал и этого не чувствовал». (Д. Мережковский «Л. Толстой и Достоевский»).

Эти два национальных гения жили в одно время, никогда не сближались, но пристально и ревностно следили за достижениями друг друга. Смерть Достоевского Толстой воспринял как огромную потерю для русской литературы. И оба унесли в могилу тайну своего удивительного Дара.

Человек, поднявшийся из низов, сын полкового лекаря, а потом хирурга Мариинской больницы для бедных, Федор Михайлович за весьма короткий отрезок жизни пережил невероятные взлеты и падения. Сходу воз-

несся на литературный Олимп. Подвергся затем гражданской казни с инсценировкой расстрела за политические убеждения, хлебнул каторги и солдатчины, откуда пути назад в высшее общество уже быть не мог-

ло, но сумел вернуться благодаря художественному творчеству. Прошел через кошмар игромании. Писал несравненные романы ради расплаты с рулеточными долгами, которые наделал, проигрывая гонорары за другие выдающиеся произведения. И в итоге стал мучительным провидцем исторической миссии русского народа.

Если верить, что пора детства во многом формирует характер и личность человека, то, возможно, именно в потрясениях детских лет кроются истоки нервной возбудимости и психической неустойчивости, вплоть до эпилептических припадков, будущего писателя. Он родился в небогатой и незнатной семье хирурга Мариинской больницы для бедных Михаила Андреевича Достоевского в октябре 1821 года. Хозяйственный флигель больницы дал приют в двух скромных комнатах казенной квартиры аж девяти членам семьи вспыльчивого и своевольного Михаила Андреевича и его милейшей супруги Марии Федоровны (в девичестве Нечаевой), дочери купца III гильдии. Здесь, на сиротской Божедомке и раздался первый крик их новорожденного второго сына, Феденьки. Здесь, среди героев будущих книг гениального печальника отечественной литературы прошло его раннее детство, о котором дают представление простенькая лошадка-качалка и другие игрушки, книжки с картинками и бытовые вещи

в музее-квартире раннего периода жизни Достоевского. Сам же он, сгорбившись, задумался перед входом в больницу на высоком постаменте памятника работы знаменитого советского скульптора С. Меркулова. В свое время памятник этот был перенесен сюда с Цветного бульвара.

В семье строго соблюдались патриархальные обычаи, и весь домашний уклад подчинялся распорядку службы отца. В шесть утра Михаил Андреевич вставал, проводил утренний обход в больнице и объезжал больных на дому. После полудня обедал с семьей и снова проводил прием в больнице. На Пасху ходили смотреть Подновинские балаганы с «паяцами, клоунами, силачами, Петрушками и комедиантами». Летом устраивались семейные прогулки в Марьину рощу, которая тогда действительно была живописной рощей на окраине Москвы. Не раз дети ездили с матерью в Троице-Сергиеву лавру, а по воскресеньям посещали обедни в больничной церкви.

Но больше всего способствовали развитию воображения и любознательности мальчика семейные вечера в гостиной, где отец вслух читал Державина, Жуковского, Пушкина и... английского автора «готических» романов Анну Радклиф. Особенно выделял позднее Достоевский влияние, оказанное на него отцовским чтением «Истории» Карамзина. «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все глав-

ные эпизоды русской истории», — сообщал писатель. Обучала же детей чтению мать, причем с четырехлетнего возраста. Лубочные сказки про Еруслана Лазаревича, Бову Королевича, сказания о Куликовской битве, повествования про Шута Балакирева и Ермака были их первыми запомнившимися книгами. При этом они не заслоняли мальчику жизни, преподносившей ему порой тягостные впечатления, также повлиявшие на особый склад его творческого самосознания.

Очень тяжело воспринял будущий писатель смерть любимой матушки, которая скончалась в возрасте 37 лет, и последовавшую затем загадочную смерть отца, якобы, от апоплексического удара, спровоцированного бытовым конфликтом с собственными крестьянами. Не исключалась и версия убийства...

Вместе с чином коллежского асессора весной 1827 года Михаил Андреевич получил право на потомственное дворянство, что позволило приобрести маленькое имение Даровое в подмосковном Зарайском районе, где большая семья смогла проводить летние месяцы. Барский дом примыкал к березняку, «очень густому и с довольно мрачною и дикою местностью», которая особенно полюбилась и запомнилась Феде. Она всплывет на страницах «Бедных людей», «Бесов» и «Дневника писателя», притом, что произведения Достоевского почти напрочь лишены описаний природы.

Став пансионерами (учащимися пансиона Чермака на Новой Басманной), братья Михаил и Федор не смогли теперь подолгу бывать летом в Даровом. Да и домой они приезжали только на выходные. Режим дня в этом одном из лучших средних учебных заведений Первопрестольной был строгий. Для «серьезного, задумчивого мальчика с бледным лицом», которого мало занимали игры со сверстниками, начиналась пора возмужания, пора поисков себя.

В пансионе Федор предавался запойному чтению, заглушая тем самым печаль и душевное смятение. Вальтер Скотт, Гюго, Бальзак, Жорж Санд, но и Пушкин, Державин, Жуковский, Карамзин...

С директором учащимся повезло. Л. Чермак «ел за одним столом вместе со своими учениками и обращался с ними ласково, как с собственными сыновьями», входил во все нужды детей, следил за их здоровьем. Среди преподавателей у Федора появился кумир в лице учителя русского языка Николая Билевича. Он учился одно время с Гоголем, состоял членом литературных обществ, сочинял стихи и переводил Шиллера. Видимо, Билевич в наибольшей степени способствовал тому, что Достоевский всерьез начал задумываться о профессии литератора.

Отец, однако, выбрал для него другую будущность и весной 37-го отвез братьев на петербургские подготовительные курсы Главного инженерного училища. Старшего, Ми-

хаила, в училище не приняли, а Федор учился с тяготой, не испытывая никакого призвания к службе военным инженером. По его инициативе сокурсники организовали в училище литературный кружок, где он играл первую скрипку и в свободное от учебы время пробовал писать, продолжая предаваться запойному чтению русских и зарубежных классиков. Понятно, что на студенческие забавы времени у него не оставалось.

Известие о внезапной смерти отца в 1839 году застало юношу в раз-

произведения, будучи радушно принят в избранный кружок Белинского и вдохновлен его отзывом: «Вам правда открыта... как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!»

Эпистолярный роман, в котором трогательный Макар Девушкин и милая Варенька Доброселова обмениваются душевными письмами, явился, по словам «неистового Виссариона», первой попыткой создания в отечественной литературе

С

реди преподавателей пансиона у Федора появился кумир в лице учителя русского языка Николая Билевича. Билевич в наибольшей степени способствовал тому, что Достоевский всерьез начал задумываться о профессии литератора. Отец, однако, выбрал для сыновей другую будущность и отвез братьев на петербургские подготовительные курсы Главного инженерного училища, окончив которое, Федор получил назначение в петербургскую инженерную команду

гаре учебы и неустанных литературных занятий. Потрясенный, он нашел в себе силы оправиться и успешно окончить училище, получив назначение полевым инженером в Петербургскую инженерную команду. Однако писательство захватило его целиком, и в октябре 1844-го Достоевский подал в отставку в чине поручика. А уже в следующем году он завершил свой первый «взрослый» роман «Бедные люди» и стал знаменит еще до публикации этого

социального романа из жизни столичного города, «Петербурга Достоевского». Он совершил принципиальное художественное открытие, обратившись к самосознанию бедного человека, позволив ему высказаться и рассказав читателям про его амбиции, его уязвленную гордость и жажду самооправдания.

Потом будет повесть «Двойник». Ее замысел возник у автора почти сразу после «Бедных людей» в 1845 году. Повесть написана в традициях

*Ф. Достоевский в возрасте 26 лет.
Рисунок К. Трутовского, 1847 г.*

гоголевского реализма и указывает на связь с «Мертвыми душами» двумя подзаголовками: «Приключения господина Голядкина» и «Петербургская поэма». Встречена она была прохладно, и писатель сам разочаровался в ней, задумав переработать ее. Этому, однако, помешали арест и каторга...

...Их допрашивали попеременно долгими часами, мучили очными ставками, держали восемь месяцев в страшных одиночках Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, выводя раз в день на короткую прогулку в тюремном дворе. И все — как будто бы только за «чтение» на заседаниях кружка мыслителя и

общественного деятеля М. Петрашевского «преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского» и за «недонесение» об оном. Имелось в виду открытое гневное письмо Белинского Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», распространявшееся в списках и опубликованное на страницах свободной русской печати за рубежом. На самом же деле в вину петрашевцам ставилась пропаганда революционных идей Фурье, которыми особо увлекался руководитель кружка.

На допросах Федор Михайлович предоставлял следствию минимум компрометирующей информации, отрицал предъявленные ему обвинения. Тем не менее Военно-судная комиссия признала его «одним из важнейших преступников» по данному делу и приговорила вместе с другими петрашевцами к лишению всех прав состояния и к «смертной казни расстрелянием».

22 декабря 1849 года их вывели перед расстрельным взводом солдат на Семеновский плац поблизости от теперешних улиц Марата и Звенигородской, зачитали приговор, под барабанную дробь преломили над головой шпагу, натянули на головы мешки и привязали к столбам. Холодея от ужаса, приговоренные услышали команды офицера: «Заряжай!», «Целься!»... А затем вместо ожидавшейся ими команды: «Пли!» было оглашено заключение генерал-аудиториата, заменившее смертный

приговор осужденным четырехлетним сроком каторги, с последующей принудительной воинской службой рядовыми. Когда несчастных отвязывали от столбов, один из петрашевцев сошел с ума и был препровожден в психиатрическую лечебницу...

То, что испытал в тот роковой миг Достоевский, ожидая команды «Пли!» и смерти от пуль, описал в романе «Идиот» князь Мышкин, со слов человека, пережившего инсценировку казни на гильотине. Достоевский вошел в тюремную камеру одним человеком, а вышел из нее другим. Принципиально изменила его и каторга, с которой он вернулся истово верующим славянофилом. В Тобольске по пути к месту каторги жены декабристов, Александрина Муравьева, Полина Анненкова и Наталия Фонвизина, устроили ссыльно-каторжным встречу, во время которой передали каждому томик Евангелия с вклеенной под обложку десятирублевой ассигнацией. Свой экземпляр писатель хранил всю жизнь как реликвию.

Каторжный срок Федор Михайлович отбывал в Омске. После освобождения из острога он подружился с будущим известным казахским путешественником и этнографом Ч. Валихановым. А вот отношение к нему как к дворянину других товарищей по несчастью было враждебным, и Достоевскому понадобились годы, чтобы арестанты стали принимать его за своего.

Все они были лишены права переписки, но, находясь в лазарете, писатель смог тайно вести записи в так называемой «Сибирской тетради», которая легла потом в основу замечательной повести «Записки из Мертвого дома». Не вошла в нее лишь история необычной любви Достоевского, когда он уже был отправлен рядовым в семипалатинский линейный батальон.

Трудно сказать, за что полюбила невзрачного солдата «довольно красивая блондинка», жена местного чиновника Мария Исаева, женщина, по свидетельству современников, страстная, экзальтированная и впечатлительная. Но роман у нее с Достоевским разгорелся нешуточный. Муж Марии Дмитриевны слыл горьким пьяницей, и через некоторое время его перевели смотрителем трактиров в Кузнецк. Влюбленные продолжали страстную переписку, пока Федор Михайлович не получил письмо из Кузнецка о том, что муж его возлюбленной скончался после продолжительной болезни.

Тут подоспело производство Достоевского в унтер-офицеры, а затем и помилование в ознаменование начала царствования Александра II Освободителя, выхлопотанное ему давним знакомым, героем Севастопольской обороны генерал-адъютантом Э. Тотлебенем. Но все же новый император приказал установить за Достоевским тайный полицейский надзор, который будет снят только спустя тридцать лет.

Итак, все препятствия были благополучно устранены, и влюбленные смогли обвенчаться, что и произошло в начале февраля 1857 года в Кузнецке. Но вот очередная странность судьбы писателя. Его тайная любовь оказалась сильнее всех враждебных обстоятельств, а вот долгожданный брак вышел несчастливым.

В конце 1859 года Достоевский с женой и приемным сыном Павлом вернулся в Петербург, чтобы вновь завоевать читающую Россию, а с ней — и весь мир.

лев-Безбородко согласились сотрудничать с Достоевским по предложенной им схеме — выплата гонораров вперед, «под честное слово».

Просвещенная российская публика встретила журнальную публикацию «Дядюшкиного сна» почти демонстративным молчанием. Недооцененная современниками сатирическая повесть эта была написана в «драматизированной» форме, в явных гоголевских традициях. Литературная переключка начинается тут с названия города, где происходит

В

осемь месяцев Достоевский провел в страшных одиночках Алексеевского рavelина Петропавловской крепости за «чтение» на заседаниях кружка Петрашевского «преступного о религии и правительстве» письма Белинского Гоголю и за «недонесение об оном», а также за революционную пропаганду. Военный суд приговорил Достоевского и других петрашевцев к «смертной казни расстрелянием». Но затем смертный приговор был заменен четырехлетним сроком каторги, с последующей принудительной воинской службой рядовыми

Возвращение Достоевского в литературу ознаменовалось публикациями рассказа «Маленький герой» и повестями «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Первая писалась на каторге и в ссылке, причем к созданию этого произведения автора подтолкнули еще и постоянные финансовые затруднения. Не только Катков, редактор «Русских ведомостей», но и издатель «Русского богатства» Куше-

действие повести. Мордасов — «царство сплетен, слухов, интриг, дамских войн за первенство в обществе». Прообразом символического Мордасова стали захолустные Омск и Семипалатинск с их обывательскими типами и нравами. По-гоголевски говорящие фамилии у персонажей «Дядюшкиного сна»: Паскудина, Мозгляков, Залихватский, Бородуев, Заушин.

Не произвела большого впечатления на читателей и повесть «Село

Степанчиково...», которую писатель начал на каторге и над которой работал с перерывами два года. Однако после смерти Достоевского, в ореоле его славы, повесть сделалась очень популярной, а фамилия главного героя Фомы Опискина, в чьем лице автор задумал изобразить русского Тартюфа, превратилась в нарицательную.

Несмотря на то, что в 1860 году вышло двухтомное собрание сочинений Достоевского, для возвращения утраченных позиций ему требовался повторный громкий литературный дебют, которым стали «Записки из Мертвого дома». Они буквально ошеломили читателей, явились для них подлинным откровением. А. Герцен уподоблял Достоевского Данте, спускавшемуся в ад.

С начала 60-х годов стала активно развиваться публицистическая деятельность писателя. Он помог брату Михаилу издавать литературно-политический журнал «Время». После его закрытия властями братья взялись за выпуск журнала «Эпоха», где появился ряд произведений Достоевского. Сотрудничество в журнале, а кроме того идейное сближение писателя с крупным философом и публицистом консервативного толка Н. Страховым, с известным поэтом, литературным критиком и мемуаристом А. Григорьевым, которому принадлежит крылатое выражение «Пушкин — наше все», способ-

ствовали переходу Достоевского в лагерь почвенников, чью идеологию разработал А. Григорьев.

Сквозь призму почвеннических убеждений Федор Михайлович в целом крайне неприязненно всматривался в западную жизнь во время своих многочисленных путешествий по Европе в 60-е годы. На страницах цикла философских очерков-эссе «Зимние заметки о летних впечатлениях» он размышляет об идеалах Великой французской революции и

*Мария
Исаева*

объявляет себя «врагом буржуазного прогресса».

Увы, тогда же он пристрастился к разорительной игре на рулетке в казино Баден-Бадена, хотя основной целью путешествия было лечение водами на немецких курортах. От пагубной для него игромании писатель будет освобождаться долго и мучительно. Последний раз подойдет к игорному столу весной 71-го года в Висбадене, когда после очеред-

ного проигрыша сумеет навсегда побороть в себе страсть к игре.

Часть второго путешествия по Европе летом следующего года Федор Михайлович провел с молодой эмансипированной особой, Аполлинарией Суловой, женщиной «инфернальной», по определению писателя, терзавшей и изводившей его своими порывами. Их сложные, болезненные отношения и тягостная привязанность Достоевского к рулетке найдут затем отражение в романе «Игрок».

Ну а размышления писателя о буржуазной цивилизации в «Зимних заметках о летних впечатлениях» предваряли историко-социологическую проблематику его «великого пятикнижия» (названного так критиками по аналогии с частями Библии). Речь о романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Эти произведения свидетельствовали о полном расцвете творчества гениального художника и составили неизбывную гордость русской литературы.

На ранних дагерротипах и последующих фотографиях облик Достоевского менялся — от десятилетия к десятилетию. Скорбно заострялись черты лица, отрешенно-сосредоточенным на чем-то своем, сокровенном становился взгляд. Но особенно самоуглубленным, неприступным и печальным выглядит пи-

сатель на позднем портрете кисти В. Перова.

Портрет создан в 1872 году, в период завершения «тенденциозного романа-памфлета» «Бесы», который отразил ожесточенную полемику автора, называвшего себя в «Дневнике писателя» «старым «нечаевцем», с нечаевцами настоящими, представителями молодого поколения революционеров. Заодно досталось и их отцам, старым прекраснодушным либералам 40-х и 50-х. При этом мощный центральный образ лидера и кумира «бесов», Ставрогина, соединил политический памфлет с романом-трагедией. Надо сказать, шедевр этот стоил Достоевскому большего пота и крови сердца, нежели любое другое его произведение. В «Бесах» он выступает уже не только как писатель, но еще и как пророк. Например, на балу у градоначальника в облике и манере ораторствовать одного из гостей-нигилистов отчетливо угадываются будущие черты Ленина...

В тот сложный период Достоевский, спасаясь от кредиторов, вынужден был четыре года провести за границей. Возвращение же в Россию совпало с благоприятной в материальном плане порой его жизни и самым светлым семейным счастьем. Но об этом — впереди.

В феврале 1865-го, через полгода после смерти брата, когда прекратилось издание «Эпохи» и Федор

Михайлович взял на себя ответственность за долговые обязательства журнала, писатель вынужден был согласиться на кабальные условия договора с хищным издателем Ф. Стелловским и приступил к работе над романом «Преступление и наказание».

Своеобразной «пристрелкой» к нему оказались «Униженные и оскорбленные» и «Записки из подполья». Первые, с посвящением брату Михаилу, создавались, прежде всего, с целью заполнения их общего журнала, печатались в ряде номеров с продолжением, а писались автором частями непосредственно к сроку сдачи в типографию очередного номера. Что же касается «Записок из подполья», то они явили Достоевского новатором, который наделил рассуждения «подпольного человека» большой убедительностью.

Эту художественную «доказательность» унаследовали в последующих романах монологи Раскольникова, Ставрогина, князя Мышкина и братьев Карамазовых. Столь необычный для тогдашней беллетристики прием стал причиной ошибочного отождествления персонажа с автором. Причем герой «Записок из подполья» ведет спор не только с теорией «разумного эгоизма» Чернышевского, но и с рационализмом и социальным оптимизмом просветителей 18-го столетия, а также — с представителями различных лагерей общественно-политического движения 60-х годов. Многие выраженные

здесь писателем мысли не переставали волновать его до конца жизни и получили дальнейшее обоснование в романах «великого пятикнижия», начиная с «Преступления и наказания».

В 1864 году умерли первая жена и любимый брат писателя. Он фактически остался один, окончательно избавляясь от социалистических иллюзий юности и трезво вглядываясь в окружающий мир. Его переполняли творческие замыслы, направленные на развенчание буржуазно-либеральных ценностей. Однако сначала он взялся за «криминальный» роман, фабулу которого подсказала ему газетная заметка в разделе уголовной хроники об убийстве бедным московским студентом двух пожилых женщин с целью грабежа. Орудием убийства, как и в романе, послужил топор.

«Психологический отчет одного преступления» (так охарактеризовал свое произведение автор) был начат им при весьма необычных обстоятельствах. Заключение со Стелловским договор дал возможность писателю расплатиться с первоочередными долгами и выехать за границу. Однако финансовые проблемы Достоевского обострились, потому что в Висбадене он за пять дней проиграл в казино все деньги и часть личных вещей, включая карманные часы...

Там, в тесном номере, «без денег, без еды и без света», Федор Михай-

лович начал писать «Преступление и наказание». Не удивительно, что тема денег, острейшая нужда персонажей в конкретных суммах обретает у Достоевского невиданный в русской литературе трагизм.

Жесткий срок сдачи романа по договору поджимал, но, несмотря на это, в ноябре 1865-го Федор Михайлович забраковал и сжег многостраничный черновик и принялся лихорадочно писать заново. Через месяц он представил в «Русский вестник» М. Каткову первые семь печатных листов и далее отсылал ему по мере готовности часть за частью произведения (договор со Стелловским допускал его первоначальную журнальную публикацию). «Сижу над работой, как каторжник... — сообщал Достоевский в одном из писем. — Всю зиму никуда не ходил, никого и ничего не видел, в театре был только раз... И так продолжится до окончания романа — если не посадят в долговое отделение».

Катков, в течение года выплачивавший писателю гонорары, помог ему избежать долговой тюрьмы и, в свою очередь, благодаря публикации «Преступления и наказания», заметно увеличил тираж журнала. В 1866 году роман стал самым обсуждаемым в газетно-журнальной периодике литературным произведением и пользовался необычайным читательским спросом. Его выход в свет сопровождался появлением

многочисленных «спутников», подражаний, которые с разными вариациями воспроизводили фабулу, сюжетные коллизии, мотивы и образы оригинала.

Существенное влияние оказал он и на мировую литературу. Всплеск интереса к нему во Франции 80-х годов вызвал поток подражаний и заимствований. В парижском театре «Одеон» с успехом шла сценическая версия романа. В следующем столетии нашумевший пародийный детектив А. Жида «Подземелье Ватикана» французская критика восприняла как полемический парафраз «Преступления и наказания». Переключка с этим произведением наблюдается уже в первом романе лауреата Нобелевской премии А. Камю «Счастливая смерть». Тема «убийства по совести» продолжается в его повести «Посторонний», где отдельные сюжетные линии опять-таки восходят к шедевр русскому классика. «Он учит нас тому, что мы знаем, но отказываемся признавать» — так отзывался Камю о Достоевском.

Подобное мнение разделял популярнейший итальянский писатель-романтик Г.Д. Аннунцио. Большим поклонником Достоевского был немецкий лауреат Нобелевской премии, автор культового «Степного волка» Г. Гессе, писавший: «Книги, подобные «Идиоту», «Раскольникову» и «Братьям Карамазовым», будут в грядущем, когда все внешнее

в них устареет, восприниматься человечеством в их совокупности так, как мы сейчас воспринимаем Данте... ибо в нем запечатлен поэтический образ целой эпохи мировой истории».

Под угрозой потери на девять лет в пользу издателя Стелловского авторских прав на свои произведения и гонораров писатель должен был представить ему рукопись нового романа не позднее 1 ноября 1866 года. Федор Михайлович оказался в цейтноте, когда выполнить данное обязательство просто не было физической возможности. Случайно друг Достоевского литератор, библиограф и педагог А. Милюков предложил для ускорения работы воспользоваться только входившей тогда в моду стенографией и подыскал лучшую стенографистку в Петербурге, Анну Григорьевну Сниткину.

При ее самоотверженности и поистине вдохновляющем содействии за 26 дней (!) был создан роман «Игрок». Спустя неделю после сдачи рукописи Федор Михайлович сделал Анне Григорьевне предложение и 15 февраля 1867 года обвенчался с ней в Троицком соборе Санкт-Петербурга. Освободившись от кабального договора со Стелловским, но по-прежнему находясь в зависимости от кредиторов, писатель с новой женой отправился за границу, дабы уберечь от их притязаний щедрый гонорар Каткова за журнальную публикацию «Преступления и наказания».

В Женеве Достоевский начал, а во Флоренции закончил роман «Идиот», едва ли не самое сложное и многозначное его произведение. Трагический пафос романа заключен в том, что «вполне прекрасный» человек, «Князь-Христос» Мышкин не в состоянии осчастливить никого, хотя искренне готов ради этого к самопожертвованию. Не удастся ему победить также враждебные силы,

Аполлинария Сулова

жертвой которых становится и он сам. Закрепленный Достоевским в «Преступлении и наказании» психологический метод письма с изображением водоворота страстей и душевных терзаний персонажей проявился здесь во всю силу. Перед нами — судьба стихийного пророка в жестоком современном мире, где из прихоти кидают огромные деньги в огонь камина, жгут, испытывая волю, руку на пламени свечи, где лгут, убивают и сходят с ума...

Анна Григорьевна, по ее собственному признанию, любила Достоевского еще до встречи с ним. Она стала женой писателя в 20 лет, но житейская неопытность и большая разница с мужем в возрасте не помешали ей твердо взять в свои руки устройство быта и финансовые дела семьи, оберегая Федора Михайловича от кредиторов. В браке у них родилось четверо детей — две дочери и два сына. После смерти Достоевского вдова собирала документы, связанные с его жизнью и творчеством, занималась изданием его сочинений, готовила к печати свои дневники и воспоминания.

Во многом благодаря неустанным стараниям Анны Григорьевны, Достоевский смог преодолеть игровую зависимость, обрести покой и житейский комфорт. В живописном уголке Старой Руссы, небольшом городке под Петербургом, был куплен на лето уютный дом с тенистым садом, в котором писатель любил сам сажать яблони и смородиновые кусты. Там, в нынешнем мемориальном музее, вас угостят «яблоками из сада Достоевского».

В Старой Руссе Федор Михайлович работал над предпоследним романом «великого пятикнижия», романом воспитания «Подросток», который был начат в феврале 1874-го и закончен в ноябре 1875-го. По просьбе Некрасова писатель предоставил рукопись журналу «Отечественные записки», пре-

жде чем выпустить его отдельным изданием.

Тему произведения Достоевский определил сам: «О будущем России — детях». Герой романа юный Аркадий Долгорукий пытается осуществить «идею Ротшильда» — «цель не богатство материальное, а могущество». При этом главным в романе Достоевский считал поиск героем своего идеала. И вновь на первый

вернуться к атеизму. Конкретный прототип имеется и у повесившейся девушки Ольги. Документально обоснованы в романе истории о подпольной рулетке, мошенничествах с купонами Рыбинско-Бологовской железной дороги, о пьяном студенте, пристававшем к женщинам...

«Подросток» по праву считается едва ли не самым динамичным и насыщенным событиями романов Достоевского. Для описания обще-

Д

остоевского переполняли творческие замыслы, направленные на развенчание буржуазно-либеральных ценностей. Однако он взялся за «криминальный» роман, фабулу которого подсказала ему газетная заметка в разделе уголовной хроники об убийстве студентом двух пожилых женщин с целью ограбления. Достоевский назвал роман «Преступление и наказание» и охарактеризовал его как «психологический отчет одного преступления»

план здесь выходит тургеневская тема «отцов и детей», решаемая автором по-новому. Противопоставляя дворянина Версилова, биологического отца Аркадия, и его формального родителя, дворового человека Макара Долгорукого, писатель видит в последнем символ народной правды и нравственного «благообразия».

На роль великого грешника предназначался автором Версиров. Он должен был нести черты самого Достоевского, пройти путь от атеизма к вере и сектантству, чтобы вновь

стивенных беспорядков писатель обращался к газетным отчетам, уголовным хроникам, к делам об убийствах и самоубийствах, подлогах и других преступлениях. Он намеренно объединил все изученные им случаи преступных деяний вокруг одной группы персонажей, вошедших в кружок Дергачева, делая пространство романа совершенно беспорядочным и тем достигая поставленной цели — показать нарастающую опасность людей «хищного типа», которых, по его словам, развелось так много, что они провоцируют об-

*Анна
Григорьевна
Достоевская*

щественный хаос, подрывают устои нравственности. Проблема, согласитесь, отнюдь не утратившая актуальность и в наши дни.

Итогом творческого и жизненного пути Федора Михайловича Достоевского стал «семейный» роман в четырех частях с эпилогом «Братья Карамазовы» (1880), затрагивающий вечные вопросы о Боге, свободе, морали. Некоторые образы, идейные мотивы и сюжетные положения романа прослеживаются почти во всех предшествующих произведениях Достоевского, начиная с «Бедных людей».

Замысел романа возник у автора в 1878 году в черновых заметках «романа о детях». В тот год

он должен был возглавить российскую делегацию на Международном литературном конгрессе в Париже под председательством В. Гюго, но из-за болезни и смерти сына Алексея не смог присутствовать на конгрессе.

Расширившийся замысел привел его к заинтересованному знакомству с философией «Общего дела» одного из родоначальников русского космизма Н. Федорова, идеи которого он признавал «как бы за свои». На плодотворные творческие размышления подтолкнули его также лекции выдающегося религиозного мыслителя и поэта Вл. Соловьева о Богочеловечестве и соотношении природного и нравственного начал человеческой личности, что найдет затем отражение в «Братьях Карамазовых». Несколько дней, проведенных вместе с Вл. Соловьевым летом того же года в Оптиной пустыне

и встречи с иноками повлияли на создание в романе ключевого образа старца Зосимы.

«Братья Карамазовы» были начаты в Старой Руссе и окончены в последней петербургской квартире писателя в Кузнечном переулке. Три брата — младший Алеша, Иван и Дмитрий (Митя) на фоне уголовного следствия и судебного процесса по делу об убийстве их отвратительного сладострастника-отца Федора Павловича «заняты мучительными раздумьями о первопричинах и конечных целях бытия», и каждый из них пытается принять бессмертие души, а, следовательно, — Бога.

Образ мыслей сомневающегося скептика Ивана выражен знаменитой фразой: «Если Бога нет, все позволено». Мысль эта красной нитью проходит через весь огромный роман и, по сути, разделяема автором. Алеша, в отличие от Ивана, убежден в существовании Бога и бессмертии души. Для себя он решил бесповоротно: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю». К такому же выводу склоняется и Дмитрий, который говорит: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Характерной особенностью последнего романа, как, впрочем, и других произведений Достоевского, выступает чрезвычайная скупость автора в использовании мимики и жестов персонажей. Решающее

значение писателем отдано здесь слову и диалогу, количество же физических движений сведено к минимуму. Другое дело, что диалоги в романе завораживают. Они-то и дали основание западным исследователям выдвинуть тезис о «загадочной русской душе», предъявленной миру «Братьями Карамазовыми».

Среди восхищенных отзывов об итоговом произведении Достоевского западных литературных критиков разных эпох хочется упомянуть два. Бельгийский поэт, один из зачинателей символизма, Э. Верхарн заявил, что «Братья Карамазовы» примыкают «к великому племени персонажей Шекспира и Бальзака». И добавил: «Это трепещущее и окровавленное человечество; это сверх острая патетика; это ясновидение, прозревающее все — сквозь мглу и ночь». А замечательный американский прозаик Ф.С. Фицджеральд признавался, что «любил больше других европейцев Достоевского», был потрясен «Братьями Карамазовыми», испытал их влияние, когда писал «Великого Гэтсби», и настоятельно рекомендовал дочери прочесть эту книгу, чтобы та увидела, «каким может быть роман».

Если с выходом в свет «Братьев Карамазовых» прижизненная слава писателя достигла апогея, то поистине легендарная Пушкинская речь Достоевского, произнесенная им 8 июня 1880 года на торжествах

в честь открытия памятника Поэту на Тверском бульваре, стала его прощальным триумфом. Даже не согласные с выраженными в речи почвенническими идеями Достоевского подтверждали поразительный эффект, который эта речь произвела на публику, собравшуюся после открытия памятника на заседание Общества любителей российской

мучили меня. Прибежали студенты. Один из них ...упал передо мною на пол и лишился чувств... Согласись, Аня, ...это залого будущего, залого всего, если я даже и умру».

Федор Михайлович скончался полгода спустя, 28 января 1881 года, от туберкулеза и эмфиземы легких, предчувствуя, что не переживет той

И

тогом творческого и жизненного пути Ф.М. Достоевского стал «семейный» роман в четырех частях с эпилогом «Братья Карамазовы», затрагивающий вечные вопросы о Боге, свободе, морали. Замысел романа возник у него еще в 1878 году в черновых заметках «романа о детях». Решающее значение в этом романе отдано слову и диалогам, которые буквально завораживают. Они-то и дали основание западным исследователям выдвинуть тезис о «загадочной русской душе», предъявленной миру «Братьями Карамазовыми»

словесности в Благородном собрании (ныне — Колонном зале Дома Союзов).

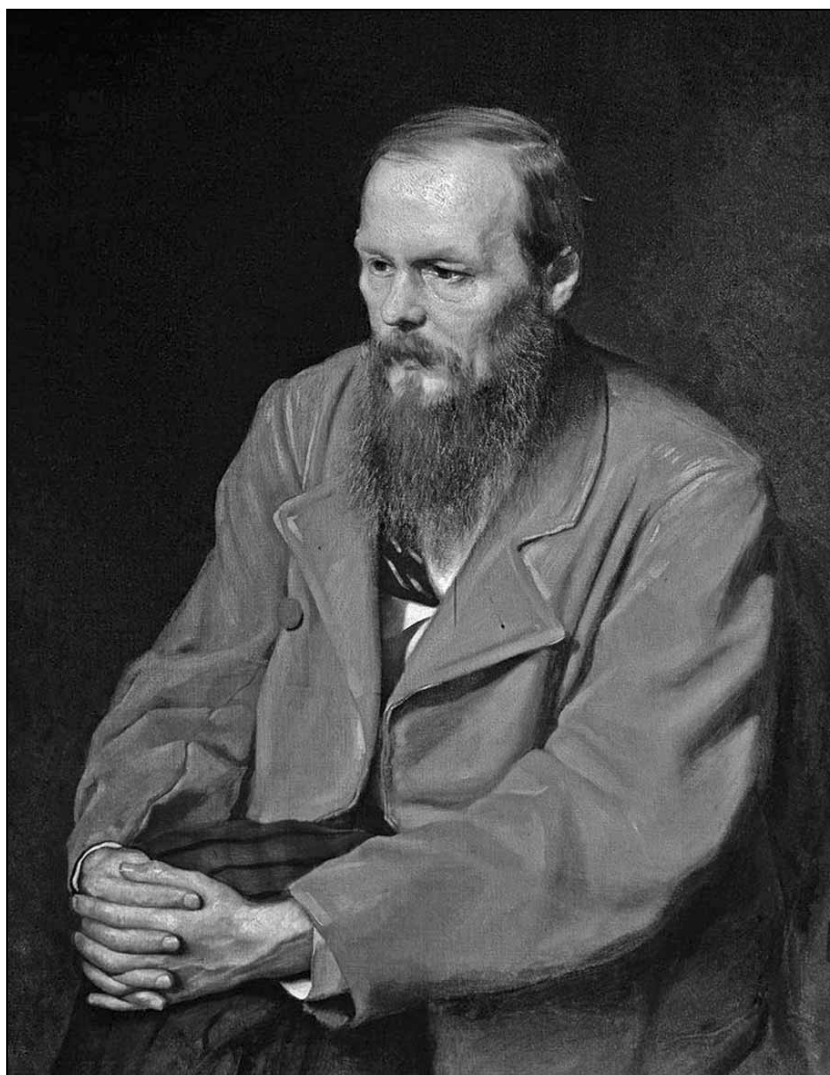
«Зала была как в истерике, — писал Федор Михайлович из Москвы жене. — ...люди незнакомые... рыдали, обнимали друг друга и клялись... не ненавидеть впредь друг друга, а любить... Все ринулось ко мне на эстраду... обнимало, целовало меня... «Вы наш святой, вы наш пророк!» — кричали в толпе... Я бросился спастись за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное, женщины. Целовали мне руки,

зимы. Вдохновенные строки Пушкинской речи он дописывал за столом у окна в Старой Руссе. «Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с Петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание». И заключительные три фразы: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами

было бы, может быть, менее недоразумений и споров... Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Нет, он не подводил итоги, не готовился к смерти. За тридцать пять дней до кончины писал: «А теперь пока еще только леплюсь. Все еще только начинается». Его одолевали грандиозные планы, мечты, размышления о новых временах: («будущая наука», «атеизм» «права человечества», «Россия через два столетия» рядом с «померкшей, истерзанной и оскотиневшейся Европой с ее цивилизацией»). Ослепительная фантазия рождала гениальные наброски, набегающие один на другой...

Текли стремительно отрешенные ночные часы. Росла на конторке стопка исписанных листков. Занималась постепенно

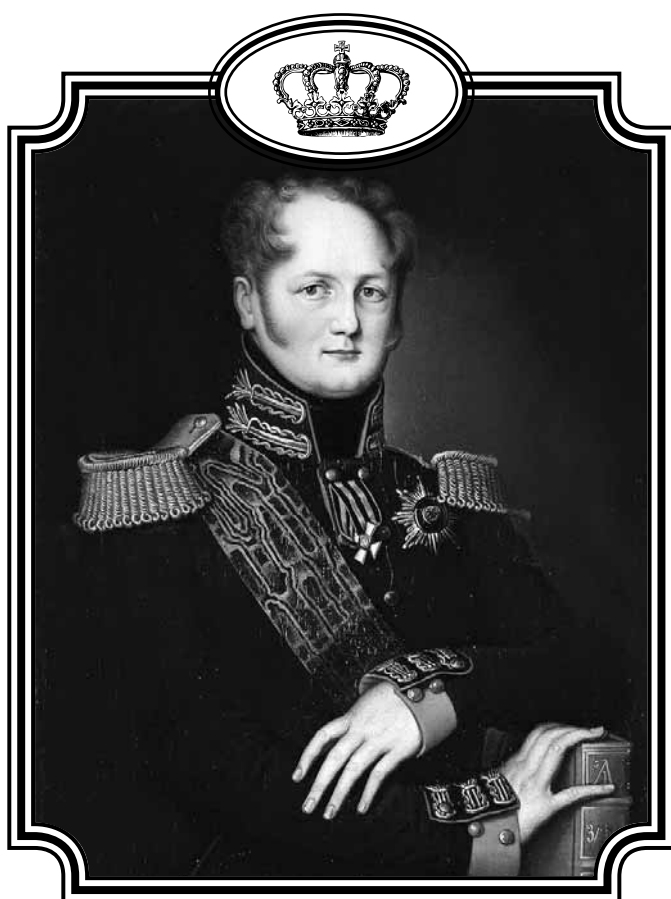

холодная заря над верхушками ломкого, прозрачного, как дым, северного леса...

Он в упор, не отводя взгляда, рассматривал зло и смерть, ибо искал силы сопротивления злу и смерти. И — находил их в лихорадочной работе, предугадывая то, на что мы и сегодня изумленно шепчем: «Откуда он мог это знать?!» Последние весточки из Старой Руссы все о том же. «Я здесь, как в каторжной работе, и, несмотря на постоянно прекрасные дни, которыми надо бы пользоваться, сижу день и ночь... — кончаю «Карамазовых».

...Он уезжал до весны, укутав от холодов стволы яблонь. □

СЕВЕРНЫЙ СФИНКС

Через год и три месяца после бракосочетания цесаревича-наследника Павла Петровича и Вюртембергской принцессы Софии-Доротеи-Августы-Луизы, во святом крещении — благоверной Марии Феодоровны, 12 декабря 1777 года родился первенец — здоровый и крепкий мальчик. Радовалась вся Россия: прямое престолонаследие обеспечивалось. Радовались родители новорожденного: их союз, заключенный — редкий случай в царствующих домах! — по любви, был явно благословлен свыше. Радовалась императрица Екатерина, уже приготовившая долгожданному внуку имя — Александр. Никто тогда и предположить не мог, что на свет появился один из самых противоречивых и загадочных монархов в российской истории.

Восприемниками при крещении его были император Иосиф II и король прусский Фридрих II: Россия, Австрия и Пруссия соединились у колыбели будущего творца Священного союза. Поэты того времени — Майков и Державин — торжественными одами приветствовали рождение будущего повелителя России.

Но радость родителей закончилась быстро: Екатерина отобрала у них сына, заявив, что сама займется его воспитанием. Возражать великокняжеская чета не смела, но теплоты в их отношении к императрице это, естественно, не внесло. Только последовавшая вскоре вторая беременность великой княгини немного смягчила горькую обиду. Увы, ненадолго.

Екатерина не обращала на чувства сына и невестки ни малейшего внимания. Она лично руководила воспитанием мальчика, видя в нем не только будущего самодержца, но и продолжателя дела, начатого Петром Великим. Властная и волевая государыня была сентиментальной и нежной бабушкой, находившей величайшее удовольствие и в стирке замаранной одежки юного Александра, и в его образовании: она дала русскому обществу наглядный курс педагогики и школьной гигиены, написав для внуков (вслед за Александром она отобрала у родителей и второго сына — Константина) «Бабушкину азбуку», немало рассказов-басен, «Записки, касающиеся русской истории» и многое другое.

Возможно, это происходило еще и потому, что в радостях материнства самой Екатерине было отказано. Сына Павла сразу после его рождения забрала к себе свекровь — императрица Елизавета Петровна, дочь Анна умерла в младенчестве, а заботиться о своих внебрачных детях — от Григория Орлова и Григория Потемкина — она, уже сама ставшая императрицей, естественно, не могла. Приходило ли ей в голову, что она поступает несправедливо по отношению к родителям Александра? Вряд ли Семирамида Севера задумывалась о таких пустяках, как чувства других людей; она считалась только с собственными желаниями.

А маленький Александр был так обворожителен, так послушен! Ека-

терина с гордостью писала своим заграничным корреспондентам, что этот ребенок — настоящий ангел и чудо как умен. По-английски он заговорил раньше, чем по-русски, потом так же легко освоил французский и немецкий. В этом, несомненно, была большая заслуга его воспитателя — специально приглашенного Екатериной II в Россию швейцарца Ф. Лагарпа. Якобинец по убеждениям, он воспитывал Александра с пятилетнего возраста на протяжении одиннадцати лет, искренне и доходчиво передавая своему подопечному идеи французских мыслителей Ж.Ж. Руссо, Г. Мабли, английского историка Э. Гиббона. Он не знал Россию, не ведал ее прошлого и воспитывал будущего царя на близких своему сердцу примерах просвещенной Европы. Человек честный и порядочный, Лагарп сохранял к Александру искреннюю привязанность и бескорыстную дружбу многие годы.

Идеи европейских мыслителей не очень хорошо сочетались с атмосферой двора Екатерины Второй — роскошного, праздного, далеко не целомудренного. А ведь были еще и родители, с которыми Александру августейшая бабушка позволяла иногда видеться. Великий князь Павел на дух не переносил ни якобинцев, ни екатерининских нравов, а великая княгиня и вовсе пребывала в ужасе от того, как воспитывают ее первенца. Так что Александру чуть ли не с младенчества пришлось усвоить тонкое мастерство притворства и лице-

мерия. Отсюда — противоречивость его характера, которую многие принимали за изощренное коварство. Но Александр вовсе не был коварен, он просто не мог твердо придерживаться какой-то определенной позиции.

Екатерина мечтала передать ему престол в обход законного наследника — его отца, и Александр всячески поддерживал в ней убеждение, что он тоже мечтает как можно скорее стать императором. Но... еще в десятилетнем возрасте при очередном свидании с отцом доложил ему об этих планах и даже присягнул как будущему императору. Почти двадцать лет ему пришлось придерживаться этой сложной линии поведения: поддакивать бабушке и выражать почтение родителям. Это были вещи взаимоисключающие, но Александру блистательно удавалось маневрировать между двумя враждебными партиями.

Впрочем, вряд ли он сам знал, чего на самом деле хочет. С одной стороны, он испытывал искреннее (но тщательно скрываемое) отвращение к власти вообще, с другой — стремился к ней, руководимый благими порывами переустройства российского государства на европейский лад. Но только законным путем, а не «через голову» дражайшего батюшки.

Жить при дворе Екатерины Великой и исповедовать взгляды Жан-Жака Руссо на отношения между мужчиной и женщиной тоже было непросто, если вообще возможно.

Разумеется, любящая бабушка и тут не оставила внука без поддержки. С одной стороны, она торопилась найти ему достойную жену — будущую российскую императрицу. С другой... поручила одной из придворных дам практически подготовить жениха к брачному ложу, научив его тайнам «тех восторгов, кои рождаются от сладострастия». Это было тем более актуально, что уроки Лагарпа не пропали даром, и его воспитанника с полным правом можно было назвать высоконравственным юношей. Да и в будущем, имея неограниченные возможности, власть, обладая прекрасной внешностью, манерами, он поневоле влюблял в себя многих дам и молоденьких женщин. Они влюблялись в него даже тогда, когда ему, человеку близорукому и постепенно терявшему слух, было под пятьдесят. Но сам он чаще всего оставался к ним безразличным, ограничивая свои отношения вежливым общением.

Тем временем Екатерина II пригласила в Петербург из Бадена юную принцессу Луизу — умницу, красавицу, очаровавшую в октябре 1792 года не только наследника, но и весь двор и вообще — всех жителей столицы. Воздушная блондинка, слегка меланхоличная и склонная к задумчивости, она, оживляясь, становилась совершенно неотразимой. Александр влюбился если не с первого взгляда, то с первой встречи, причем чувство его было абсолютно взаимным.

23 сентября 1793 г. состоялось бракосочетание пятнадцатилетней

*Родители
Александра I —
Павел I и Мария Федоровна*

Луизы, нареченной в России Елизаветой, с шестнадцатилетним Александром. Елизавета была безумно влюблена в своего молодого супруга. «Два ангела», — шептались допущенные к церемонии бракосочетания придворные. Императрица Екатерина непритворно плакала от счастья, а мать жениха первый и последний раз в жизни брала пример со своей свекрови.

Поначалу брак этот очень напоминал идиллию: юные супруги были неразлучны, появлялись на людях только рука об руку. Двор Екатерины Великой был весел и пышен, празднества сменялись другими празднествами и, наконец, Елизавете Алексеевне стало казаться, что они с су-

пругом скованы не только цепями Гименея, но и другими — тоже золотыми — цепями обязательного участия в придворной жизни. А она разделяла тягу своего юного супруга к беседам в узком кругу, а то и к полному уединению.

При русском дворе скоро появились французы-эмигранты, Елизавета Алексеевна имела от матери сведения о французах, заставивших семью маркграфа оставить на время Карлсруэ; и хотя не была «реакционеркой», страх за семью внушал ей ненависть к Франции.

По-видимому, и Александр не одобрял событий в обновленной Франции. Лично он переживал тяжелый кризис: Екатерина не скрывала сво-

*Александр I
в юные годы*

его намерения оставить престол ему, а не его отцу. Этот щекотливый вопрос о престолонаследии Александр не отважился решить прямо: в сентябре 1796 года он дал Екатерине согласие принять престол, но, в то же время, присягнул отцу, как законному будущему императору. Похоже, что в душе он был на стороне отца и намеревался даже скрыться в Америке, если бы его заставили принять престол. Так, во всяком случае, можно понять из намеков Елизаветы Алексеевны в письмах к ее матери. Супруга Александра, разумеется, собиралась бежать из России вместе с ним: перспектива взойти на трон приводила ее в ужас. Но она молчала

и делала вид, что наслаждается жизнью при дворе.

Александр не молчал, но, как почти все слабохарактерные люди, скрывал свои истинные мысли и чувства, притворялся, старался казаться другим, чем был на самом деле. Сначала это делалось из желания угодить одновременно бабушке и отцу, но постепенно стало его «второй натурой».

Его истинные убеждения часто приходилось отгадывать. При дворе императрицы он — беззаботный, веселый кавалер в духе маркизов XVIII столетия, скромно, временами даже льстиво беседующий в Эрмитаже с Екатериной и ее фаворитами, играющий в карты, слушающий оперы, концерты, иногда даже сам музицирующий... В Павловске и Гатчине он — офицер, затянутый в прусскую форму, муштрующий своих солдат, спокойно слушающий брань офицеров-немцев.

В частных беседах с молодыми друзьями, критикующими Екатерину и ее систему, он — вольнодумец и вольте-

рианец, либерал, поклонник принципов революции, скорбящий вместе с князем Чарторыйским о «несчастной Польше». С отцом и матерью — примерный сын, хохочущий над грубыми остротами отца и поддакивающий сентиментально-выспренним нотациям матери. Настоящего Александра знала, пожалуй, только его супруга, но когда первые восторги «брака-идиллии» прошли, и Елизавета Алексеевна уже не всегда понимала истинные чувства мужа. К тому же он все чаще проводил ночи в своих покоях, а не в супружеской спальне.

Внезапная смерть Екатерины резко изменила ситуацию. Елизавета Алексеевна, пожалуй, раньше других поняла опасные приметы нового режима и острее мужа почувствовала весь ужас создавшегося положения. Веселые вечера в «Эрмитаже» сменились «протокольными» семейными прогулками и невыносимо скучными семейными приемами во дворце.

Постепенно беспокойство передалось и Александру, который в письме своему воспитателю Лагарпу, покинувшему Россию, в сентябре 1797 года написал:

«Мое отечество находится в положении, не поддающемся описанию... Вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев».

Между строк этого осторожного послания прочитывается стремление изменить государственный строй в России путем проведения «революции сверху», то есть принятия Конституции и создания выборных органов власти. Александр теорети-

*Елизавета Алексеевна —
супруга Александра I*

чески стремился к конституционной монархии (по примеру Англии), но практически вынужден был выполнять мелкие и унижительные поручения отца-императора, характер которого портился с каждым днем и становился все более непредсказуемым.

Мало кому известно, что первый заговор против императора Павла составил еще в 1799 году. Нет, никто еще не собирался физически устранять «батюку курносого», но планировали учредить при нем регентство, а регентом сделать Александра.

Вариант замечательный во всех отношениях, но... почему-то так и не воплотившийся в жизнь.

Зато рождение у Александра и Елизаветы долгожданного ребенка — девочки, привело к неожиданному скандалу. Младенец был «не той масти» — темноволосый, с карими глазами. Из чего император Павел тут же сделал вывод, что его новорожденная внучка на самом деле «плод греховной связи» невестки с князем Адамом Чарторыйским. Двор охотно подхватил эту версию — и польскому аристократу пришлось спешно покинуть Россию. Александр же потерял близкого друга, к тому же он лучше других знал, кто отец ребенка.

Девочка, окрещенная Марией в честь императрицы, не прожила и года. Елизавета окончательно замкнулась в своем горе, перестала посещать даже обязательные «семейные посиделки». Подлинных чувств Александра не знал никто, но горевал он о смерти дочери вполне искренне. И, скорее всего, сделал еще один шаг по пути, на который усиленно толкали его заговорщики.

Масла в огонь подлило еще и то, что император внезапно и резко охладел к своей супруге и обоим старшим сыновьям, подозревая их в «измене». Ни слезы Марии Федоровны, ни клятвы в верности Александра и Константина не подействовали: Павел призвал в Россию 13-летнего племянника Марии Федоровны, Евгения Вюртембергского, которого вознамерился сделать

своим наследником и женить на великой княжне Екатерине. Это, судя по всему, и переполнило чашу терпения недовольных: новый заговор стал стремительно набирать силу.

Дальнейшее всем хорошо известно: мартовская ночь в Михайловском замке, «апоплексический удар табакеркой в висок», истерики возжелавшей трона Марии Федоровны, малодушные слезы Александра... Гибель отца потрясла его, а угрызения совести с годами преследовали все больше и больше. Ведь он хотел не смерти отца, а лишь ограничения его деспотической власти. Но в России так не могло быть просто потому, что это была Россия. Либо — самодержец, либо — покойник, третьего не дано.

В страшные дни похорон Павла и коронации Александра действительную поддержку новому императору оказала только его жена. И была «вознаграждена» за это последующим охлаждением и отдалением от мужа: Александр не терпел возле себя никого, кто хоть раз оказывался свидетелем какой-то его слабости.

К моменту своего восшествия на престол 24-летний Александр был уже сложившейся личностью. Внешне красивый, подтянутый, он всегда был подчеркнута скромн, элегантен. Его любовь к порядку, симметрии порой доходила до абсурда и была поводом для добрых шуток в первые годы пребывания у власти и для злословия в последние годы жизни.

Многие современники, с детства знавшие будущего царя, отмечали противоречивость его характера; человек умный и образованный, он в то же время боялся государственных забот, казавшихся ему непосильными. Не случайно А.И. Герцен называл его «коронованным Гамлетом». Это определение было очень метким, если иметь в виду духовную жизнь царя, его нравственные переживания. Но в отличие от принца датского, он умел проявлять в поли-

обожания. Все в нем удивляло простотой, доступностью и, казалось, неподдельной искренностью. Первые жители Петербурга увидели императора не проезжающим в золоченой карете в окружении нарядной многочисленной свиты, а скромно гуляющим в одиночестве по городу пешком и приветливо отвечающим на поклоны прохожих. Такая простота в отношениях с горожанами не могла не покори́ть население столицы и других городов...»

Екатерина мечтала передать внуку престол в обход законного наследника — его отца, и молодой Александр всячески поддерживал в ней это убеждение, а сам при очередном свидании с отцом доложил ему об этих планах и даже присягнул как будущему императору. Почти двадцать лет ему пришлось придерживаться этой сложной линии поведения: поддакивать бабушке и выражать почтение родителям. Но ему блистательно удавалось лавировать между двумя враждующими партиями

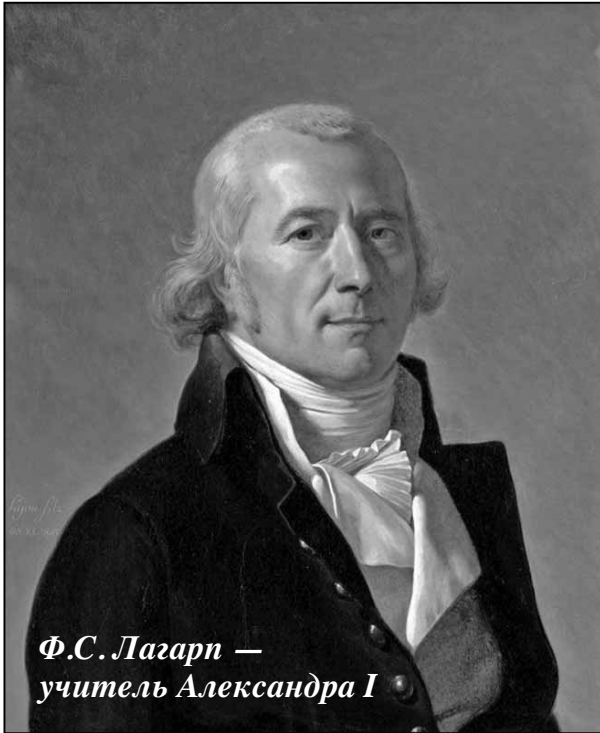
тике твердость, гибкость, а порой, используя свой артистический талант, и хитрость.

Наполеон, уже находясь на острове Святой Елены, писал: «Александр умен, приятен, образован. Но ему нельзя доверять. Он неискренен. Это — истинный византиец, тонкий притворщик, хитрец».

В.О. Ключевский отмечал, что «с первых дней пребывания у власти Александр I стал предметом всеобщего внимания и восторженного

А.П. Ермолов, тогда еще молодой офицер, проходивший службу в Вильно, вспоминал, что многие, находившиеся при Павле I в опале, наслаждались «кротким царствованием Александра I», все благословляли его имя, и любви к нему не было предела. Тогда-то и начали прибавлять к имени императора определение «Благословенный», так поражающее современных исследователей-историков.

Тот же В.О. Ключевский, не склонный к излишним восторгам и доста-

*Ф.С. Лагарн —
учитель Александра I*

точно объективный, писал об императоре:

«...он принес на престол больше благих желаний, чем практических средств для их осуществления... Царь не знал ни прошлого, ни настоящего страны, за управление которой брался; кроме того, он не имел достаточно наблюдений и соображений, чтобы по ним составить целесообразный и удобоисполнительный план преобразований».

Достойный последователь Жан-Жака Руссо, Александр Первый совершенно не задумывался о механизме проведения предполагаемых реформ и об их исполнителях, руководствуясь исключительно личными симпатиями, часто — как показала практика — достаточно миллетными.

Как следствие такого подхода, многие задачи, не получавшие, как

сказали бы мы теперь, научного обоснования, оказывались исключительно декларативными заявлениями. Уже в первый день пребывания у власти, 12 марта 1801 года Александр I подготовил манифест, в котором обещал управлять народом «по законам и по сердцу своей премудрой бабки». Одному Богу известно, как он намеревался совмещать екатерининские методы правления с обязательными, по его мнению, законностью и уважением воли народа. Тем не менее, «популистские» шаги были сделаны в первые же месяцы нового царствования. Практически опустели казематы Петропавловской крепости, примерно двенадцать тысяч опальных при Павле I дворян получили свои прежние права; исчезли виселицы с приколоченными к ним дощечками, на которых писались имена казненных. Было разрешено привозить из-за границы книги; заработали закрытые прежде типографии; неудобная военная форма прусского образца была заменена на более удобную — мундиры с высокими и твердыми воротничками. И — самое главное, пожалуй: навсегда были запрещены пытки при допросах. Только за это следовало благословлять нового императора, ибо кнут и дыба были неизменными спутниками почти любого «дознания» в России на протяжении столетий. Историки исхитрились это забыть, во всяком случае, практически ничего и нигде об этом не писали. Зато прозвище «кочующий деспот», данное Алек-

сандру I его тезкой-стихотворцем, не упоминал, пожалуй, только неграмотный, хотя оно абсолютно несправедливо и даже глупо.

А тогда, казалось, для России наступает золотой век. Идя навстречу обществу, Александр намеревался устранить произвол управления и упразднить крепостное право (!) — о последнем намерении историки тоже предпочитают не упоминать. Что касается советской историографии, то это вполне естественно, поскольку отмена крепостного права по инициативе «сверху» лишала выступления декабристов вообще какого бы то ни было здравого смысла. Впрочем, едва оправившись от «строгого павловского ошейника», российское образованное дворянство показало себя во всей красе, фрондируя на показ и далеко не всегда впопад и по делу. «Шумим, братцы, шумим!» — ядовито заметил Александр Грибоедов устами одного из персонажей «Горя от ума». Увы, его тогда не слышали. Или — не пожелали услышать?

Возродившиеся великосветские салоны довольно быстро превратились в своего рода политические клубы, где захлеб обсуждался вопрос о форме власти. Одни возлагали надежды на преобразование Сената, предлагали сделать из него «политический» орган; другие шли дальше, проектируя и реформу Сената, и собрание депутатов; третьи мечтали об усилении в России аристократии, как орудия для ограниче-

ния самодержавия; четвертые толковали о разных действовавших тогда конституциях. Немало было и таких, которые стояли за сохранение самодержавной формы правления во всей ее чистоте, предлагая ограничиться лишь административными реформами.

Ярче всего «якобинские настроения» императора проявились в Указе от 5 июня 1801 года. В нем Александр декларировал свое положение относительно законов следующим образом: «...Быть выше их, если бы я мог, конечно бы не захотел, ибо я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала». Тем же Указом были восстановлены давно забытые права Сената, который, по замыслу императора, должен был стать самым надежным стражем закона. Это произвело на общество чрезвычайно сильное впечатление: правительство заговорил о законности, значит, можно без опаски рассуждать о «благе народа» и прочих интересных вещах. Именно тогда были посеяны семена вольнодумства, немислимого при предшествующих государях. Именно тогда аристократия решила, что можно безбоязненно игнорировать власть императора и пещься о собственных интересах.

Правда, в непосредственной близости от либерального государя тоже образовался тесный кружок представителей высшей аристократии (В.П. Кочубей, П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев, А.А. Чарторыйский). Они по рождению принадле-

жали к высшему обществу, были выразителями аристократических тенденций, к тому же получили европейское образование, были воспитаны на просветительной литературе XVIII века. И, что особенно интересно и о чем традиционно «забывают» историки — были людьми в высшей степени честными, не домогавшимися для себя лично никаких реальных выгод, воодушевленные желанием ра-

Охлаждение Александра к своим ближайшим советникам развернуло их отношение к нему на 180 градусов. «Александр — это совокупность слабости, неверности, несправедливости, страха и неразумия (non-sens)», — это еще самое мягкое из определений, которые давались теперь императору.

Между тем с реформы 1802 года, введенной по настоянию и под силь-

Истинные убеждения Александра часто приходилось отгадывать, так как он скрывал свои чувства и мысли, притворялся, старался казаться другим, чем был на самом деле. Сначала — из желания угодить одновременно бабушке и отцу, но постепенно это сделалось его «второй натурой»

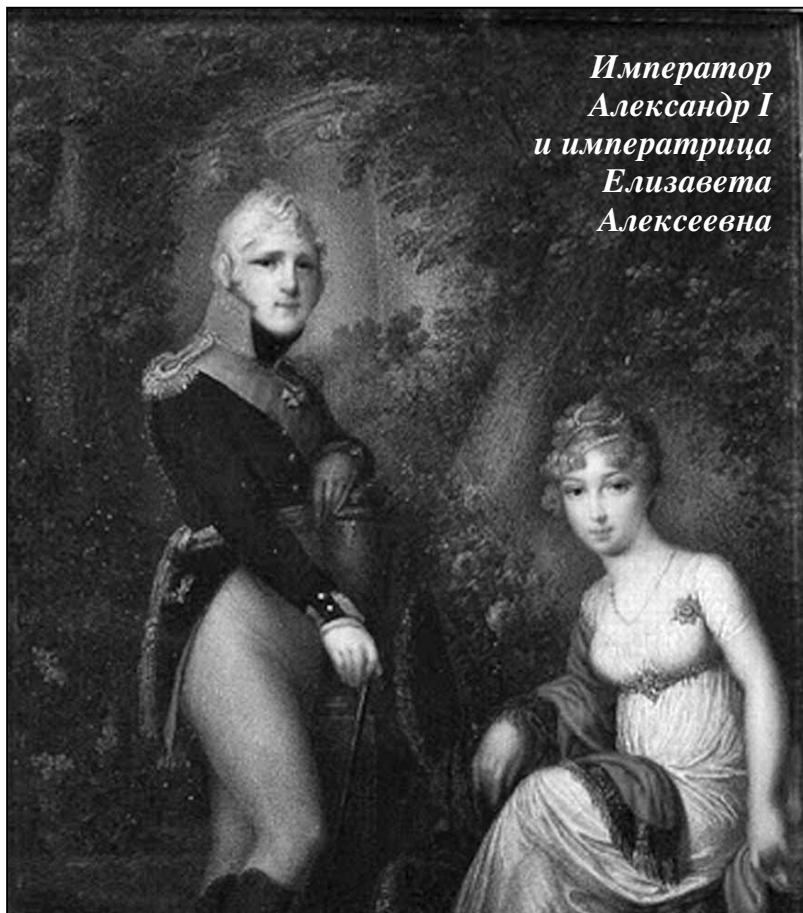
ботать на пользу отчизны. Увы, достоинства этих людей имели обратную сторону: они практически не были знакомы ни с историей России, ни с ее современным положением, а главное — не обладали административными талантами, то есть были чистой воды теоретиками. Немудрено, что к 1806 году император охладел к своим «конфидентам». К тому же они считали Александра недостаточно решительным, поскольку он не торопился издавать Конституцию, при этом напрочь игнорировали тот факт, что за пределами России уже властно заявила о себе новая военно-политическая сила — наполеоновская Франция.

ним влиянием «конфидентов», в России начали самодержавно править министры, что совершенно не соответствовало замыслам императора. Из четырех членов «неофициального комитета» только один Кочубей стал министром внутренних дел, остальные по-прежнему лишь «составляли проекты», ибо плохо представляли себе ту страну, которую собирались реформировать. Не был исключением и император, который поначалу не знал о том, что помещики имеют право продавать своих крепостных, отрывая их от земли, разлучая с семьями. Но уже в 1803 году им был издан указ о вольных хлебопашцах. Почти за четверть века до выступле-

ния декабристов! Но о декабристах знают все, а об указе — единицы.

Поводом для издания указа послужила просьба графа Румянцева, пожелавшего отпустить на волю своих крестьян, наделив их предварительно землей. Справедливости ради следует заметить, что этот указ не сыграл сколько-нибудь заметной роли в раскрепощении крестьян. За все годы правления Александра I свободными стали лишь около 50 тысяч земледельцев, тогда как аграрную Россию в то время населяло 40 миллионов человек...

И все же в решительные минуты истории российский император умел быть честным и благородным, не любил присваивать себе чужой славы. Например, после Аустерлица царь, находившийся в тот момент возле сражавшихся войск, не стал винить в поражении М.И. Кутузова, хотя именно тот руководил боевыми действиями, и основную тяжесть вины взял на се-

*Император
Александр I
и императрица
Елизавета
Алексеевна*

бя. Позже он так оценивал эти события: «Я был молод и неопытен. Кутузов говорил мне, что нам надо было действовать иначе, но ему следовало быть в своих мнениях настойчивее».

Забегая вперед, скажу, что Аустерлиц многому научил русского императора. Через несколько лет, во время Отечественной войны, когда французские войска оставили Москву и успех дальнейших действий был предрешен, Михаил Илларионович приглашал государя возглавить военные действия. У Александра I хватило благородства удержаться от соблазна. Он ответил отказом, сославшись на то, что не желает пожинать лавры, не им заслуженные.

Ни двойственности, ни противоречия. Благородное поведение благородного человека. Это скучно и неинтересно, поэтому было почти мгновенно забыто как современниками, так и их потомками.

Гораздо интереснее было покопаться в другом: в личной жизни императорской четы. В 1806 году у императрицы Елизаветы родилась дочь, крещеная также Елизаветой. Двор замер в сладком предвкушении скандала: всем было известно, что император давно не переступает порога спальни своей законной супруги, а почти открыто сожительствует с красавицей-полячкой Марией Антоновной Нарышкиной, супруг которой предпочитал этого не замечать. И императрица-то какая! Согрешила...

Скандала не произошло. Александр, узнав о беременности супруги, тут же признал еще не родившегося младенца своим. И только сказал Елизавете:

— Молите бога, чтобы у НАС родилась дочь. Только смуты из-за

престолонаследия нам сейчас и не хватает.

Опять-таки благородный поступок. Только вызвал он... насмешки над «слабым» государем и его супругой-прелюбодейкой. Насмешки со стороны высшей аристократии, которая, кстати, особым благонравием не отличалась никогда.

Дочь родилась, только прожила она всего два года. После чего императрицу крайне редко видели на официальных торжествах и чуть чаще — выезжающей из дворца по делам благотворительности. Елизавета Алексеевна тихо отступила в тень, чтобы там и остаться почти до самой смерти своего венценосного супруга...

Молодой государь вскоре после восшествия на престол обратил внимание на работу одаренного чинов-

ника генерал-прокурорской канцелярии, демократа по убеждениям, М.М. Сперанского. Ему было поручено облекать в юридически обоснованные документы расплывчатые, по сути, прожекты Александра I. Талантливому реформатору это часто удавалось. Но даже он в 1803 году в поданной царю записке, в которой подробно рассматривались вопросы государственной реформы, советовал сохранить абсолютную монархию. Новизна его предложений состояла в том, что он рекомендовал создать такие учреждения, которые готовили бы умы к будущей реформе страны.

Это были попытки осуществить юношескую мечту Александра Павловича о даровании России конституции. По оценке историка Г.И. Чулкова, эти благие намерения словно попадали в заколдованный круг: конституция была немыслима в условиях крепостничества, а освобождение крестьян было невозможным при столь жестком самодержавном порядке. К тому же Сперанского — «семинариста, подьячего», по определению аристократов-вольнодумцев, — люто возненавидело все высшее общество. Простолюдин, выскочка стал чуть ли не ближайшим другом императора! Немыслимое нарушение всех негласных норм и законов двора. Хотя те же придворные прекрасно были осведомлены о том, что настоящих друзей у Александра уже не было и не могло быть: двойственность его характера и мгновенный переход от одного настроения

к прямо противоположному исключали даже намек на дружбу.

Тем не менее, в конце 1808 года Александр I поручил именно Сперанскому разработку плана государственного преобразования России. В октябре 1809 года проект под названием «Введение к уложению государственных законов» был представлен императору. Основной задачей этого плана было модернизировать и европеизировать государственное управление путем введения буржуазных норм и форм «в целях укрепления самодержавия и сохранения сословного строя».

Вот эту фразу аристократы-реформаторы почему-то проигнорировали, обвиняя Сперанского в... подрыве основ самодержавия.

По проекту Сперанского население России делилось на три сословия, причем у каждого сословия были свои права:

1. Дворянство имеет гражданские и политические права.

2. «Среднее состояние» имеет гражданские права (право на движимую и недвижимую собственность, свободу занятий и передвижений, выступать от своего имени в суде) — купцы, мещане, государственные крестьяне.

3. «Народ рабочий» имеет общие гражданские права (гражданская свобода личности): помещичьи крестьяне, рабочие и домашние слуги.

Предполагалось создание при императоре Государственного Совета, однако вся полнота власти остава-

лась в руках самодержца, который был вправе прервать работу любого выборного органа власти и даже распустить его, назначать и увольнять министров и сенаторов.

И вот этот ультрамонархический проект был в штыки принят сенаторами, министрами и другими высшими сановниками как... «опасновольнодумный». Александр I не ре-

несмотря на вялый ход осуществления реформ, а в последующем и отказ Александра I от их проведения, в годы его правления было сделано много для укрепления российской государственности. Победой завершились войны с Турцией (1806–1812 гг.) и Швецией (1808–1809 гг.), к империи были присоединены Грузия (1801 г.), Финляндия (1809 г.), Бес-

Многие современники, с детства знавшие будущего царя, отмечали противоречивость его характера — человек умный, образованный, Александр в то же время боялся государственных забот, казавшихся ему непосильными. Не случайно Герцен называл его «коронованным Гамлетом». Но при этом Александр умел проявлять в политике твердость, гибкость, а порой, используя свой артистический талант, и хитрость

шил его реализовать, а годом позже, уступая жесткому давлению практически со всех сторон, отправил Сперанского в ссылку. Правда, впоследствии сильно печалился по этому поводу, называя сосланного советника «способным и полезным» человеком, открыто заявляя о своей вине перед ним.

Тем не менее, М.М. Сперанский долгие годы провел в Нижнем Новгороде и в Перми практически в полном забвении. Хотя именно ему принадлежала идея создания Царскосельского лицея, так что хотя бы поклонники Александра Сергеевича должны быть ему бесконечно признательны.

сарабия (1812 г.), Азербайджан (1813 г.). Последние четыре достижения еще аукнутся России, но много позже. Тогда же присоединенные Грузия и Азербайджан испытывали просто чувство облегчения от того, что прекратились опустошительные набеги турок, и что юных красавиц и красавцев уже не увозят сотнями в заморские гаремы.

Впрочем, Александр Павлович никогда не был одержим планами вмешательства в дела других государств, особенно западноевропейских. Но активная захватническая политика некогда симпатичного ему Наполеона, быстро переродившего-

ся из республиканца в императора, во многом изменила стратегические замыслы Александра I. В марте 1804 года по приказу Наполеона был расстрелян герцог Энгиенский, последний потомок Конде — французского аристократического рода, являвшегося боковой ветвью Бурбонов. По этому поводу российский император послал в Париж ноту протеста. Вскоре на нее был получен ответ, в котором обращалось внимание на то, что подобные действия — внутреннее дело Франции. В документе также говорилось, что три года назад, когда в России был безнаказанно убит Павел I, Франция с подобными протестами не выступала.

Это был прямой намек на отцеубийство Александра, и молодой царь запомнил его. Объективно складывавшееся единоборство двух держав усугубилось личной неприязнью. И если Наполеон еще делал впоследствии какие-то попытки нала-

дить отношения с Россией, сватаясь сначала к великой княжне Екатерине, а затем — к ее младшей сестре Анне, то по негласному поведению Александра Святейший синод официально приравнял Наполеона к антихристу, а борьбу с ним объявил религиозным подвигом.

Это, впрочем, не помешало заключению Тильзитского мира — подписанию договоров между Францией и Россией, Францией и Пруссией. В Тильзите состоялись короткие переговоры

*Смерть императора
Александра I
в Таганроге*

Наполеона и Александра. Они напомнили блестящий спектакль, разыгранный двумя талантливыми актерами. При встрече императоры обнялись. Называя друг друга братьями, они клялись в вечной любви и дружбе. Правда, когда Александр I попытался замолвить слово за короля Пруссии Фридриха Вильгельма, армия которого была разбита Наполеоном, последний отверг это ходатайство, сказав: «Я часто спал вдвоем, но никогда втроем».

Французский император намекал на то, что Александр Первый был откровенно равнодушен к прусской королеве Луизе, считавшейся одной из красивейших женщин своего времени. Александр намек прекрасно понял и... не простил. Впрочем, подписывая Тильзитский мир, он просто выгадывал время, чтобы иметь возможность подготовиться к новой войне.

А в том, что она вот-вот разразится, уже почти никто не сомневался. Эта реальная угроза безопасности государства на долгие годы отодвигала планы реформирования страны. Тем более что «наполеоновский вариант» развития революции во Франции заставил серьезно задуматься над возможностью подобной ситуации в России. И не просто задуматься — принять меры. Правда, недостаточные, но, как показало дальнейшее развитие событий, все-таки эффективные.

Красноречивые манифесты императора Александра, призывавшего весь народ к борьбе с врагом, дерзнувшем вступить на Русскую землю, находили живой отклик во всех сердцах. Ставший уже опытным политиком, вполне образованным военным и сохранив с детских лет хорошие актерские качества, выручавшие его в дипломатической работе, Алек-

сандр I умел, где надо, проявить выдержку и терпение, не мешая действовать более одаренным полководцам. Он мог приложить недюжинные усилия, чтобы укрепить пошатнувшуюся популярность как среди дворян, так и среди крестьянства. Не случайно современники отмечали в нем то неожиданно появившуюся набожность, то стремление, подобно деревенским мужикам, отрастить бороду и есть картофель. Это была не только поза. Иногда царь сам переставал отличать, где игра, а где его истинное лицо.

К сожалению, после бесславного поражения Карла XII под Полтавой, русские не допускали мысли, что враг осмелится приблизиться к Москве. Поэтому там спокойно толковали о войне, собирали пожертвования, щипали корпию, остригли, проектировали полки амазонок. Непрерывное отступление армии быстро изменило настроение: воинственность сменилась страхом, веселость и смех — молитвами, возбуждение — унынием. Помещики боялись крепостных, которым Наполеон сулил свободу.

Обращают на себя внимание некоторые особенности поведения Александра Павловича в это время. Его постоянно одолевал комплекс неполноценности, от которого он пытался избавиться, самоутверждаясь то как политик, то как военачальник. Особенно трудно было ему сопоставлять себя с личностью Наполеона. Тем радостней были победы в походах

против гениального полководца. После одного из удачных сражений Александр I, проезжая мимо приветствовавших его воинов, бросил генералу А.П. Ермолову такую фразу: «В России все почитают меня весьма ограниченным и неспособным человеком; теперь они узнают, что у меня в голове есть что-нибудь».

Эти слова он повторил другому русскому генералу спустя два месяца, когда армия-победительница вступила в Париж в 1814 году.

Тем не менее, Александр оказался достаточно умелым политиком, чтобы, не унизив, не оскорбив чувства собственного достоинства героев войны 1812 года, умело обратить внимание всей Европы на свою персону как на главного победителя в войне.

После победоносной войны сфера политических интересов российского императора значительно изменилась. Все силы он отдавал «борьбе с революцией в Европе», став лидером так называемого Священного союза — союза ведущих европейских держав. Он чувствовал себя вершителем судеб Европы, многие месяцы проводил на международных политических конгрессах, ведя сложные политические дискуссии. Например, осенью 1818 года Александр I на конгрессе Священного союза не побоялся показаться смешным, выступив ярким защитником негров и потребовав самых радикальных мер по прекращению торговли ими (это в то время как в

его собственной стране в это время продолжалась торговля рабами — крепостными крестьянами)...

В 1815 году Александр возвратился в Россию. После Петра он был первым русским государем, ездившим за границу, но он возвращался в свое отечество не тем полным воодушевления человеком, которым покидал его. Он возвращался усталым, пресыщенным: три года, проведенные в непрерывном напряжении, в решении мировых вопросов, его совершенно изменили.

Одним из парадоксов внутренней политики Александра послевоенного времени стало то обстоятельство, что попытки обновления российского государства сопровождались установлением полицейского режима, позднее получившего название «аракчеевщины». Ее символом стали военные поселения, в которых сам Александр, впрочем, видел один из способов освобождения крестьян от личной зависимости, но которые вызывали ненависть в самых широких кругах общества.

В 1817 году вместо Министерства просвещения было создано Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с обер-прокурором Святейшего синода и главой Библейского общества А.Н. Голицыным. Под его руководством фактически был осуществлен разгром российских университетов, воцарилась жестокая цен-

зура. В 1822 году Александр запретил деятельность в России масонских лож и иных тайных обществ и утвердил предложение Сената, разрешавшее помещикам за «дурные поступки» ссылать своих крестьян в Сибирь.

Вместе с тем император был осведомлен о деятельности первых декабристских организаций, но не предпринял никаких мер против их членов, считая, что они разделяют заблуждения его молодости. Его равнодушие очень многие принимали за слабость, как, например, все тот же Пушкин, откровенно презиравший своего царственного тезку...

В апреле 1818 года у великого князя Николая Павловича и его супруги Александры Федоровны (урожденной принцессы прусской Шарлотты) родился сын Александр. И до этого события Николай был любимым сыном вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а его жена — любимой невесткой. Теперь же все мечты старой императрицы сосредоточились на том, чтобы сделать наследником трона Николая (который вовсе не жаждал этой чести). На Константина мать давно махнула рукой, тем более, что он категорически отказывался от короны. А теперь и Александр стал для нее лишь неприятным напоминанием о трагической гибели ее обожаемого супруга.

Отраду и отдых Александр находил только в путешествиях, причем

откровенно признавался, что именно езда доставляла ему удовольствие, а вовсе не цель поездки. Да и конкретной цели-то обычно не было, кроме желания сбежать от тягостных обязанностей императора, холодной неприязни матери и отчужденности младших братьев. Любимая сестра Екатерина, которую Александр одно время мечтал сделать своей наследницей, овдовев, вторично вышла замуж за герцога Вюртембергского, своего кузена, и уехала за границу. Старшие сестры умерли в ранней молодости — впрочем, с ними Александр никогда не был близок.

В последние несколько лет жизни государь чувствовал себя особенно несчастным, замученным совестью, запутавшимся в жизненных противоречиях человеком. Ему, не желавшему престола в юности, довелось ощутить себя европейским освободителем, но в то же время он не сумел освободить от крепостничества Россию, да и сам не освободился от

*Вдовствующая
императрица
Елизавета Алексеевна
в трауре*

тяготившей его власти. Единственным (и довольно неожиданным) утешением стало сближение с императрицей Елизаветой Алексеевной. Как и в первые годы их брака, они стали находить много приятного в обществе друг друга и обнаружили почти полное сходство во вкусах и стремлениях.

Александр все чаще мечтал о тихой жизни с женой где-нибудь на берегах Рейна «в обществе друзей и в изучении природы». Нередко в присутствии близких он заговаривал о своих планах сложить с себя бремя власти. А в августе 1823 года издал секретный манифест, в котором принял отречение брата Константина от престолонаследия и назначил законным наследником младшего брата, Николая Пав-

ловича. К великой радости своей престарелой матушки и к неописуемому огорчению самого новоиспеченного наследника и его супруги, которые предпочли бы спокойную жизнь «для себя». Увы, самый младший в семье великий князь Михаил Павлович еще меньше подходил на роль императора, чем Николай. К тому же у последнего было чрезвычайно высоко развито чувство долга и... преклонения перед волей матушки.

В 1824 году жизнь нанесла Александру Павловичу последний сокрушительный удар: буквально накануне своей свадьбы скончалась от скоротечной чахотки его любимица — дочь от Марии Нарышкиной восемнадцатилетняя Софья. Человека несчастнее, чем Александр, потерявший единственного ребенка, казалось, не было тогда во всей России. И опять же законная супруга поддержала его, проявив самое теплое участие и даже нежность.

Хотя сама уже была тяжело больна, и врачи настоятельно рекомендовали ей ехать для поправки здоровья в Италию.

От поездки за границу императрица наотрез отказалась. Вместе с Александром Павловичем они решили выехать на лечение и отдых в Таганрог. Почему именно туда, а не в благодатный Крым — вопрос, ответа на который до сих пор никто не нашел. Хотя всем известно, что Тамань — отнюдь не курортное место,

студился, а 14 ноября, ослабнув к тому времени окончательно, слег в постель.

Утром 19 ноября, не приходя в сознание, он скончался, что стало полной неожиданностью для всех. Когда весть о кончине государя дошла до России, реакция на нее была соответственной: растерянность, недоумение, страх перед неизвестным будущим...

Вот так и закончилась История русского государя Александра I,

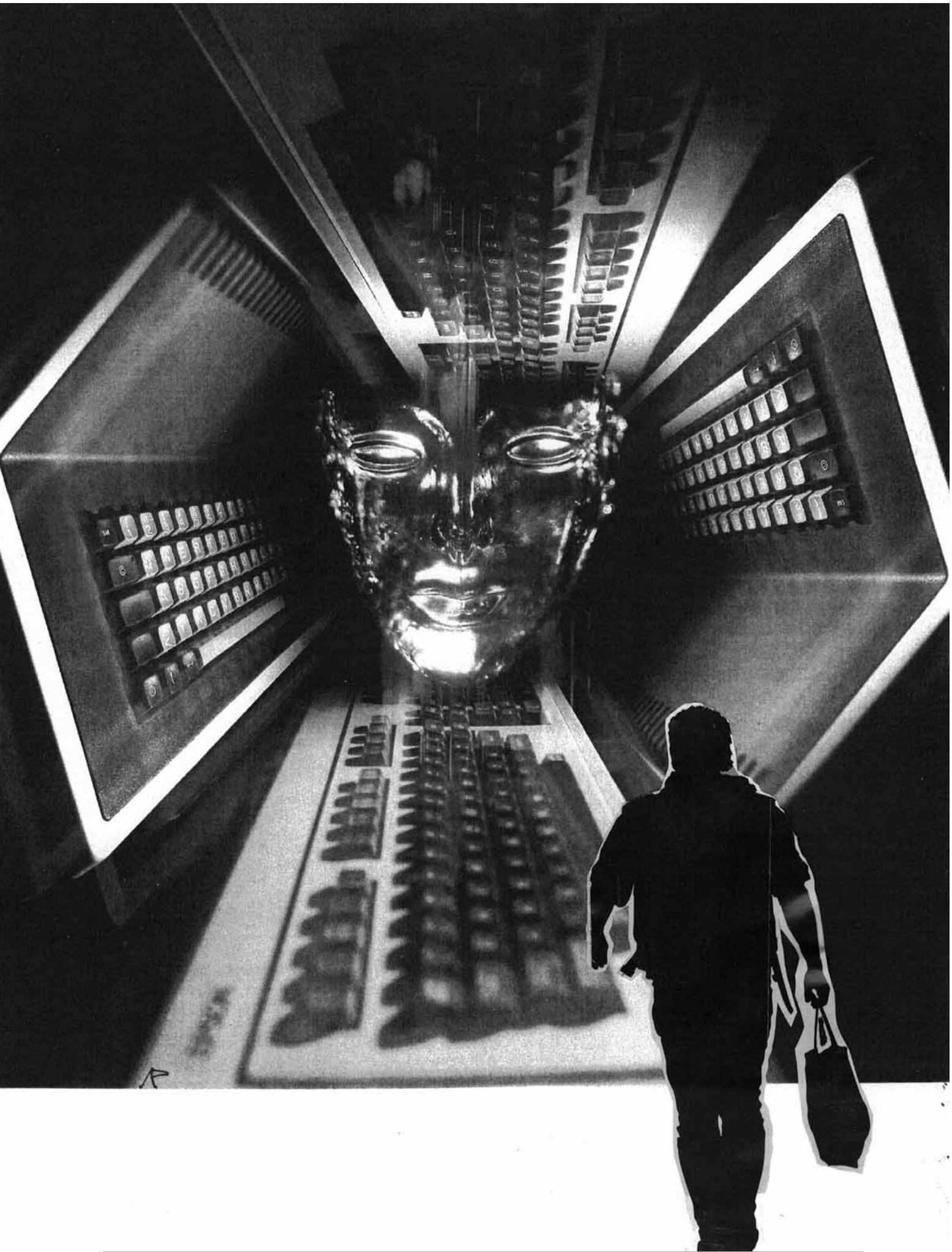
Александр все чаще мечтал о тихой жизни с женой «в обществе друзей и в изучении природы». Нередко в присутствии близких он заговаривал о своих планах сложить с себя бремя власти. А в августе 1823 года издал секретный манифест, в котором принял отречение брата Константина от престолонаследия и назначил законным наследником младшего брата, Николая Павловича, у которого, к тому же, было высоко развито чувство долга перед отечеством...

и ехать туда поправлять здоровье никому даже в голову не приходило. Хотя именно с этого времени городок стали в обязательном порядке отмечать на всех географических картах России.

Первым в начале сентября 1825 года в Таганрог прибыл царь, а спустя несколько дней — его супруга. Казалось, многое менялось к лучшему: их отношения стали теплее, здоровье шло на поправку. Но в конце октября государь про-

который начинал свое царствование, мечтая с помощью реформ и тайных организаций совершить радикальные перемены в стране, преобразовать, просветить Русь, и отдавшего последнее в своей жизни распоряжение об... аресте выявленных членов тайной организации. Жизненный круг замкнулся. Северный Сфинкс остался неразгаданным даже после своей смерти.

А жизнь государства Российского продолжалась... □

ОПАСНЫЕ ИГРЫ

I

Андрей сделал два шага в сторону и оказался в длинном освещенном коридоре, но в следующую секунду свет в помещении неожиданно погас, и вокруг стало темно. «Надо бы фонариком посветить», — подумал он, шагая к левой стене коридора и прислоняясь к ней спиной. Отличный фонарик большой мощности, света от которого вполне бы хватило, чтобы осветить половину коридора, был закреплен на его автомате. «Но сначала надо связаться со своими», — решил Андрей, и включив рацию, попытался выйти на связь с отрядом.

— Говорит «Второй». Меня кто-нибудь слышит?

Несколько секунд в эфире была гнетущая тишина. По его телу пробежал холодок, вдруг показалось, что он остался совершенно один. Но вдруг послышалось шипение, и ему ответили:

— Говорит «Третий». Я тебя слышу. Ты где?

— Я в каком-то коридоре. Здесь темно, но пока не погас свет, я видел большие ящики, стоящие вдоль стен. Постараюсь посветить фонариком и пойти вперед по коридору от ящика к ящику, — ответил Андрей.

— Понял тебя, «Второй». Я на балконе. Помочь тебе не смогу, действуй сам. Их должно быть еще трое.

— А где «Первый»?

— «Первый» убит снайпером, — ответил «Третий». — Я сейчас как раз пытаюсь вычислить, где этот чертов снайпер может прятаться.

Андрей в волнении сглотнул слюну, подумав, что без «Первого» они вряд ли справятся, но другого выхода, кроме как идти вперед, у него все равно не было.

— Конец связи, я пошел, — закончил он разговор и выключил рацию.

— Удачи, — ответил ему напарник и тоже отключил связь.

Андрей еще немного постоял в полной темноте, не решаясь двигаться дальше по коридору. Наконец решился и, включив фонарик, увидел на противоположной стороне коридора какой-то большой деревянный ящик. Он резко рванулся к нему, но не успел сделать и двух шагов, как раздался оглушительный грохот и треск. В коридоре зажегся свет, и Андрей увидел, что укрывшись за одним из ящичков, в него стреляет противник. Решив, что добежать до ящика и спрятаться за ним вряд ли успеет, Андрей развернул автомат в сторону стрелявшего и открыл ответный огонь. Ему даже показалось, что он попал, но вдруг его подкинуло вверх и бросило на бетонный пол коридора с кровавой раной в груди. Андрей размахнулся и в отчаянии со всей силы ударил кулаком по полу, потом еще и еще раз.

— Fuck, fuck, fuck! — по-английски громко кричал он, не понимая, почему не умирает, а вполне может кричать и колотить рукой, которая уже начинала болеть от ударов.

Вдруг он почувствовал удар по затылку, и что-то слетело у него с головы. Андрей обернулся и увидел перед собой перекошенное от крика лицо матери. Это она сбила с его головы наушники, а сейчас трясла за плечо и что-то кричала ему прямо в лицо.

Андрей еще толком не мог понять, что кричит мать, но, постепенно возвращаясь из бездны компьютерной игры в реальность, он вдруг осознал, что колотил рукой вовсе не по бетонному полу коридора, в котором был только что «убит», а по своему столу, на котором лежит клавиатура и стоит монитор компьютера.

— ...с ума сошел?! Три часа ночи! Ты уже почти сутки играешь! Ты слышишь меня?! — кричала мать, продолжая сильно трясти его за плечо.

— Слышу. И че? — по-хамски ответил Андрей, сбрасывая руку матери со своего плеча. — Тебе какое дело?

— Ах, «какое дело»! — взревела мать и с силой толкнула клавиатуру так, что она слетела со стола.

— Ты что делаешь?! — заорал Андрей, вскакивая со стула.

Мать неожиданно закрыла лицо руками и заплакала.

— Ну, вот опять слезы начались, — цинично проговорил Андрей, возвращая клавиатуру на место. — Сейчас выключу все, не плачь. Опять проиграли сегодня! Пашка там один на своем балконе точно не справится.

Но мать не слушала его, она продолжала рыдать, не в силах остановиться. Чтобы успокоиться после подобных ситуаций, которые в их семье случались регулярно, ей требовалось минут сорок.

Андрей выключил компьютер и, все еще видя перед глазами пули, летящие в него, и слыша треск выстрелов, отправился на кухню за валерьян-

кой. По дороге он задел сидящую на полу кошку, та взвизгнула и, зашипев, отскочила в угол комнаты.

— Зараза! — крикнул Андрей, с трудом удерживая равновесие, — опять под ногами путаешься!

Принеся две таблетки валерьянки, он вложил их в руку матери, и, держа стакан с водой, сел рядом с ней на кровать. Голова гудела, в ней «проплывали» картины только что прошедшей игры.

— Похоже, я сейчас точно не усну, — прошептал Андрей, — а может, и не спать уже, все равно в школу скоро, завтра же понедельник, первый день учебы после осенних каникул. — Он бросил взгляд на электронные часы, стоящие на столе — они показывали пятнадцать минут четвертого, и снова прошептал: — Вернее, даже не завтра, а уже сегодня.

Мать выпила таблетки, наспех вытерла слезы, взяла Андрея за руку и как можно мягче сказала:

— Сынок, ну как же ты не понимаешь, через эту игру кто-то манипулирует тобой. Ты уже сам себе не хозяин. Ты думаешь, что просто играешь в игру, но это не так. На самом деле просто кто-то захватил твой мозг и управляет им, как ему вздумается. Ты же настоящий игроман, зависимый человек.

— Да ладно тебе, мама, перестань! — нехотя отозвался Андрей, — никакой зависимости у меня нет, и я в любой момент, когда захочу, могу бросить играть.

— «Перестань!», «Зависимости нет!» — всплеснула руками мать. — Да как же ты не понимаешь?! Вот был бы жив отец, он бы объяснил, что ты из себя представляешь, до чего докатился! — и она снова заплакала.

Андрей знал, что это был ее последний аргумент в их скандалах из-за компьютерных игр, а это означало, что скоро она оставит его в покое.

— Кто только придумал эту игру проклятую?! — собираясь уходить и все еще плача, произнесла мать.

— О, мам! Это великие люди! — пафосно проговорил Андрей, — Они миллионеры, а может быть, даже миллиардеры! Молодые парни-программисты, один живет где-то у нас в стране, а двое других за границей.

— Да преступники они, преступники! — в отчаянии вскрикнула мать и ушла к себе в комнату.

Светлана Михайловна, а именно так звали мать Андрея, была сорокалетней миниатюрной женщиной, работавшей риэлтором в агентстве недвижимости. Несколько лет назад она овдовела и теперь одна пыталась «тянуть» единственного сына. Ее муж Николай, отец Андрея, погиб в результате несчастного случая, попав под колеса маршрутного такси после аварии на перекрестке. «Маршрутка» столкнулась с грузовиком, и ее выбросило на обочину, прямо на пешеходов, в числе которых был и его отец. Смерть отца стала настоящим шоком для Андрея. После случившегося он

перестал спать по ночам, и матери пришлось обратиться к врачу, который назначил ему «легкие» успокоительные лекарства, но они не помогли, и вскоре пришлось перейти на антидепрессанты. Пытаясь отвлечься от тяжелых мыслей, Андрей начал играть в компьютерные игры. Сначала по чуть-чуть, а потом все больше и больше, и, наконец, к одиннадцатому классу превратился в настоящего игромана. Он не то что играл в игру, а сама игра жила в нем, в его мозгу. Ему постоянно казалось, что он стреляет, взрывает, убивает, погибает. Ночью ему снились цветные сны, и он не сомневался, что все происходившее во сне происходит с ним наяву. И только проснувшись утром, понимал, что это все опять ему приснилось.

В реальной жизни он постоянно представлял, что смотрит на людей через оружейный прицел, а руками непроизвольно делал движения, как будто сжимал автомат. Указательный палец на правой руке периодически дергался, как будто нажимал на курок воображаемого оружия.

Постоянные мысли об игре мешали ему нормально учиться в школе. Сначала у него не получалось сосредоточиться на уроках, а потом Андрей уже и не пытался это сделать. Он рисовал на листочках какие-то карты, схемы, бункеры, коридоры, разрабатывал возможные сценарии боя.

Светлана Михайловна, видя, что сын отвлекся от мрачных мыслей, связанных со смертью отца и увлекся, как ей тогда казалось, компьютером, сначала даже немного успокоилась и сосредоточилась на своей работе. Увы, вскоре она поняла, во что «вляпался» ее сын, но было уже поздно. Момент возврата к нормальной жизни был упущен.

Разговоры с сыном не помогали, и Светлана Михайловна снова повела его по врачам, которые кроме госпитализации в специализированную клинику ничего другого не могли ей предложить. Она стала запрещать сыну подходить к компьютеру, но Андрей, имея изворотливый ум и уже полную игровую зависимость, всегда находил способ поиграть. Иногда вместо уроков он шел играть к друзьям, а иногда, под предлогом учебы, уговаривал мать включить ему компьютер и, дождавшись, когда она выходила из комнаты, «запускал» игру. Позже, взломав пароль на домашнем компьютере, он стал играть, когда матери не было дома или когда она, устав на работе, рано ложилась спать и не могла его контролировать.

К одиннадцатому классу Андрей вообще обнаглел, уже не скрываясь от матери, он продолжал играть, не стеснялся ругаться с ней и не давал ей приближаться к компьютеру. Светлана Михайловна, не имея сил справиться с сыном, махнула на него рукой, решив, что жизнь сама все расставит на свои места...

Андрей пришел в школу только к третьему уроку, предсказуемо проспав из-за ночной игры первые два. Обосновавшись на последней парте, он положил перед собой листок бумаги и начал разрабатывать план оче-

редного боя. Учителя уже привыкли к такому поведению Андрея и давно перестали делать ему замечания. Из жалости к его матери они просто давали парню дотянуть до конца школы.

Отсидев один урок, Андрей ушел с остававшихся по расписанию еще трех. Он придумал план боя и теперь торопился домой, чтобы попытаться его как можно быстрее опробовать в очередной игре. Его напарники по команде всегда были одни и те же. Они жили в разных городах и были немного старше Андрея. Пару лет назад два других «покалеченных игрой» молодых человека окончили школу, оба успели отслужить в армии, и сейчас, так же, как и Андрей, дни и ночи напролет играли в ту же самую компьютерную игру, нигде не учась и не работая.

Придя домой, Андрей включил компьютер и вышел на связь со своими товарищами.

— Пашка, Серега, привет! Ну что, сыграем? — предложил он. — Я тут новый план придумал, только надо карту загрузить, на которой мы три дня назад играли. У нас там лучше всего бой получился.

— Слушай, Андрюха, — сказал Сергей, — а ты слышал, что Данил Носков будет в твоём городе мастер-класс давать? Вот бы тебе билет купить и сходить пообщаться с ним.

— Да ты что! Вот это круто! — обрадовался Андрей.

Все настоящие фанаты игры прекрасно знали, кто такой Данил Носков. Это был один из трех программистов-разработчиков этой самой компьютерной игры, двадцатисемилетний миллионер. Попасть на его мастер-классы, с которыми он иногда ездил по стране и даже по миру, было очень круто и, по всей видимости, очень дорого. Эта последняя мысль немного отрезвила Андрея и вернула его «с небес на землю».

— Блин, Серега, не получится, наверное, — упавшим голосом сказал он.

— Почему? — удивился не сильно интеллектуально развитый Сергей.

— Так дорого, наверное. — пояснил Андрей.

— Ну, точняк не дешево, — подключился к разговору третий игрок их команды — Пашка.

— Может, занять у кого? — предложил Сергей.

— Ага, точно! Вот давай у тебя и займу! — съязвил Андрей.

— Так у меня же нет ничего, — не поняв его язвительного тона, серьёзно ответил Сергей.

— Да ладно вам, — сказал Пашка, — тут подумать надо. Может, продать что-нибудь можно?

— Я потом подумаю, что можно сделать, а сейчас давайте играть, — попытался закрыть тему Андрей и вернуть товарищей к игре, — а то мать скоро должна с работы прийти, нормально поиграть не даст.

Товарищи загрузили нужную карту и погрузились в игру. Выстрелы, взрывы, кровь, крики и стоны. Мозги игроманов снова «заволокло туманом», и игра как всегда перенесла их в какой-то другой мир.

План, разработанный Андреем, оказался более-менее удачным, и их небольшой отряд даже сумел с его помощью выиграть несколько боев. Но вскоре они снова начали проигрывать и, в очередной раз переругавшись друг с другом и щедро расточая взаимные обвинения, прекратили игру, ненадолго отойдя от компьютеров.

Андрей упал на свою кровать и заскрипел зубами. Нервная дрожь была молодого человека, превращая его в полусумасшедшего неврастеника, не умеющего контролировать свои эмоции. Он то орал, то начинал плакать, то вдруг резко успокаивался и начинал блаженно улыбаться. А потом повторялось все заново.

Вдруг Андрей услышал звуковой сигнал — оповещение о том, что ему на электронную почту пришло какое-то письмо. Он нехотя поднялся и подошел к компьютеру.

— Ну, кто там еще?! Наверное, кто-то из этих двух лузеров, — вслух сказал он сам себе, имея в виду под словом «лузеры» своих напарников Пашку и Серегу. — Виноваты, что проиграли, так теперь помириться собираются, играть-то хочется.

Но письмо было не от них, а с какого-то незнакомого адреса, с аватаркой в виде логотипа игры, в которую Андрей так упорно играл. Не веря своим глазам, он, волнуясь, открыл письмо, и буквы запрыгали у него перед глазами, никак не желая складываться в слова. Наконец он сосредоточился и кое-как смог разобрать написанное: «..игрок месяца... с наибольшим количеством наигранных часов... приз... бесплатный билет на мастер-класс Данилы Носкова...» К письму отдельным файлом был прикреплен электронный билет.

— Ну ни фигя себе! — только и смог выдавить из себя Андрей.

В радостном нетерпении он тут же связался с Пашкой и Серегой и, несмотря на недавние обиды и разногласия, сообщил им радостную новость. Это событие тут же было решено отметить очередной игрой, которая сразу же была начата и затянулась за полночь.

Светлана Михайловна, уставшая на работе и все еще находящаяся под прессом недавнего скандала, только в отчаянии махнула рукой, видя, что сын опять играет. У нее сильно болела голова, и несчастная женщина решила сегодня оставить Андрея в покое.

II

Через две недели Андрей в радостном волнении находился в зале, где на сцене, сидя за компьютером, Данил Носков давал мастер-класс придуман-

ной им и его друзьями игры. Все манипуляции известного программиста выводились на большой экран, установленный на сцене за его спиной. Он спокойно объяснял те или иные ситуации в игре, показывал, как можно легко и быстро переходить с карты на карту, где и в каких тайниках можно найти дополнительное оружие и аптечку, и давал еще много подобной и никому кроме фанатов игры ненужной информации. Фанатов в зале собралось около тысячи человек, они внимали каждому слову своего «гуру», изредка что-то помячая у себя в телефонах или на листочках бумаги.

Закончив свой мастер-класс, Данил объявил, что в ближайшее время планируется выпустить обновленную версию игры с еще большими возможностями и различными приятными сюрпризами для игроков. Он производил впечатление высокомерного и как будто бы уставшего от внимания поклонников человека. Говорил медленно, растягивая слова и кривя губы в ироничной усмешке.

— А теперь небольшой сюрприз, — сказал он. — Мы с друзьями посоветовались и выбрали лучшего игрока прошедшего месяца. И пусть пока у него не очень большие успехи, зато у этого парня больше всех наигранных часов за последний месяц. Его зовут Андрей, и он находится в этом зале, ряд четвертый, место номер семнадцать. Давайте попросим его выйти ко мне на сцену, — равнодушным голосом закончил свой монолог Данил.

Андрей тут же вскочил с места. Ему казалось, что его сердце сейчас выпрыгнет из груди.

— Это я! Я здесь! — закричал он, поднимая над головой обе руки.

— Ну, так иди скорее сюда, — позвал его Данил. — Охрана, пропустите его, — кивнул он в сторону специально нанятого для сегодняшнего вечера охранника.

В зале зааплодировали, чем окончательно смутили Андрея. На трясущихся от волнения ногах он подошел к сцене. Данил меланхолично посмотрел на него и протянул ему свою вялую руку, которую Андрей с жаром пожал, и сказал:

— Мы дарим тебе электронные ключи от новых игровых карт с возможностью получения дополнительной защиты в бою, а также сверхточное оружие. — С этими словами он протянул Андрею флешку и, наклонившись к самому его уху, добавил: — Там еще есть интересная программка, специально для тебя написанная, обязательно установи ее на свой компьютер.

Андрей был на седьмом небе от счастья. Он улыбался, зажав в одной руке флешку, а другой рукой махал залу, аплодировавшему то ли ему, то ли Данилу, который, в свою очередь, наспех попрощался со всеми и в сопровождении охранника быстро покинул зал.

III

Зайдя в свою шикарную квартиру, расположенную на двадцать седьмом этаже тридцатиэтажного небоскреба, умывшись и переодевшись в домашнюю одежду, Данил связался по видеосвязи со своими друзьями Тимофеем и Станиславом. Именно эти трое молодых людей и были теми самыми программистами, которые несколько лет назад разработали игру, которая была сейчас популярна во многих странах.

— Ну, как все прошло? Встретил своего? — спросил Тимофей у Данила.

— Конечно, встретил, — удовлетворенно ответил тот.

— И че, флешку взял?

— А куда он денется? Конечно, взял.

— Ну, то есть игра продолжается? Или даже можно сказать, что уже входит в решающую стадию?

— Похоже, что да, — удовлетворенно ответил Данил, не в силах сдержать улыбку, — так что готовь деньги, скоро наша с тобой игра закончится.

— Парни, а вы, случаем, не заигрались? — вступил в разговор Станислав.

— Да, ладно тебе, Стас, — ответил Тимофей, — не начинай, может, у Данила ничего и не получится.

— Да я не о том, получится или не получится, — продолжил свою мысль Стас, — а о том, зачем вы вообще все это затеяли? Что за игра у вас такая?

— Так скучно же, поиграть хочется! — ответил Данил. — Верно, Тима?

— Ага, скучно! Ну, не в нашу же игру играть, — согласился Тимофей. — Ты ведь понимаешь, Стас, что она придумана для таких идиотов, как этот Андрей. Они же все игроманы и даже не понимают, что это не они играют в игру, а мы через игру играем в них. Вот, например, в этого самого Андрея сейчас и играем.

— Но ведь он же человек, и у него наверняка есть родители, братья, сестры, а может быть, и бабушка с дедушкой! Разве вам его не жалко? Они же все живые люди, несмотря на то, что игроманы! — эмоционально воскликнул Станислав.

— Что ты! Они давно уже не люди, а самые настоящие зомби! Игроманы, — с циничной усмешкой ответил Данил. — Они же за эту игру, бонусы, оружие и прочую фальшивую дребедень не то что бабушку с дедушкой, а и мать родную не пожалеют.

— Да ладно, скажешь тоже, «мать не пожалеют», — ответил Стас. — Ты-то свою сильно жалеешь? Когда последний раз к ней приезжал? Уже и не помнишь, поди?

— Да съезжу я, съезжу, не нагнетай, — нехотя ответил Данил. — Вот сейчас спор у Тимофея выиграю и сразу к матери поеду, она меня давно уже просит приехать, там у нее вроде случилось что-то.

— Выиграет он! Ты выиграй сначала, а потом хвастайся! — отозвался Тимофей.

— Выиграю, выиграю, можешь не сомневаться! — самоуверенно заявил Данил.

— Ну, расскажи нам, что кроме ключей на той флешке? — попросил Тимофей. — Поделись профессиональным секретом. Наверняка ведь задумал что-то.

— Все очень просто, — начал объяснять Данил. — На флешке кроме электронных ключей я открыл ему доступ к новым возможностям: корректировка стрельбы, ловкость, сила, живучесть и прочая игровая дребедень. Теперь у него что не выстрел, то точное попадание, что не удар, то стену сможет проломить, а сам при этом будет практически неуязвим. Такой, знаете ли, игровой сверхчеловек. Ну, так вот, где-то через пару недель он выйдет со своей командой, состоящей из таких же, как и он сам, дебилов, в топ пяти лучших команд, а к концу месяца они уже будут на первой строчке рейтинга.

— Ну и что? Что дальше-то? — спросил Тимофей.

— Дальше хотите узнать? Пожалуйста! — продолжил прерванный рассказ Данил. — А дальше все будет очень просто. Сначала он со своей командой немного понежится в «лучах славы», привыкнет к ней, почувствует ее вкус, а потом начнется стремительное падение. Что не выстрел, то промах, что не игра, то провал. Причем только у него одного проблемы и будут. Друзья его дебилные хоть иногда будут попадать, в силу своих очень скромных способностей, а он вообще никак не сможет. Ну и, как я прогнозирую, потом у него на фоне неудач начнутся истерики, ссоры с друзьями, может, и депрессию сумеет захватить, а в итоге, как мы с тобой, Тима, и договаривались по условиям спора, этот Андрей «пойдет гулять за окно» прямо со своего пятого этажа. Вот тогда наша игра закончится, и можно будет сказать, что я победил и уничтожил своего противника.

После этих слов наступила тишина. Все трое молчали, обдумывая каждый свои мысли.

— Ну вы и маньяки! — наконец высказался Стас. — Как же вы до этого додумались?

— Ну какие там маньяки, скажешь тоже, — обиделся Тимофей. — А придумали очень просто, мы же не такие лузеры, как этот Андрей и его друзья. Пусть они играют в ненастоящие «стрелялки», а мы вот подумали и решили сыграть по-взрослому, в реальную игру, с настоящими персонажами и такими же настоящими жертвами.

— А вы не боитесь, что, пока они все играют в ту ненастоящую игру, которую мы с вами придумали, а вы играете с ними, как вам кажется, во

«взрослую» игру, кто-то в это время играет в нас, уже в свою «взрослую» игру? — глубокомысленно изрек Станислав.

— Это вряд ли, — засмеялся Данил, — мы же с вами очень крутые! И этим лузерам-игроманам точно не чета. Кто еще мог бы придумать такую игру для них и другую, гораздо интереснее, уже для нас? Да мы же гении! Ну а чтобы в нас сыграть, этот кто-то должен быть еще круче, чем мы с вами, а это невозможно, мы самые крутые! Тима, ты согласен?

— Согласен, согласен, — подтвердил Тимофей. — Надо как-нибудь собраться и выпить за нас, за гениев! Давай, Стас, присоединяйся к нам в следующей игре, — засмеялся он.

— Да, похоже, у вас действительно интересная игра. Нервишки щекочет. Я обязательно подумаю, — ответил Станислав. — Кстати, Данил, ты когда собираешься из страны-то валить? Не думал еще?

— Вот сейчас денег у Тимы выиграю и начну собираться. Думаю, к концу года куда-нибудь перееду, правда, пока не решил, куда именно, — сказал Данил.

— Ну-ну, давай решай, а то нам со Стасом в Европе уже скучно стало, хотим в Америку податься. Правда, Стас? — спросил Тимофей.

— Правда, правда, только Тиму в северную тянет, а меня в южную, — отозвался Стас. — А ты, Данил, мать-то планируешь с собой брать?

— Нет. Пусть здесь доживает, — ответил Данил.

— Она же у тебя болеет вроде?

— Ну, болеет и болеет, что теперь-то? Оставлю ей немного денег, и хватит с нее. Пусть лежит на диване и сына вспоминает, — огрызнулся Данил.

— А че так сурово-то?

— Она это заслужила. Никогда не помогала мне, пока я в институте учился, а только все «долбала», чтобы я на работу устраивался. Денег у нас, видите ли, нет, а она заработать не может! Вот я и работал, то сторожем, то дворником. Ненавижу это время безденежья и постоянной тупой работы! — зло бросил Данил.

— Ладно, это ваше дело, сами разберетесь, — сказал Стас, желая сменить тему. — Я вот что еще хотел спросить: а почему ты считаешь, что этот Андрей после твоих манипуляций с флешкой в «окно выйдет»? Думаешь все так просто? Или ты наверняка что-то еще придумал, чтобы его к этому подтолкнуть?

— Да-да, на тебя это не похоже, — подхватил Тимофей — Давай, рассказывай весь свой план.

— Вас не обманешь, — засмеялся Данил, — конечно же, это не все. Я ему на флешку программку закачал, которую недавно придумал. Если в двух словах, то она с эффектом «двадцать пятого кадра», то есть когда он ее установит, а он ее обязательно установит, то ему постоянно будет в мозг

вбиваться мысль, чтобы он выпрыгнул в окно. И еще видео будет небольшое, как это сделать. И так раз за разом, день за днем, игру за игрой, пока он это действительно не сделает. А потом программка эта сама с компьютера удалится, и никаких следов после себя не оставит.

— Да...Лихо придумано... — восхищенно проговорил Стас.

— Согласен, — поддержал его Тимофей. — Это же просто новое оружие! Круче всех пистолетов и автоматов, вместе взятых.

— Так я же гений! Или кто-то из вас сомневался? — засмеялся Данил.

— Злой гений, — заметил Стас.

— Это точно, — поддержал друга Тимофей.

— Неважно. Главное, что гений, — ответил Данил, — для меня это принципиально. Собственно говоря, Тим, я поэтому и поспорил с тобой, предложив эту игру, чтобы доказать, в первую очередь себе, потом вам, ну и всем остальным, что я не просто программист, а настоящий гений, и могу управлять судьбами людей, заставлять их делать то, что нужно мне. Ладно, парни, давайте прощаться. Что-то я устал сегодня, — сказал «настоящий гений». — Через пару недель вы все сами увидите, а не позже чем через месяц игра будет закончена. Все, пока! — И с этими словами Данил отключил видеозвонок.

IV

После встречи с Данилом игровые результаты Андрея резко улучшились. Из среднестатистического игромана-неудачника он вдруг стремительно стал превращаться в суперигрока. Воспользовавшись электронными ключами с флешки и установив на свой компьютер небольшую программу, про которую ему говорил Данил, он начал играть на очень высоком уровне. Мастерски справляясь со всеми соперниками, выигрывая одну игру за другой и уверенно таща свою команду в топ лучших команд, Андрей попал теперь во все, что хотел, а в него почти не попадал никто. Иногда бывали легкие ранения, которые он на удивление быстро залечивал, восстанавливая свое «hp»*. Эти неожиданные успехи Андрей связывал с тем, что наконец-то его упорные тренировки, а именно так он называл свои бесконечные игры, позиционируя себя в будущем как киберспортсмена, начали давать закономерный результат. Он стал все чаще ругаться на своих партнеров по команде:

— Опять я всю игру вытащил! А вы же как идиоты играете?! — высказывал он после очередной упорной, но как и всегда в последнее время победной игры.

* «hp» — (количество жизней), термин в киберспорте.

Напарники оправдывались, стараясь не злить своего нового лидера, тайно связывая с ним свое будущее и мечтая о киберспорте и связанных с ним, по их мнению, миллионах.

— Андрюха, ну, мы стараемся, но ты же сам видел, какую нам там засаду устроили, — лепетали они в свое оправдание.

— «Засаду устроили!» — передразнивал их Андрей. — А надо было план игры заранее продумать! Бездельники! Ладно, на сегодня все. Я устал, мне отдохнуть надо. Завтра чтобы не опаздывали к началу игры!

Вскоре команда Андрея уже ворвалась в топ пяти лучших команд и добилась участия в турнире «Гран-при». Турнир должен был начаться в ближайший понедельник, и все его участники были полны решимости стать лучшими из лучших.

Но, несмотря на успехи команды, у самого Андрея все было далеко не благополучно. В последнее время молодому человеку стало казаться, что какой-то голос говорил ему, чтобы он «вышел в окно». Поначалу он старался не обращать на это внимание и все списывал на свое нервное напряжение и усталость от игры, но голос становился все настойчивее и повторялся все чаще и чаще. Андрей кричал, бил кулаком по столу, буквально ревел, если что-то не получалось, и ревел еще громче, если получалось. Светлана Михайловна просила его успокоиться, но он не слушал ее.

— Это эмоции, понимаешь, эмоции! — выкрикивал он матери, — вот увидишь, я стану настоящим киберспортсменом и заработаю много денег.

— Что это за спорт такой?! — возмущалась Светлана Михайловна. — На вас деньги зарабатывают и в игроманов превращают, то есть в больных людей, а вы и не замечаете ничего!

— Да ладно тебе, мама, успокойся, — отвечал ей Андрей, — мы уже в топ пяти лучших команд вошли, а скоро вообще станем первыми, и много денег будем получать.

— Сынок, бросай ты это чертову игру! — Голос Светланы Михайловны дрогнул, и она заплакала. — Давай к врачу сходим, ведь ты же совсем уже зависимым стал, ничего вокруг себя не замечаешь!

— Ну, ладно, успокойся, — ласково сказал Андрей, обнимая мать за плечи. — Ему вдруг стало жаль ее. Он неожиданно заметил, как сильно она постарела за последнее время, и добавил: — Обязательно сходим, вот турнир выиграем, и сразу же пойдем.

— Обещаешь? — с надеждой в голосе спросила Светлана Михайловна, прижимаясь к сыну.

— Конечно, обещаю, — твердо проговорил Андрей.

...Через неделю его команда с большим преимуществом обыграла других участников турнира и стала победителем «Гран-при». По условиям турнира солидный денежный приз победитель должен был получить после се-

рии из семи игр с прошлогодним победителем. Андрей и его напарники не сомневались в своем успехе. Игроки команды, победившей в прошлогоднем «Гран-при», были совершенно не в форме и в последнее время проигрывали почти все матчи подряд.

Несмотря на данное матери обещание, к врачу Андрей не пошел, оправдавшись тем, что ему надо готовиться к новому турниру.

Светлана Михайловна, окончательно отчаявшись что-либо изменить, убедила себя в том, что с возрастом игровая зависимость сына сама собой пройдет, а сейчас нужно просто подождать и ни во что не вмешиваться.

Между тем здоровье Андрея еще больше ухудшилось: под глазами появились темные круги, его стала «бить» нервная дрожь, пропали аппетит и сон. Ему все чаще и чаще стал слышаться этот странный голос, призывающий его выпрыгнуть в окно. Бедный Андрей однажды даже открыл окно и выглянул на улицу, но в страхе тут же отшатнулся назад, закрыл окно и лег на кровать, почувствовав сильную головную боль.

— Сейчас выиграю серию игр, заработаю денег и обязательно пойду к врачу, — тихо сказал он самому себе...

Вскоре начались игры, и вдруг Андрей со своей командой, неожиданно для всех, стал проигрывать игру за игрой. Особенно не везло ему, недавнему лидеру, он буквально тянул свою команду к проигрышу, так же уверенно, как совсем недавно вел ее к победе. Все ошибки, промахи и провалы совершал именно Андрей. В его команде снова начались скандалы и распри, только теперь уже Пашка и Серега в два голоса орали на него, обвиняя во всех грехах.

— Идиот! Ты что делаешь?! Мы опять из-за тебя проиграли. Ты что, хочешь нас без денег оставить? Мы тебе рожу набьем, — верещали когда-то с трепетом внимавшие каждому его слову напарники по игре.

Ссоры становились все яростнее, проигрыши все очевиднее и нелепее, голос все чаще и настойчивее звал Андрея за окно. А в последнее время ему даже стало казаться, что иногда вместо игры на экране вдруг появляется человек, похожий на него, который улыбается и, открывая окно, прыгает в него. Головные боли в последнее время тоже усилились и уже почти не отпускали Андрея.

Решающую игру, в которой у его команды был последний шанс, чтобы хоть как-то побороться за победу и за дальнейшее участие в серии игр, они с треском проиграли. Виной поражения опять стал Андрей. По окончании игры у него тряслись руки и сильно болели глаза. Пашка и Серега что-то кричали ему, но он, как ни пытался, не мог разобрать их слова. Вместо этого сквозь какой-то туман и давящий шум все явственней и явственней слышался тот же настойчивый голос:

— Прыгай в окно! Прыгай в окно!! Прыгай в окно!!! Это единственный выход!

А на экране вместо кричащих напарников вдруг снова появился парень, похожий на него, который, уже привычно улыбнувшись, открыл окно и выпрыгнул в него.

Андрей поднялся со стула, улыбнулся и, подойдя к окну открыл его. Через несколько секунд он уже летел вниз...

V

На следующий день после гибели Андрея Данил созвонился со своими друзьями и спросил:

— Вы новости слышали?

— Слышали, — сухо ответил за двоих Тимофей. — Деньги когда будешь забирать?

— Заберу, заберу, — равнодушно произнес Данил, который явно не нуждался в выигранной у Тимофея крупной сумме. — А ты что молчишь, Стас?

— А что тут скажешь, ты, конечно, победил и бесспорно лучший из нас. Но не заигрались ли вы, парни? — упавшим голосом проговорил Стас.

— Ну, опять начинается! Мы же тебе все в прошлый раз объяснили! Так, Тима? — спросил Данил, ища поддержки у Тимофея.

— Так, так, — без энтузиазма отозвался второй спорщик. — Как говорится, «вся жизнь — игра!»

— Согласен. Моралиста еще в нашей компании не хватало! Ладно, парни, потом пофилософствуем. Мне сейчас надо к матери съездить, а потом буду собираться, завтра утром улетаю загорать на острова.

— О! А че это ты к матери собрался? Совесть, что ли, неожиданно проснулась? — съязвил Тимофей.

— Наверное, грехи решил замаливать, — отозвался на реплику Тимофея Стас.

— Да какие там грехи, о чем вы?! Просто соседка звонила, говорит, совсем матери плохо, не встает уже, — лениво ответил Данил. — Быстренько съезжу, гляну, че там, да как. Может, попрощаюсь. Ну, все, пока, завтра, как прилечу, пришлю вам фотку с пляжа, чтобы вы обзавидовались.

... «Мерседес» плавно въехал в темноту двора дома, где жила мать и когда-то жил сам Данил. Своего отца он никогда не видел, он погиб на стройке под упавшей бетонной плитой еще до рождения сына, когда мать была на четвертом месяце беременности.

— Блин, припарковаться негде, — недовольно буркнул Данил, видя, что все места во дворе заняты и скользя взглядом по припаркованным «игулям», «рено» и прочим бюджетным автомобилям жителей двора.

Выехав через арку в соседний двор, он сразу увидел свободное место и быстро припарковал свою машину. Заглушив двигатель, вышел из автомобиля и, нажав на ключах кнопку сигнализации, направился к арке дома.

VI

Сидя на скамейке под тусклым фонарем, два человека играли в карты, а третий был уже изрядно пьян и спал, растянувшись на соседней скамейке. Вокруг компании валялись окурки и пустые пивные банки, а перед игроками стояла уже почти пустая бутылка водки.

— Давай, Колян, сдавай! — сказал человек с синими от многочисленных татуировок руками.

— Да сколько ж можно играть-то?! — отозвался Колян, здоровенный небритый мужик с выцветшими глазами. — Тебе, что, Вовик, не надоело еще? Вон, даже Жорик уже уснул, — кивнул он головой в сторону спящего товарища.

— Я играть очень люблю. А че еще делать-то? — с ухмылкой ответил Вовик.

— Так вроде время-то наиграться было. Сколько в последний раз отмотал-то, трешник? — зевая, спросил Колян.

— Сколько отмотал, все мое, — огрызнулся Вовик. — Давай допьем, сыграем еще разик и потопаем потихоньку. А Жорика трогать не будем, пускай выпится.

Колян слегка кивнул и, взяв бутылку, сделал из нее большой глоток, остатки водки протянул Вовику и, тасуя колоду карт, сказал:

— Допивай, а я пока раздам.

Вовик лихо замахнул остатки водки, отбросил пустую бутылку в сторону и, вытерев рот ладонью, сказал:

— Только знаешь, что? Давай-ка сыграем на что-нибудь. А то просто так как-то уже не интересно.

— А что с тебя взять-то? — снова зевая, спросил Колян. — У тебя что, деньги еще остались, или в случае проигрыша раздеваться начнешь?

— Ну-у... — протянул Вовик, — деньги — это мусор...

— А на что же тогда играть будем? — спросил Колян, перестав тасовать колоду и вопросительно глядя на своего кореша.

— Ну, давай так, — выдержав паузу, проговорил Вовик, — того, кто первый в арку двора войдет, того проигравший «на перо и посадит». Лады?

Колян нахмурился и промолчал.

— Ну, что, Колек, молчишь-то? — ухмыльнулся Вовик. — Или кишка тонка?

— А ты, я вижу, не насиделся еще? — зло спросил Колян.

— А ты, я вижу, уже забыл, как там сидится? — огрызнулся Вовик.

— Помню, помню, такое не забудешь, можешь не сомневаться, — усмехнулся Колян.

— Ну, так что, сыграем? Знаешь, как говорится: «Вся жизнь — игра». Кто-то в нас играет, в кого-то мы, — сказал Вовик, потирая руки.

— А если никто в арку не войдет, то нам что, до утра здесь сидеть?

— Не бойсь, корешок! Мы время установим — пятнадцать минут, если никто за это время в арке не появится, значит, и не было никакой игры. Ну что, договорились? — предложил Вовик и протянул Коляну свою ладонь.

— Женщин и детей не трогаем, — сказал Колян, пожимая протянутую руку.

— Конечно, не трогаем, что мы, звери, что ли? — ответил Вовик. — «Перо» у меня есть, так что, если проиграешь, могу одолжить.

— Свое имеется, — высокомерно отозвался Колян. — Во что играем, в двадцать одно?

— В людей играем, в людей. Раздавай! — Вовик, моментально стал суровым и сосредоточенным.

Колян дрожащими пальцами несколько раз перетасовал колоду и начал сдавать. Одну карту, вторую...

— Еще? — спросил он задумавшегося Вовика.

— Еще, — подтвердил тот, сжимая челюсти.

Колян вытащил из колоды третью карту и протянул Вовику.

— Ух, ты, емакарек! — зло выкрикнул Вовик, перевернув карту в руке. — Жадность фраера сгубила, хотя я и не фраер. Перебор! — Он резко бросил свои карты на скамейку и закусил губу.

— Ну что, Вовик, долг будешь отдавать, — собирая разбросанные карты, спросил Колян, — или оставим на потом?

Вовик прекрасно понимал, что может означать это «потом», поэтому, не особо волнуясь за проигрыш в игре, ответил:

— Засекай время.

...Не прошло и пяти минут, как в арке появился Данил. Он шел, поглощенный своими мыслями, думая о том, как бы поскорее отвязаться от матери, и мечтая о предстоящем отдыхе на островах.

Боковым зрением он заметил, что кто-то приближается к нему со стороны детской площадки. Данил остановился и посмотрел в сторону подходившего человека. Из темноты на него вышел Вовик. Инстинктивно ища пути к отступлению, Данил повернул назад к арке, в проеме которой уже стоял Колян.

— Парень, папироской не угостишь? — услышал Данил вопрос Вовика и повернулся к подошедшему к нему уже почти вплотную мужчине. Последнее, что отпечаталось у него в памяти, — равнодушные и совершенно не злые глаза Вовика... □

Алена Яковлева

У артистки радость — рождение внучки Иванны! И, конечно, это стало одной из тем нашего разговора. А проходил он в гримерке Московского академического театра сатиры, в котором Алена Юрьевна служит без малого сорок лет. Актриса готовилась к спектаклю — преображалась в Раису Павловну Гурмыжскую, главную героиню пьесы Александра Островского «Лес». Но это не мешало ей отвечать на вопросы...

«Я очень люблю Москву и не смогла бы жить ни в одном другом городе мира, даже в самом распрекрасном».

Фото из личного архива

— Спектакль «Лес» был поставлен Антоном Юрьевичем Яковлевым, моим братом, к моему шестидесятилетию, — говорит Алена Юрьевна. — Два года мы добивались его постановки! И когда я уже совсем отчаялась добиться от театра согласия на этот проект и сказа-

ла себе «стоп!», вдруг каким-то чудом дело сдвинулось с мертвой точки, и спектакль мы сделали. Господь Бог, видимо, ждал, когда я скажу это «стоп!» Играю в «Лесе» с огромным удовольствием! Сейчас это самый востребованный спектакль в Театре сатиры. В нем звучит музыка, написанная моим зятем Ваней Замотаевым (Иван Замотаев, актер и музыкант. — *Ред.*), а Маша (Мария Козакова, актриса, дочь Алены Яковлевой. — *Ред.*), пока не ушла в декрет, играла в нем Аксинью. Когда я слышу: «Вот у вас — клан!» — отвечаю,

мол, мы же не виноваты, что все мои ближайшие родственники оказались талантливыми людьми.

— Теперь «близких родственников» у вас прибавилось. Рождение внучки — это большая радость! Но и ответственность...

— Разумеется, такое событие меняет жизнь всей семьи. Это и радость, и заботы... Я, конечно, буду с внучкой помогать, но вот сутками нянчиться — это точно не про меня. Машка очень понятливый человек, она сразу сказала: «Мама, я знаю,

что ты не будешь сидеть с ребенком, и просить тебя об этом не буду. Справимся сами». Мы же обе — актрисы, наша работа для нас много значит. А у меня сейчас — так уж совпало — в творческом плане особенно горячая пора. И дочь по работе очень скучает. Думаю, Машка вернется к ней при первой же возможности. Но сейчас их с Ваней главная ответственность — это, конечно, Иванна.

— Насчет работы. Знаю, что вы снимаетесь в очередных сезонах сериала «Я знаю твои се-

креты» и в новом сериале «Дурдом»...

— Да, съемок сейчас достаточно, хотя я не рвусь, не хватаюсь за все, что предлагают. Потому что это в основном роли мам, у которых сыновья женятся не на тех, на ком надо, или дочери выходят не за тех за муж. Я от этой темы, честно говоря, подустала. Такие героини все время в негативе, все время орут, всех «строят». Одно и то же! Таких ролей у меня около шестидесяти — ну куда еще? Мне все-таки хочется, чтобы характеры персонажей были разные. Я всегда стараюсь для своих героинь что-то придумывать, как-то разнообразить, сделать интереснее их образы, но все возможности уже исчерпаны, потому что написаны-то они примерно одинаково. Но к на-

званным вами сериалам это не относится, и сниматься в них мне совсем не скучно, наоборот, интересно.

— Недавно я брала интервью у композитора и певицы Татьяны Залужной, известной под творческим псевдонимом Любаша. Мы вспоминали ее музыкальный спектакль «За столиком в любимой кафешке», в котором вы были заняты и исполняли песню. Так вот Любаша говорила о вас, как об очень веселом человеке.

— Да, я очень веселая, это правда. Задумка того спектакля сразу показалась мне интересной, он был как бы соткан из шлягеров, написанных Любашей. Но я человек абсолютно не поющий. Есть более поющие, есть — менее, а я — совсем не

поющая. Тем более, сейчас такое количество людей, которые классно это делают! В их числе, например, мой зять Ванечка Замотаев. Вроде как даже неловко было соглашаться в таком музыкальном проекте участвовать. Но для меня это был интересный эксперимент. И Валера Яременко, с которым в этом спектакле нам предлагалось работать в паре, мне пообещал, что результат будет достойным. И я рискнула. Мы инсценировали, то есть разыграли по ролям песню Любаши «В небе парила перелетная птица». Работали с большим удовольствием, и получился яркий актерский номер. Зритель его полюбил! Хотя ни о каких моих вокальных достижениях речь, конечно, не идет. Мне далеко до таких актрис, поющих даже в мюзиклах, как, например, Наташа Громушкина или Таня Абрамова.

— Вы не раз говорили в интервью, что больше любите театр, чем съемки в кино. Наверное, эта любовь — родом из детства?

— Кино я тоже люблю, но театр — он интереснее тем, кто больше любит заниматься профессией. Кино — это зарабатывание денег, это популярность. Но профессию ты все равно получаешь в театре. А в кино эксплуатируешь то, что наработал. Хотя моя Маша предпочитает кино. Может быть, потому, что не застала тот театр, в который мне, совсем юной, посчастливилось прийти. Но я надеюсь, что такое отношение к сце-

не к ней обязательно придет... А что касается того, полюбила ли я театр еще детстве, то, понимаете, мое становление ведь прошло в Германии, где стояли советские войска. Пять лет мы — мама, отчим и я — там прожили. И даже советское телевидение нам включали лишь раз в неделю (по-моему, по четвергам) и всего на два часа. Помню, мы обязательно смотрели «Семнадцать мгновений весны», еще какие-то фильмы, и все. Поэтому театр я много позже полюбила, поскольку по объективным причинам не могла его посещать. В моем отношении к театру большую роль сыграла бабушка Елена Михайловна Чернышева, мамина мама, которая была провинциальной актрисой, а позже, выйдя на пенсию, работала билетером в Малом театре. Благодаря этому я, когда уже в юношеском возрасте вернулась в Москву, столько спектаклей пересмотрела! И надо сказать, бабушка единственная из семьи верила в мой актерский талант.

— У вас есть хобби — вы коллекционируете редкие авторские куклы. Сколько их уже в вашей коллекции?

— Не считала. Наверное, около двухсот, а то и больше. В прошлом году к своему юбилею я сделала их выставку в Театре сатиры, понимая, что никому кроме меня и зрителей это не нужно. Мало того, я потратила свои немалые деньги, потому что кукол ведь нужно было привезти,

собрать, потом отвезти, разобрать. Я придумала такую историю: мой жизненный и творческий путь в куклах, начиная с детства, когда у меня была куклолка — спящий младенец. С этого выставка и начиналась — мол, в младенческом возрасте я думала, что жизнь моя будет безоблачной. Дальше шла юность моя хулиганская, мои сыгранные роли... Например, я много лет играла Катерину Ивановну в Театре «Модерн» в спектакле по пьесе Леонида Андреева «Катерина Ивановна». И мне приятельница подарила куклу. Открываю коробку — боже, это же она, моя героиня! В моей коллекции есть несколько кукол — прямо мои роли... Дальше шли куклы — как бы мои несыгранные роли, вдохновляющие образы, персонажи. Получилась очень интересная выставка. Шла она месяц. Зрители моих кукол фо-

тографировали. Когда выставка закончилась, мне позвонили с одного телеканала: «А почему мы ничего об этом не знали? Мы бы обязательно сообщили о таком событии!» Но театр не сообщил. Неправильно это... Но бог с ним, зрители порадовались — и хорошо.

— Шла к вам на встречу мимо зала имени П.И. Чайковского, в котором, я знаю, прошло первое свидание ваших родителей. Когда вы проходите мимо этого здания, испытываете какое-то особое чувство?

— Абсолютно никакого. А что я могу испытывать? Папу я знать не знала, не видела в детстве ни разу, не воспринимала ни как отца, ни как маминого мужа. Можно было по этому поводу сокрушаться, переживать, но что бы это изменило? Он был

артист, в первую очередь, гениальный артист. В детстве я, наверное, как-то его отсутствие переживала. Вот сейчас вспоминаю какие-то мелкие случаи, когда папа приходил. Да, было обидно. Но — обидно и обидно. Было — и прошло. Поэтому — нет, сердце мое не екает, когда я прохожу мимо зала Чайковского.

— Но в Москве есть места, с которыми связаны какие-то дорогие вам воспоминания?

— Район Манежа, сквер рядом с факультетом журналистики МГУ,

где я училась параллельно с театральным вузом. Потому что это моя юность. Когда проезжаю мимо — да, испытываю определенное волнение. Еще одно из таких мест — Кутузовский проспект, потому что жила там в детстве. Я вообще Москву очень люблю. Хотя люблю и поехать, попутешествовать, но только чтобы потом в Москву возвращаться, в свой дом. Я бы никогда не смогла жить ни в одном другом городе мира, даже в самом прекрасном. Кстати, у меня имелась для этого масса возможностей, но

такой путь — абсолютно не мой. Я вообще больше двух недель не могу находиться вдали от родного города. Всегда хочу к себе, в Москву. Даже в детстве, когда жила в Германии, ужасно от разлуки с Родиной страдала.

— Не полюбили эту страну — Германию?

— Нет. Как я могла ее полюбить? Я ее не знала. Училась там в советской школе. И отношение к нам, даже тогда — в семьдесят седьмом году — было негативное. Никогда не забуду, как немки-девчонки меня били. Кричали, что я оккупантка. Не любили они русских. Никогда не любили. Что, в общем, и понятно: везде стояли советские воинские части,

то, что наши офицерские жены ходили с колясками по улицам и лужгали семечки, немцам, конечно, не нравилось. Хотя — кто виноват в том, что мы там оказались? И причем здесь дети?.. Отчим у меня был журналист-международник, он не имел отношения к армии. У нас в Карлсхорсте был прекрасный дом, отчим его сделал как раз в немецком стиле. Была собака Шнэк, ризеншнауцер. Родители посадили перед домом 120 кустов роз, росло персиковое дерево, ежевика... Все, в общем, было красиво, ничуть не хуже, чем у самих немцев. Но маме тоже, как потом выяснилось, жить в Германии не нравилось. Она буквально страдала, моталась в Москву каждые два-три месяца, потому что иначе начиналась депрессия.

— А некоторые люди так легко меняют Отечество на другую страну!

— Ну, люди разные бывают, и причины — разные. Каждый делает свой выбор и имеет на это право. Но для меня такой вопрос никогда не стоял. В свое время я, как любая молодая девица, могла критиковать свою страну, быть, так сказать, слегка диссидентствующей, но потом повзрослела и пришла к определенным выводам. А я именно делаю выводы, вникаю в суть, а не просто беру на веру чьи-то слова. То есть я человек по-

литизированный. Сейчас я — абсолютный патриот. У меня даже капли сомнения не возникает в том, что мы правы. Но, повторю, все мы — разные. Мы воспитали общество потребления, и когда люди теряют огромные деньги, конечно, они начинают защищать свое благополучие, которое, в силу того самого воспитания, для них на первом месте. И их тоже можно понять. Но я не люблю лицемерия. Если уж ты на этой стороне — пожалуйста, тогда на ней и стой. А вот эти метания, когда человек получал выгоду здесь, а теперь хочет получать ее и там — вот этого я не выношу совершенно. А в остальном — пожалуйста, делай свой выбор, главное, не надо агрессии. У меня много друзей, которые противоположного обо всем происходящем мнения, и я всегда им говорю: давайте будем спокойно воспринимать чужую точку зрения! Вот у меня два брата — они стоят абсолютно на разных позициях. И понятно, почему это так. Антон Яковлев — он такой абсолютный самодержец — за веру, царя и отечество. Леша (Алексей Яковлев, актер. — *Ред.*) — либерал. Его дедушка — Аркадий Исаакович Райкин, а в этой семье есть свои определенные установки. И когда мы собираемся вместе, я говорю: «Ребята, только не надо, пожалуйста, о политике!» Время само рассудит, кто прав... □

Беседовала **Марина Бойкова**

ЧЕЛОВЕК И САМОЛЕТ

Сегодня никого не удивишь трансатлантическим перелетом, внутренним удобством воздушного судна или тем, что самолеты делаются из легкого металла. Между тем, около ста лет назад приходилось всерьез доказывать, что дерево — не самый удачный выбор для постройки летательного аппарата. Но Андрею Туполеву это удалось, и сегодня мы пользуемся плодами его многолетней научной и практической работы.

Фото из личного архива

Андрей Николаевич Туполев родился 10 ноября (28 октября по старому стилю) 1888 года в усадьбе Пустомазово — сегодня ее уже нет на картах Тверской губернии. Его отец, Нико-

лай Иванович Туполев, был из сибирских казаков, родом из Сургута. Он служил нотариусом, но работу свою не любил и в какой-то момент принял решение поселиться за городом и за-

ниматься сельским хозяйством. Мать будущего ученого, Анна Васильевна, происходила из дворянской семьи и была дочерью судебного следователя из Тифлиса. Она знала несколько языков и прекрасно играла на рояле. Помимо Андрея в семье было еще шестеро детей. Жили небогато, мать занималась домашним хозяйством и детьми, самостоятельно давая им начальное образование. Сам Андрей Туполев позже вспоминал: «Жили мы скромно. У меня были старшие братья Сергей и Николай, а также сестры Наталья, Татьяна, Вера и Мария. Мать отдавала нам все свои силы, всю свою душу. Наша семья была очень большая и дружная. Не патриархальная, но, несомненно, передовая».

Когда дети должны были идти в школу, Туполевы переехали в Тверь, и Андрей поступил в гимназию. С классом ему повезло — он оказался дружным, хотя, по воспоминаниям самого Туполева, «хорошо учиться было не принято». Выросший в скромности, Андрей в детстве сам мастерил себе игрушки, а в гимназии особенно любил уроки труда. Ему нравилось заниматься столярным ремеслом, а некоторые его работы даже попали на выставку. Еще учась в гимназии, будущий авиаконструктор понял, что его тянет к технике и следует двигаться именно в этом направлении.

После окончания гимназии Андрей Туполев поступил сразу в два учебных заведения Москвы: Институт инженеров путей сообщения и ИМТУ. Он выбрал ИМТУ — сейчас это МГТУ имени Баумана.

К более чем скромному житью юноше было не привыкать, но случались и совсем уж сложные периоды, о которых он вспоминал: «Денег постоянно не хватало. Один раз стало совсем худо, и тогда я решил заложить свое плохонькое пальто в ломбард. Я искал ломбард, и мне казалось, что все смотрят на меня, на пальто под мышкой. Я так и не смог найти ломбард и вернулся в тот день голодный. К счастью, на следующий день пришли три рубля из дома».

Осенью 1909 года Туполев познакомился с человеком, который стал его учителем — в глобальном смысле, а не только потому, что читал в ИМТУ лекции по воздухоплаванию, — с Николаем Егоровичем Жуковским. Он также возглавил воздухоплавательный кружок, созданный по инициативе студентов. Именно с этого момента Андрей Николаевич стал отмерять «свою авиационную жизнь». Его работы — плоская аэродинамическая труба и модель самолета — привлекли всеобщее внимание на состоявшейся воздухоплавательной выставке.

После окончания выставки он и его друзья по кружку приступили к испытаниям созданного ими балансирующего планера. После успеха на выставке им удалось собрать некоторое количество частных пожертвований, и на эти деньги они начали разработку собственного аэроплана.

Но весной 1911 года все неожиданно прервалось. Получив из неизвестного источника сведения о политической неблагонадежности Туполе-

ва, в его комнате произвели обыск, а его самого задержали. Конечно, он не участвовал ни в каких подпольных кружках, но, по доброте или незнанию, разрешил «друзьям» использовать свой почтовый адрес при переписке. Жуковский постарался выручить своего студента, к нему в этих попытках присоединился директор ИМТУ Гавриленко, но, несмотря на все ходатайства, Андрея Николаевича освободили только в апреле — и то по причине смерти отца. В тече-

Осенью 1913 года он восстановился в ИМТУ. Кружок за эти годы превратился в аэродинамическую лабораторию, и Андрей Николаевич продолжил работу уже в ней. Жуковский считал его одним из лучших своих учеников, отмечая его способности как научного исследователя, так и конструктора.

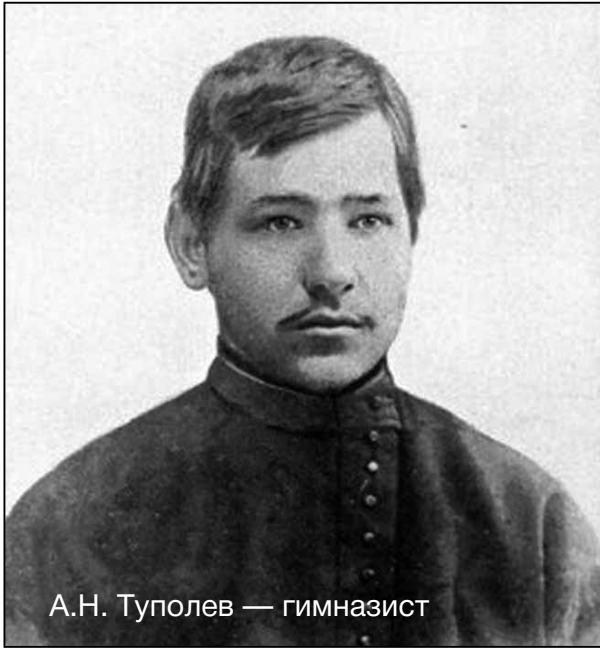
Первая мировая война потребовала множества новых самолетов и — как следствие — множество умов. При поддержке военных Жуковский

Самолеты Туполева установили более ста мировых рекордов дальности, скорости полетов и грузоподъемности. Он был не только Героем Социалистического Труда, лауреатом множества Государственных премий, но также обрел признание во всем мире: получил премию Леонардо да Винчи и Золотую медаль Общества основоположников французской авиации. Его избрали в почетные члены Королевское общество аэронавтики Великобритании и Американский институт аэронавтики и астронавтики. При всем при этом, когда его спрашивали, почему он не пишет книгу воспоминаний, Туполев в ответ отшучивался: «Я не пишу, а делаю»...

ние года ему было запрещено жить в городах, имеющих высшие учебные заведения.

Туполев провел дома около двух лет, занимаясь чем угодно, только не авиацией. Он писал: «Когда я вернулся домой, мне выпала трудная обязанность хоронить отца. Дела нашей семьи шли плохо. Но я был молодым и сильным. Хорошо обработав землю, я совершил посадку овощей. Постепенно дела стали улучшаться».

в 1916 году основал и возглавил первое Российское авиационное расчетно-испытательное бюро. Туполев стал одним из его помощников в должности заведующего лабораторными установками. Попутно он занимался аэродинамическими расчетами: за год провел расчет аэроплана «Анатра» и истребителя братьев Косяненко. По рекомендации Николая Егоровича студента Туполева привлекли к работе в комиссии, разра-

А.Н. Туполев — гимназист

батывающей нормы прочности аэропланов.

Материалы для диплома у Андрея Николаевича появились интересным образом. В 1916 году он работал над проектированием гидроплана на заводе «Дукс». Несмотря на небольшой опыт в этой области, ему очень хотелось попробовать себя. Но технический директор завода, вернувшись из Франции, привез патент на строительство французской модели. Было решено строить французский самолет, а работы Туполева отложить. Поначалу конструктор обиделся, но подготовленные чертежи потом легли в основу его диплома. В 1918 году он с отличием защитил проект под названием «Опыт создания гидроплана по данным испытаний в аэродинамических трубах» и стал инженером-механиком.

Революция в России, к счастью, никак не повлияла на работу расчетно-испытательного бюро, и в конце лета 1918 года Туполев возглавил направ-

ление аэродинамических расчетов и проектирования приборов. Стараясь объять необъятное, через два года он начал читать курс лекций «Основы аэродинамического расчета», а затем расширил свою преподавательскую деятельность курсами «Теория аэропланов», «Теория гидропланов», «Нормальное и специальное проектирование гидропланов» и «Гидроавиация».

Параллельно у Туполева, Жуковского и их коллег росло понимание того, что развитие самолетостроения возможно только при наличии научно-исследовательской базы. Центральный аэрогидродинамический институт (сокращенно ЦАГИ) был создан в 1918 году. Возглавил его Жуковский, а Андрей Николаевич стал начальником авиационного отдела. Наряду с прочим в институте изучались авиационные сплавы и защита их от коррозии, авиационные моторы, прочность авиационных конструкций, методика летных испытаний.

Именно в это время ученые смогли доказать целесообразность использования цельнометаллических конструкций в производстве авиационных судов. С тех пор самолеты стали строить из легкого, но прочного дюралюминия вместо дерева и тяжелого железа.

Работая в ЦАГИ и развивая его после смерти Жуковского, Туполев поставил глобальную цель: создание новой отрасли — авиационной промышленности, способной массово разрабатывать и производить самолеты. Он добился того, что в 1924 году была создана металлургическая

база для самолетостроения, позволившая производить в большом количестве специальные авиационные материалы.

К 1936 году Андрей Николаевич был уже главным инженером Главного управления авиационной промышленности. Под его руководством строилось множество новых авиационных заводов для массового производства самолетов, а еще он, понимая необходимость использования ЭВМ для улучшения расчетных методик, создал один из первых вычислительных центров.

Увлечение ли его иностранными технологиями или просто зависть кого-то из коллег стали причиной его ареста — неизвестно.

Туполева арестовали в 1937 году. Его секретарь Наталья Архангельская вспоминала: «21 октября 1937 года Андрей Николаевич Туполев вышел из своего кабинета в сопровождении двух мужчин в штатском в сапогах и с пачками перевязанных бечевкой бумаг. Он грустно улыбнулся мне и исчез из обычной жизни ровно на три года и девять месяцев».

Его обвиняли во вредительстве и создании антисоветского движения. Суд назначил Туполеву 15 лет лишения свободы, но через некоторое время стране понадобились светлые умы, и Андрея Николаевича, наряду с другими специалистами, отправили в «шарашку». Там было значительно лучше, чем в Бутырской тюрьме, откуда перевели заключенных. Вот что вспоминал один из «коллег» авиаконструктора: «Будили нас в 7 утра, время до 8 от-

водилось на уборку спален, умывание, бритье, физзарядку и т. д. С 8 до 9 был завтрак, после чего работа до часу дня, когда мы шли обедать. С 2 до 7 опять работа, затем отдых до 8, ужин и свободное время до 11, когда гасили свет. Проверка производилась ночью, в кроватях, когда мы спали. Ближе к войне рабочий день удлиннили до 10 часов, а с весны 1941 года и до 12. Кормили достаточно хорошо, на завтрак — кефир, чай, масло, каша; обед из двух блюд и компота; на ужин — горячее блюдо, кефир, масло, чай. Для работавших после ужина часов в 10 в столовую приносили простоквашу и хлеб. После лагерей такое питание напоминало лукулловы пиршества, и без физического труда и прогулок арестанты стали округляться»...

В начале войны Туполев был освобожден, а в 1955 году полностью реабилитирован, и судимость с него была снята.

Огромное количество уникальных технических решений, созданных Туполевым, объясняется тем, что все прочитанное, услышанное или увиденное он обдумывал и старался применить на пользу и развитие самолетостроения и всегда смотрел на задачу шире, чем она была поставлена. При разработке в 1932-м году «АНТ-31» он понял, что главная задача истребителя нового поколения — догнать противника. Конструкторское решение, последовавшее за этим, стало эталонным на долгие годы. И таких моментов в его биографии немало.

За годы войны было выпущено около 800 «Ту-2», из которых на фронт попало около 750 единиц. Кроме того, в боях участвовало девять типов самолетов, изобретенных Ту-полевым, всего около 5000 машин.

Андрей Николаевич считал, что детально изображенные предварительные компоновки — самый важный этап работы над проектом. Он говорил: «Чем больше деталей нарисовали, тем о большем числе проблем подумали». Если компоновки были непонятными, небрежными, замечал: «Намазали, не поразмыслив». Будучи практиком до мозга костей, все решения он принимал только на основании экспериментальных результатов.

Когда новая модель самолета готовилась к испытаниям, Туполев всегда беседовал с пилотами перед вылетом, рассказывал им о создании машины. После же полета просил подробных рассказов о том, что летчики узнали и почувствовали. Если что-то шло не так, он всегда отстаивал в спорах с руководством необходимость продолжения испытаний модели до тех пор, пока не устранял все недостатки.

Эра реактивной авиации началась в Советском Союзе после войны. В ОКБ Туполева под его руководством создавалась серия пассажирских и военных самолетов: Ту-104, Ту-114, Ту-124, Ту-134, Ту-144, Ту-154, Ту-95 и Ту-22.

Конструктор считал, что каждый военный самолет может иметь пассажирский аналог. На базе тяжелого Ту-16 появился Ту-104, на основе

бомбардировщика Ту-95 — пассажирский Ту-114, который стал флагманом своего времени. Именно на Ту-114 Хрущев полетел с официальным визитом в США в 1959 году, несмотря на то, что на тот момент самолет еще не прошел окончательно все эксплуатационные испытания. Это был первый и, вероятно, единственный случай в истории.

Под руководством Туполева было создано более 50 оригинальных летательных аппаратов и около сотни различных модификаций. Его самолеты установили больше ста мировых рекордов дальности, скорости полета и грузоподъемности. Он был не только Героем Социалистического Труда, лауреатом многих Государственных премий, но также обрел признание в мире: получил премию Леонардо да Винчи и Золотую медаль Общества основоположников авиации Франции. Его избрали в свои почетные члены Королевское общество аэронавтики Великобритании и Американский институт аэронавтики и астронавтики.

В опыте ли дело, или во врожденной интуиции, но Туполев, по свидетельствам очевидцев, обладал сверхъестественной способностью абсолютно точно угадывать место отрыва самолета от земли при разгоне и место окончания пробега после посадки. Причем, даже если условия отличались от стандартных (например, самолет был тяжелее обычного), угадывал все равно.

Как и большинство крупных ученых, в быту Андрей Николаевич был

Первый
самолет
А.Н. Туполева
АНТ-1

человеком простым: очень любил свою семью, встречи в компаниях, дружеские посиделки. Предпочитал подолгу носить одни и те же вещи. Убедить его купить что-то новое было крайне трудно.

Со своей женой, Юлией Николаевной, Туполев познакомился еще в юности, работая в госпитале медбратом, и преданно любил всю жизнь только ее одну. Она всегда была рядом с ним: в командировках, на конференциях, приемах. За границей часто помогала в переговорах, так как хорошо знала иностранные языки.

Бесконечно доверяя Юлии Николаевне, Туполев, в сущности, сделал ее первым «дизайнером» самолетов — он привлекал ее к оформлению пассажирских салонов в Ту-70 и Ту-104. Расцветка материала для салона и кресел, оснащение интерьера и кухни, лампы — все выбрано ею.

Как у всех великих людей, была у Андрея Николаевича и забавная при-

вычка. Уходя из гостей, он всегда брал что-нибудь «для дома»: конфету, яблоко, пирожок. Зная это, друзья и коллеги специально заворачивали ему что-то с собой.

Когда не стало Юлии Николаевны (она ушла довольно рано, в 1962 году), Туполев похудел, стал более замкнутым и задумчивым, еще больше времени посвящал работе. Место матери рядом с отцом заняла дочь Юлия, сопровождающая его в поездках.

Андрей Николаевич не написал книгу воспоминаний, отшучиваясь: «Я не пишу, а делаю».

Спустя десять лет после смерти жены Туполев, которому было уже 84 года, сохранял твердую память и ясное сознание, по-прежнему участвуя в работе ОКБ. 22 декабря 1972 года он находился в больнице. Его навестили дети, он был весел и строил планы на поездку в Крым. Но на следующее утро он уже не проснулся...

Похоронен Андрей Николаевич Туполев на Новодевичьем кладбище. □

Приключения «Дамы с горностаем» ЛЕОНАРДО да ВИНЧИ

Краков — один из самых красивых городов мира. Рыночная площадь, собор, Вавельский замок, старинные церкви и синагоги. А еще здесь есть замечательный музей князей Чарторыйских, где собрана блестящая коллекция настоящих шедевров. И среди них — небольшая картина, получившая название «Дама с горностаем», один из четырех женских портретов, написанных Леонардо да Винчи.

«Дама с горностаем»

В 1482 году Леонардо да Винчи появился при дворе герцога Лодовико Сфорца в Милане. Он очень надеялся, что Сфорца будет ему лучшим покровителем, чем правители Флоренции Медичи, а потому покинул

Тоскану. В письме к герцогу Леонардо писал, что умеет строить мосты, легкие и прочные, а еще создавать пушки и другие артиллерийские орудия, которых нет ни у одного европейского монарха. Ну а также, заме-

чал в письме художник, он весьма искусен в живописи и скульптуре и может воздвигнуть конную статую, план которой в то время вынашивал Сфорца. Ну как было не принять такого человека? И Сфорца с радостью встретил Леонардо в Милане.

Художник провел в этом городе 17 лет. За эти годы им было сделано немало. Он стал незаменимым человеком при миланском дворе — устраивал празднества, придумывал военные фортификации, написал «Тайную вечерю» и другие замечательные картины. И среди них — портрет любовницы герцога Чечилии Галлерани, знаменитую «Даму с горностаем».

Чечилия Галлерани родилась в 1473 году. Ее отец Фацио Галлерани преданно служил герцогу, был послом Сфорца во Флоренции и Сиене. Родители дали Чечилии, как и ее шестерым братьям, прекрасное образование — она свободно владела латынью, пела и играла на разных инструментах, любила читать и сама сочиняла стихи. И ко всему прочему была весьма хороша собой. Появившись при дворе Сфорца, она произвела сильное впечатление на влюбчивого герцога. Отказать всемогущему Сфорца никто не мог, и Чечилия вскоре стала его любовницей. Посол Феррары при миланском дворе Эсте ЯкопоТротти писал своему господину, что Лодовико «болен из-за слишком активной жизни с одной из прекрасных содержанок, живущих с ним. Она очень красива, вез-

де следует за ним, он ее обожает и всячески демонстрирует свое увлечение уже долгое время». Моро (Мавр), как звали герцога за его смуглость, по-настоящему привязался к ней — она должна была всюду его сопровождать и жить рядом — он выделил ей комнаты в своем замке.

Чечилия блистала при дворе Сфорца. В звездный период ее жизни Леонардо и написал ее портрет с горностаем на руках. (Время создания портрета точно не установлено — ученые только сходятся во мнении, что это было в конце 1480-х — начале 1490 года). Горностаи — одна из эмблем рода Сфорца. Этот зверек был неслучайно выбран герцогом в качестве символа. В одной старинной книге, пишет Роберт Уоллейс в своей монографии о Леонардо, горностаи описаны как чрезвычайно чистоплотный зверек — он предпочитает смерть грязной норе. На портрете Чечилия и горностаи смотрят в одну сторону...

Женитьба на Беатриче д'Эсте в январе 1491 года не изменила положение Чечилии — герцог тайком продолжал навещать ее апартаменты. А вскоре, в мае того же года, Чечилия родила герцогу сына — Чезаре. Понятное дело, эта ситуация чрезвычайно раздражала Беатриче, и Сфорца все-таки был вынужден разорвать отношения с Чечилией. Он нашел способ, как сделать это менее болезненно: выдал ее замуж за Лодовико ди Брамбилла, графа Бергамини, и даже

Герцог Лодовико Сфорца

подарил молодоженам роскошный дворец.

Впоследствии Чечилия родила еще четверых детей. Но жизнь ее не ограничивалась семейными заботами. Она стала хозяйкой литературного салона — одного из первых в Европе. В ее доме собирались философы, ученые, писатели и поэты, провозгласившие прекрасную сеньору Чечилию своей музой. Она и сама не переставала писать стихи, которые высоко ценились самыми авторитетными критиками. (К сожалению, они не сохранились.) Не забывала она и герцога — в 1497 году умерла Беатриче, и Чечилия поддерживала его в трудное время. Они оставались близкими людьми...

Портрет да Винчи хранился в доме Галлерани как драгоценный дар герцога. Его живописные достоинства

были очевидны, недаром весной 1498 года мантуанская маркиза Изабелла д'Эсте, известная ценительница искусства и поклонница Леонардо, попросила Чечилию прислать ей картину: «Припоминая, что Леонардо нарисовал Ваш портрет, мы просим Вас быть столь любезной и доставить нам картину с этим посыльным». Чечилия не сочла возможным отказать приятельнице и в ответном письме, кокетливо заметив, что в портрете уже нет прежнего сходства, согласилась послать его в Мантую. Путешествие не пошло на пользу картине, да и об ее сохранности тогда не очень-то заботились. Скорее всего, портрет просто завернули в ткань или кожу и приторочили к седлу посыльного — так предполагают американские историки искусства. Портрет побыл в гостях примерно месяц, а потом вернулся к хозяйке.

Чечилия умерла в 1536 году, пережив Сфорца на 28 лет. Ей было 63 года.

После ее смерти леонардов шедевр исчез — примерно на три столетия. В 1798 году портрет Чечилии Галлерани вдруг появился в Риме, где его купил князь Адам Ежи Чарторыйский, русский и польский политик, в то время — посол России при дворе Сардинского короля. Это был яркий, умный, талантливый человек. Недаром радетели независимости Польши не раз прочили его в короли Польши. В 1804–1806 годах он занимал пост министра иностранных дел Российской империи.

Всю свою жизнь он увлекался искусством, а потому был счастлив, приобретя картину Леонардо.

Приобретенные шедевры (в то же время князь Адам прикупил еще и автопортрет Рафаэля) Чарторыйский передал своей матери Изабелле Чарторыйской, которая желала в своем имении в Пулавах собрать, как это было принято в аристократических семействах, достойное собрание произведений искусства и всяческих редкостей. Чарторыйская организовала в Пулавах два (первых в Польше!) музея: храм Сивиллы (построенный по типу античных храмов), где хранились памятники, связанные с историей Польши, и Готический домик (в мавританско-фламандском стиле), где размещались археологические находки, скульптуры и картины. Вот в этом Готическом домике и нашла свое место «Дама с горностаем», а также шедевры Рембрандта (картина попала в собрание в 1813 году) и Рафаэля. Но ненадолго...

После падения Наполеона и Венского конгресса было решено поделить Польшу. Победительница Бонапарта Россия присоединила к себе большую часть польских территорий. В Варшаве правил теперь великий князь Константин Павлович. Однако гордые шляхтичи никак не могли смириться с таким унижением. В ноябре 1830 года в Польше началось национально-освободительное восстание. 25 января 1831 года на заседании сейма было объявлено

о свержении императора Николая I с польского трона. Силы польских бунтарей и русского императора были неравными, и после девяти месяцев жесточайших боев восстание было подавлено.

Адам Ежи Чарторыйский и его родственники во время Ноябрьского восстания выступили против России. Князь Адам стал одним из лидеров польского национального движения. Дабы избежать репрессий, после провала восстания Чарторыйским пришлось бежать из Польши. Предвидя такое развитие событий, умная княгиня Изабелла еще до вторжения в страну российской армии в 1830 году спрятала «Даму с горностаем» и другие свои сокровища в родовой усадьбе в Сенявах, на территории Польши, принадлежавшей Австрии. Замурованная в тайнике, картина пробыла там до 1840 года. В это время ее сын Адам Ежи уже жил в Париже, где приобрел особняк Ламберт, ставший штаб-квартирой польской эмиграции. Туда и было решено отправить сокровища Чарторыйских. По дороге они некоторое время пробыли в Дрездене, а потом, в 1849 году, благополучно добрались до Парижа. По всей вероятности, тогда картину слегка подреставрировали, и, возможно, в этом деле принял участие приятель князя Адама Эжен Делакруа. (Скорее всего, он закрасил темным фон картины — обычно у картин да Винчи всегда детально прописанные задние планы).

После смерти князя Адама Ежи лидером польской эмиграции стал его сын князь Владислав Чарторыйский (1828–1894). Истинный потомок Чарторыйских очень хотел, чтобы сокровища, собранные его отцом и сбереженные бабкой, вернулись на родину. После долгих размышлений было решено, что все будет перевезено в Краков, находившийся под властью Австрии. И вот в 1877 году в Кракове был торжественно открыт музей Чарторыйских. Спустя несколько лет в Краков прибыла и «Дама с горностаем».

В 1914 году мир захлестнула Первая мировая война, и шедевры собрания Чарторыйских снова было решено спрятать — их перевезли в Германию, в Дрезденскую галерею, где они пробыли до 1920 года, когда их снова вернули в Краков. На сей раз им суждено прожить спокойно 19 лет.

А потом пришел 1939 год...

Понимая, что происходит в мире и что новая война неизбежна, наследник Чарторыйских князь Августин Чарторыйский вывез самые ценные вещи из собрания Чарторыйских в Кракове («Даму» Леонардо, «Портрет молодого человека» Рафаэля и «Пейзаж с добрым самаритянином» Рембрандта») в Синявский дворец. В качестве хранилища выбрали подвал дворцового флигеля. 25 августа 1939 года туда занесли ящики, а двери замуровали (как это уже делала княгиня Изабелла). Остальные экспонаты разместили в

подвале музея. В сентябре 1939 года немцы уже бомбили Краков, а 14 сентября заняли и разграбили Синявский дворец. Спустя четыре дня экономка Чарторыйских Софья Шмит вошла во флигель. То, что она увидела, привело ее в ужас — разрушенные стены, разрубленные двери, разбитые ящики, а шедевр Леонардо со следом от солдатского сапога стоял у стены. К счастью, немецкие солдаты, попавшие в тайник, видно, не обладали высоким образованием и культурой, а потому не смогли оценить стоимость старых полотен. Софья перепрятала то, что не взяли немцы.

Чарторыйские, приехав в Синявы, перевезли ящики с картинами в село Полкини, надеясь, что там можно будет их надежно спрятать, но вскоре ящики обнаружили немцы, вошедшие в Полкини. (Августин и его жена Долорес Бурбон-Сицилийская, дочь сицилийского принца Карлоса Бурбона и французской принцессы Луизы Орлеанской, почти две недели скитались по Польше, скрываясь от немцев, однако потом были арестованы гестапо. Начались трудные переговоры (все-таки речь шла о господах королевских кровей!), и, в конце концов, супругов Чарторыйских депортировали в Испанию. Во время пребывания в Испании князь Августин всячески помогал польскому сопротивлению. Он умер сразу же после победы над гитлеровскими войсками, в 1946 году, в Севилье.)

*Рембрандт.
«Пейзаж
с добрым
самаритя-
нином»*

Немцы же (эти уже хорошо понимали, что к ним попали шедевры мирового искусства!) перевезли ящики в Жешов, и оберфюрер СС доктор Каэтан Мюльман, назначенный Герингом «уполномоченным по делам регистрации и защиты произведений искусства и культурных памятников», отправил «Даму с горностаем» в Краков. Мюльман прекрасно знал, какие ценности оказались у него в руках. Затем «Дама» и два других шедевра коллекции Чарторыйских (Рафаэль и Рембрандт) отвезли в Берлин, в Музей кайзера Фридриха — оттуда их должны были направить в Музей фюрера, который организовывали в Линце, на родине Гитлера. Фюрер задумал в своем родном городе создать свой «Лувр», свои «Уффицы», для чего беззастенчиво грабил музеи и частные собрания во всех завоеванных им странах. А потом было

решено, что вещи, предполагаемые для музея в Линце, будут храниться в Кракове, в Вавельском замке. В отчете, написанном в 1945 году в Нюрнберге, Мюльман писал: «Франк велел своим советникам и оформителям интерьеров Горстману и Кеттгену, чтобы те выбрали из спецхранов объектов, предназначенных для музея в Линце, произведения для размещения на Вавеле и в Кшешовице». Так портрет Чечилии оказался снова в Кракове — в Вавельском замке, который Ганс Франк, генерал-губернатор оккупированной нацистами Польши, превратил в свою резиденцию. Франк был страшный человек — один из главных организаторов геноцида поляков и евреев, он отличался особенной жестокостью, что не мешало ему быть большим ценителем прекрасного. «Дама с горностаем» особенно

запала ему в сердце. В январе 1945 года, когда было уже ясно, что победа союзных войск над фашистской Германией неизбежна, Франк бежал из Кракова, не забыв прихватить с собой портрет прекрасной Чечилии. Он спрятал картину на своей вилле на берегу озера Шлирзее, в Баварии. Но вскоре виллу заняли американцы. Обнаруженный шедевр Леонардо они передали в хранилище в Мюнхене, куда свозили все награбленные немцами и теперь найденные шедевры искусства. Вскоре нашелся и пейзаж Рембрандта из коллекции Чарторыйских, но вот Рафаэль пропал бесследно. Бывший правитель Польши под давлением американцев указывал разные места, где нацисты прятали художественные ценности, но ни в одном из них картину не нашли. Возможно, он действительно ничего не знал о ее судьбе...

31 апреля 1946 года на вокзале в Кракове собралась огромная толпа — краковчане встречали украшенный цветами поезд. В нем ехали сокровища, утраченные поляками во время войны и теперь обретенные вновь — знаменитый алтарь Краковского Мариацкого костела, алтарь Вита Ствоша и леонардова «Дама с горностаем». Картину сначала отвезли в Вавельский замок, а на следующий день перенесли в музей Чарторыйских. Туда, где она по всем законам и должны была быть.

В 1949 году музей Чарторыйских перешел в ведение государства, а год спустя стал филиалом Краковского национального музея.

Казалось бы, злоключения картины закончились, но... В 1952 году весь мир праздновал 500-летие со дня рождения Леонардо да Винчи. Художник родился 15 апреля, а 18 апреля Польша отмечала 60-летие своего президента Болеслава Брута. И тогда Станислав Лоренц, директор Варшавского национального музея, решил, что было бы замечательно к этим двум датам организовать показ «Дамы с горностаем» в польской столице. Краковчане не смогли ничего возразить на просьбу влиятельного господина из Варшавы, и портрет Чечилии Галлерани отправился в Варшаву — картина ехала в министерском «шевроле», завернутая в плед, на коленях у представителя департамента культурного наследия профессора Богдана Маркони. А когда юбилейную выставку в Варшаве закрыли, Лоренц совсем не торопился возвращать красавицу Чечилию в Краков — он мечтал, что его музей станет не хуже парижского Лувра, а шедевр Леонардо — отнюдь не лишний предмет в таком собрании. Краковчане писали возмущенные письма, но варшавские власти были к ним глухи. И только спустя три года их усилия увенчались успехом, и «Дама с горностаем» вернулась в музей Чарторыйских.

В 1972 году картина впервые после войны отправилась за границу — в Советский Союз, на выставку европейского портрета XV–XX веков, открывшуюся в Пушкинском музее в Москве. В музее портрет встретил

*Рафаэль.
Автопортрет
(утраченный)*

низким поклоном сам зам. министра культуры РСФСР А.И. Попов. Встретиться с прекрасной Чечилией ежедневно приходили восемь тысяч человек. Через месяц портрет вернулся в Краков на поезде — в купе первого класса в сопровождении двух милиционеров.

В начале 1990-х годов потомок Чарторыйских князь Адам Кароль основал при Краковском музее Фонд князей Чарторыйских и передал ему право владения всеми сокровищами своих предков. (Ранее вещи из собрания нельзя было вывозить за границу — они были собственностью Чарторыйских, и их тут же могли арестовать и не вернуть в Польшу).

С тех пор «Дама» побывала во многих странах — дважды в США, в Швеции, в Италии, в Японии. В 1992–2003 годах «Дама с горностаем» — несомненно, самое ценное произведение портретного ис-

кусства в польских музеях — совершила целых пять заграничных турне, в том числе два за океан. В общей сложности шедевр провел за пределами Краковского музея два с половиной года. Так много не позволялось путешествовать ни одному произведению столь высокого класса.

Фонд, показывая картину, зарабатывал деньги, при этом каждый раз, когда картину вывозили из музея за пределы Польши, ею очень рисковали — ведь ее могли похитить! Кроме того, частые переезды не шли на пользу красочному слою картины. Но Фонд стремился выжать из нее как можно больше средств...

В конце концов, под давлением общественности, возмущенной столь частыми отъездами «Дамы» за границу, Фонд Чарторыйских принял в 2003 году решение: после возвращения из США с очередной выставки бесценный шедевр Леонар-

до в течение десяти лет не покинет Кракова.

Однако прошло всего лишь 6 лет, и «Дама» вновь отправилась в путешествие — на сей раз в Будапешт, на выставку «От Боттичелли до Тициана» в Музее изобразительных искусств, где она выставлялась с октября 2009 по февраль 2010 года. Как написал Фонд в своем заявлении, «в знак благодарности польского народа венграм за помощь, оказанную польским беженцам во время Второй мировой войны».

А потом картина поехала в Мадрид — как утверждал Адам Кароль Чарторыйский, его об этом попросил кузен, король Испании, а «королю не отказывают». Затем были Берлин, Лондон...

29 декабря 2016 года правительство Польши выкупило за 100 миллионов евро всю коллекцию князей Чарторыйских — 86 тысяч произведений искусства, библиотеку из 25 тысяч книг и рукописей, а также несколько зданий в Кракове, в том числе исторический особняк, где располагается музей Чарторыйских. День, когда «Дама с горностаем» вместе с остальным бесценным собранием Чарторыйских вновь перешла государству, министр культуры страны Петр Глинский назвал «великим для Польши». Правда, многих смущала финансовая сторона сделки: кто-то говорил, что зачем было платить такие деньги, ведь коллекция и так была в полной доступности для публики. А кто-то утверждал, что, наоборот,

коллекция продана фактически за бесценок, ведь не так давно только одна картина Леонардо — «Спаситель мира» — по слухам, была куплена частным коллекционером за 127,5 миллионов долларов. Но так решил наследник князей Чарторыйских (рожденный в Испании и не говорящий по-польски) — он отдал родине собрание, собранное за многие годы его выдающимися предками.

Жемчужина коллекции — это, несомненно, «Дама с горностаем» Леонардо да Винчи, одна из 15 его картин, дошедших до нас. Украшение собрания — и «Пейзаж с добрым самаритянином» Рембрандта. Не забыли хранители музея и автопортрет Рафаэля — на том месте, где он должен быть, висит пустая рама. Поляки надеются, что когда-нибудь картина будет найдена. Сегодня то и дело в печати появляется информация, что наконец-то обнаружены следы картины, что ее вот-вот найдут, но пока ее место в музее остается пустым.

Министерство культуры Польши запретило картине Леонардо путешествовать. Не пристало такой почтенной даме ездить к поклонникам — пусть теперь они к ней едут. Сегодня картина занимает отдельный зал в музее Чарторыйских. И, конечно же, на свидание к ней приходит каждый, кто приезжает в Краков, город, в котором живет память о нескольких поколениях князей Чарторыйских, собравших и сохранивших для своего народа собрание шедевров мирового искусства. □

Дмитрий Зелов

ШЕРСТЯНЫЕ НИТИ

судьбы

Фото автора

В северо-восточном уголке Подмосковья расположилась старинная дворянская усадьба Фряново. В наши дни в стенах так много повидавшего и слышавшего господского деревянного дома находится Фряновский историко-краеведческий музей. Основу его богатой коллекции составили уникальные предметы прошлых эпох. Впрочем, историко-кра-

еведческий музей «Усадьба Фряново» рассказывает не только об интересном и славном прошлом усадьбы, начиная от его первых владельцев, дворян армянского происхождения Лазаревых и до последних хозяев имения Залогиных. Сама аура этих мест, кажется, неразрывно связана с Фряновской прядильно-ткацкой мануфактурой. В истории

этой фабрики полно удивительных, прямо-таки невероятных перипетий, зигзагов и коллизий...

В 1717 году царь Петр I издал именной указ об учреждении в Первостольной «Штофных и прочих шелковых парчей мануфактуры», первого крупного текстильного предприятия новой России. Указу предшествовал заграничный вояж Петра в европейские державы, среди которых была и законодательница мод Франция. Именно тогда российский

самодержец прославился тем, что держал на своих руках «всю Францию», а именно — семилетнего короля страны лилий Людовика XV. Отдав должное качеству французского текстиля и производящих его мануфактур, русский царь по возвращении на родину повелел организовать подобные и у себя на родине.

Сказано — сделано! Отечественная мануфактура заработала, а уже в 1720 году одним из ее пяти пайщиков и купцов-управляющих стал

Игнатий Францевич Шериман, оборотистый купец армянского происхождения, занимавшийся оптовыми поставками шелка-сырца в Россию. Через пять лет он решил расширить активно идущий в гору прибыльный бизнес, для чего вышел из компании и разместил на купленном им в Армянском переулке в Москве участке часть доставшихся ему при разделе производственных мощностей. А еще через десять лет Шериман и вовсе вывел свое текстильное производство в подмосковное Фряново. Здешние земли Игнатий Францевич приобрел заблаговременно, еще в 1722 году: технология изготовления тканей и их последующей окраски требовала постоянного и бесперебойного источника воды. И в отличие от скученного московского производства в Подмоскovie чувствовался простор, а воды для производства тканей местные, ставшие теперь запруженными, реки давали в избытке.

О масштабах и значимости для страны фабрики Игнатия Францевича Шеримана красноречиво говорят следующие факты: в 1738–1739 годах Фряновская мануфактура была третьей по количеству рабочих среди всех шелкоткацких фабрик России. А в 1742 году на ней был произведен спецзаказ высочайшей важности — парча для коронационного платья дочери Петра Великого, императрицы Елизаветы. В 1760 году, на исходе елизаветинской эпохи, француз Мишель Одар, признанный авторитет в области производства шелка, назвал мануфактуру во Фря-

ново наилучшей среди всех шелкоткацких производств России.

В середине восемнадцатого столетия сын Шеримана Захарий передал в управление (а впоследствии продал) село и фабрику купцам армянского происхождения Лазаревым, которые с энтузиазмом продолжили производство приносящих стабильный доход шелковых тканей.

ткань «Куропатки и павлины» фряновской мануфактуры, изготовленная на рубеже XVIII–XIX веков, украшала одну из комнат Екатерининского дворца в Царском Селе.

К началу XIX столетия, совпавшему с окончанием его жизненного пути, Иван Лазарев, основатель нового дворянского рода, сумел завершить строительство усадьбы во Фряново,

Они расширили и интенсифицировали приобретенный бизнес-проект, да так успешно, что уже в 1774 году Екатерина Великая за заведение Фряновской шелковой мануфактуры пожаловала купцу Ивану Лазаревичу Лазареву и его потомству дворянское достоинство. В екатерининскую эпоху фряновские ткани стали частым атрибутом дворцовой мебели и внутренней отделки покоев царских резиденций. Например,

строгим и изысканным обликом которой мы можем любоваться и в наши дни.

В роду Лазаревых фряновская усадьба и шелкоткацкая мануфактура находились до конца царствования Александра I, пока в начале правления уже Николая I два брата-старообрядца, купцы второй гильдии Николай и Павел Рогожины, «положили глаз» на местное производство. И хотя владели фряновской

мануфактурой Рогожины совсем недолго, до начала 40-х годов XIX столетия, именно благодаря им на фабрике появились технологические ноу-хау — жаккардовые машины.

В 1804 году французский ткач Жозеф Мари Жаккард придумал ткацкий станок для производства крупноузорчатых тканей. Названная в честь изобретателя диковинная машина произвела эффект разорвавшейся бомбы: отныне можно было управлять каждой нитью основы или их отдельными, небольшими группами благодаря хитроумной системе перфокарт, набранных двоичным кодом (он действовал по принципу есть отверстие — нет отверстия) и объединенных в единую информационную ленту.

Выходивший в итоге узор зависел от набора перфокарт — для начала XIX столетия этот способ производства означал крупный технологический прорыв в деле шелкоткачества. Поскольку для создания даже некрупного узора требуется около ста или более точных нитей и еще большее количество нитей основы, то при работе с жаккардовой машиной требовалось создание огромного количества перфорированных карт, которые соединялись в единую непрерывную ленту. При этом одной перфокарте соответствует один прокид челнока. Прокручиваясь, лента могла занимать по своему объему огромное пространство, порой дело доходило даже до двух этажей в общей сложности.

На протяжении позапрошлого века хозяева Фряново неоднократно менялись. А ставшие новыми вла-

дельцами усадьбы и фабрики братья купца Михаил, Константин и Василий Залогинь (в их роду усадьба и мануфактура находились вплоть до рокового 1917 года) приложили усилия к переориентации производства с шелкоткачества на шерстопрядение. Процесс этот был непростым, растянулся во времени и потребовал вложения значительных усилий, как людских, так и материальных.

Окончательный переход на шерстопрядение произошел на предприятии в 1880 году. К этому времени на Фряновской мануфактуре ежегодно производилось порядка 10 000 пудов камвольной гребенной (овечья шерсть для последующего изготовления на ее основе мягкой и гладкой материи) и цветной шерсти на общую сумму 500 000 рублей. На фабрике имелось 13 000 веретен, а также паровые машины различных конструкций. Фабричное производство обслуживали порядка 400 рабочих.

Фряновская мануфактура выпускала два вида пряжи — тонкую и грубую, при этом сырье использовалось очень качественное, привезенное из Австралии и Египта. Готовую пряжу поставляли на фабрику Армандов в подмосковном Пушкино. Кстати, женой фабриканта Александра Арманда, сына основателя торгового дома Армандов, стала французенка Элизабет Пешед Эрбанвилль, более известная в отечественной историографии как истовая революционерка и вероятная любовница Владимира Ленина Инесса Арманд. Вот такие невероятные порою

случаются в истории переплетения судеб.

Причина же переориентации продукции фабрики с шелка на шерсть лежала на поверхности: со второй половины XIX века шелкоткачество в России постепенно, но верно стало приходить в упадок, причиной чему стали недостаток иностранного сырья и узость внутреннего спроса на дорогие шелковые ткани. В Москве, на Таганке, Залогинны открыли отделение Фряновской фабрики: (Старинный, небесно-голубого цвета двухэтажный купеческий особняк дошел до наших дней.) В соседнем же здании предприниматели организовали производственный корпус, своего рода филиал фряновской мануфактуры, а за несколько лет до революции открыли рядом еще и доходный дом.

Несмотря на то, что хозяева Фряновской мануфактуры на протяжении столетий неоднократно менялись, неизменным оставалось одно: слава и отменное качество фряновских тканей и шерсти, которые вышли далеко за пределы московского

региона, распространяясь все больше и больше на необъятных просторах Российской империи. К началу XX века фабрика во Фрянове стала одним из крупнейших шерстопрядильных производств во всей России. Профильное производство сохранялось на фабрике вплоть до конца XX столетия. В советские годы фабрика, на которой трудились тысячи рабочих, стала одним из крупнейших камвольно-прядильных предприятий Страны Советов в своей отрасли.

Все течет, все меняется. История Фряновской фабрики как производства тканей завершилась вместе с прошедшим столетием. Но плетенье нитей судьбы на этом не оборвалось. Главные, основные вехи фабричной истории Фряново, а также уникальные архивные предметы быта и материальной культуры, эти ценнейшие образчики коллективной памяти, сохранились в старинных залах усадьбы, ставшей в наши дни очень интересным музеем Подмосковья. □

Друг Пушкина КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

Именно к нему были обращены строки письма А.С. Пушкина от 10 ноября 1836 года: «Как завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего «Онегина», и вы, конечно, узнали некоторых лиц»...

Родился Николай Борисович Голицын в декабре 1794 года в богатой княжеской семье. Первоначально

решил связать свою судьбу с армией, но вскоре был разочарован и вышел в отставку. События 1812 го-

да привели Николая Борисовича в ряды действующей армии. Начав боевой путь в качестве ординарца прославленного генерала П.И. Багратиона, которому он приходился родственником по линии матери, Голицын участвовал в кровопролитных боях под Смоленском, Бородино, Тарутино, Малоярославцем, а позже вступил с русскими войсками в поверженный Париж. Отважный, порой бесшабашный в сражениях поручик был награжден шпагой с золотым эфесом и надписью «За храбрость» (сейчас эта награда хранится в Эрмитаже).

Голицын был одним из образованнейших людей своего времени. В историю культуры он вошел как литератор, мемуарист, музыкальный деятель, переводчик. С детских лет занимаясь музыкой, Николай Борисович замечательно играл на виолончели. Исполнительское мастерство князя высоко ценили М.И. Глинка и А.С. Даргомыжский. Первый даже хотел привлечь его к участию в оркестре на премьере «Ивана Суланина». Журнал «Библиотека для чтения» за 1829 год отмечал князя, как «лучшего и остроумного критика по части музыки». Одним из первых Николай Борисович начал пропагандировать творчество Бетховена. В марте 1824 года в столице в «Филармонической зале» Энгельгардта впервые была исполнена «Торжественная месса» немецкого композитора. Инициатором был Голицын. Известны восемнадцать пи-

сем князя к великому композитору. «Можно сказать, что Ваш гений опередил век, — писал Голицын Бетховену, — и что теперь, может быть, не найдется ни одного слушателя, который был бы достаточно просвещен, чтобы насладиться всей полнотой Вашей музыки. Но потомки будут благоговеть перед Вами и благословлять Вашу память более, чем доступно нашим современникам». Бетховен посвятил своему русскому другу три струнных квартета, так называемые «Голицынские», и увертюру «Освящение дома».

Николай Борисович был прекрасным знатоком французского языка и переводчиком. Пушкин, в связи с событиями в Польше и клеветническими нападками на Россию во французской и английской прессе, написал стихотворение-отповедь «Клеветникам России», но для того, чтобы оно прозвучало за рубежом, нужен был хороший перевод. С этой задачей блестяще справился Голицын. Пушкин был в восторге от перевода: «Тысячу раз благодарю Вас, милый князь, за Ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода, из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа моих друзей, ни один не стоит Вашего пера... Вы обещаете и перевод в стихах моего «Бахчисарайского фонтана». Уверен, что он Вам удастся, как все, что выходит из-под Вашего пера, хотя тот род литературы, кото-

рому Вы предаетесь, — самый трудный и неблагодарный из всех, какие я знаю. По-моему, нет ничего труднее, как переводить русские стихи на французский, ибо, при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть столь же кратким. Честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как Вы...» Благодаря Голицыну поэт смог «...щелкнуть по носу всех этих крикунов из Палаты депутатов...» Александр Сергеевич написал это послание князю по-французски, и рассчитывал на встречу с Голицыным — «...еще не отчаялся скоро увидеть Вас в нашей столице, ибо знаю, как Вы легки на подъем». Дружеские отношения с Пушкиным поддерживались до самой его смерти. Николай Борисович перевел на французский язык пушкинский «Бахчисарайский фонтан», написал музыку на его слова «В крови горит огонь желанья...» Позднее Голицын, вспоминая о времени, когда на берегах Понта под сенью Аюдага (он жил в Артеке) пытался передать французскими стихами непередаваемые прелести поэмы Пушкина. К сожалению, неизвестно, когда произошло знакомство поэта и князя. По-видимому, это случилось во время его путешествия в Арзрум. Известно, что Николай Борисович в чине подполковника был дежурным офицером при наместниках на Кавказе — А.П. Ермолове и И.Ф. Паскевиче. Пушкин же самовольно побывал в 1829 году на Кавказе, оставив нам путевые очерки «Путешествие в

Арзрум во время похода 1829 года». Судьба потомка Рюриковичей-Голицыных могла заинтересовать поэта. А может быть, знакомство состоялось в столице: в 1832 году Николай Борисович вышел в отставку и в чине коллежского советника в течение трех лет служил в Министерстве финансов. Пушкин мог неоднократно встречаться с князем, ибо тот был «...легок на подъем...»

Перу Николая Борисовича принадлежит и ряд опубликованных исторических статей и мемуарных очерков. Наиболее интересны его «Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов». Они вышли отдельной книгой в 1838 году, а до этого публиковались в «Библиотеке для чтения». Князь проявлял большой интерес и к тогдашним политическим событиям, что отразилось в его публицистических статьях о Восточной войне 1853–1856 годов, участником которой он был непосредственно. Во время войны Голицын командовал Новооскольким ополчением (ныне Белгородская область). Горячий патриот России, всегда готовый защищать освященные устои самодержавия, Николай Борисович, тем не менее, прослыл «фрондером». Трезво оценивая многие российские болезни и язвы царствования Николая I: невежество чиновников, взяточничество, казнокрадство, он не мог не подвергнуть их критике в своих произведениях. В 1845 году

Голицын написал комедию «Губернаторская ревизия», в которой высмеивал самодурство провинциального тамбовского дворянства. Запрещенная в печати «за сатирическое изображение реально существующих лиц» комедия была напечатана в Вольной русской типографии в Лейпциге. В сороковых-пятидесятых годах появились статьи Голицына, в которых доказывалась необходимость отмены крепостного права и введения гласного судопроизводства. Его перу принадлежит и ряд работ по богословию. В 1858 году в Париже была издана его книга «О возможном соединении Российской церкви с Западною», которая кроме известности принесла автору опалу: Синод настоял на высылке Николая Борисовича в тамбовское имение. Голицын поселился в селе Новочеркутино Усманского уезда Тамбовской губернии. Вскоре его постигло горе — умерла жена Елена Александровна (тетка жены поэта Антона Дельвига, урожденная графиня Салтыкова). Тогда и решил Голицын навсегда поселиться в деревенской глуши. В Новочеркутино Николай Борисович построил концертный зал, где обучал крепостных хоровому и сольному пению, игре на музыкальных инструментах. Он дал серьезное музыкальное образование и своему сыну Юрию — известному музыканту, композитору, дирижеру, привил ему любовь к музыке и пению.

К сожалению, ни одного достоверного изображения Николая Борисовича не сохранилось. Есть свидетельство, что в 1824 году на выставке в Академии художеств экспонировался его портрет кисти известного тогда художника А.Г.Варнека, но нам он не известен. Современники отмечали, что художник прекрасно воплотил на холсте образ князя. В 1899 году на юбилейной выставке в Академии наук, посвященной 100-летию Пушкина, были представлены два портрета Николая Борисовича. Но и они бесследно исчезли и даже не были воспроизведены в альбоме, выпущенном в связи с этой выставкой. Правда, позднее были отысканы две литографированные миниатюры Николая Борисовича: первая находится в Париже, вторая хранится в фондах одного из Санкт-Петербургских музеев. На последней миниатюре Голицын изображен в возрасте тридцати пяти лет в мундире подполковника, когда он в 1825-1832 годах служил в Отдельном Кавказском корпусе. Ни имени художника, ни местонахождение оригинала миниатюры исследователи не знают.

Свое последнее пристанище друг Пушкина обрел в селе Богородское Новооскольского уезда Курской губернии, где и умер 20 октября 1866 года. Некрологи, посвященные памяти этого замечательного человека, опубликовали лишь некоторые издания — «Весть» (№ 90) и «Иллюстрированная газета». □

МИССИОНЕР И ЕГО ПЛЕМЯ

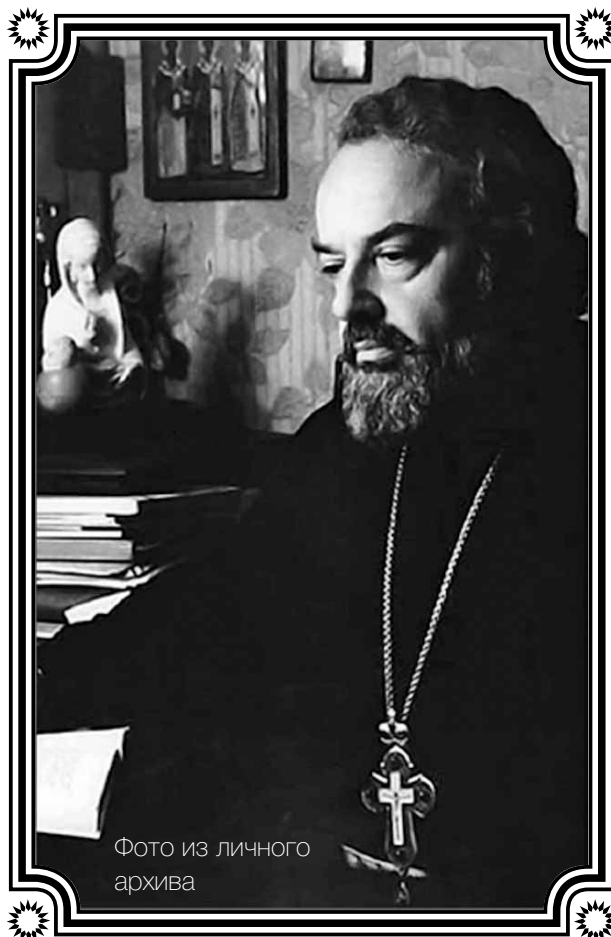
Мама моей подруги Марины плотно прикрыла дверь в кухню и грозно спросила:

— Это кто?

— Как, кто? Священник... — изумилась я ее вопросу.

— Как же! Костюмчик-то не в советском магазине куплен, да и галстук с рубашкой тоже. А университетский значок на лацкане пиджака?! Где это, интересно, раздобыли такого священника?

В одном Валентина Николаевна была права. Он выглядел умопомрачительно красивым, элегантным, светским человеком. Но в светских людях такого не случается, чтобы переступил порог квартиры — и все вокруг, точно по мановению волшебной палочки, поменялось, стало другим. Наверное, уже освященным его присутствием. И потом... Назвать глазами то, что сияло, искрилось и отражало небо, никак не получалось. Требовались какие-то нездешние возвышенные слова, чтобы описать то, что на тебя смотрело. От этого взгляда хотелось радоваться, ликовать, удивляться жизни, плакать от непонятности вдруг прорвавшихся эмоций и, главное, хотелось поскорее глянуть на се-

бя в зеркало и рассмотреть, кто же я такая, если достойна такого взгляда.

Я-таки втихаря взглянула, но тут же меня уволокла на кухню Валентина Николаевна. Я объяснила маме Марины, что «раздобыл» его наш приятель писатель-сатирик Лион Измайлов, давний и преданный его прихожанин.

— Как хоть зовут-то его? — поинтересовалась взволнованная Валентина Николаевна.

— Зовут? Александр Владимирович, то есть я хотела сказать: отец Александр Мень.

— Вот именно что «хотела сказать»! Не священник он никакой! Роскошный мужчина, вот он кто!

Я не стала больше спорить с мамой Марины, выскользнула из кухни и обнаружила отца Александра, Лиона и Марину расположившимися за празднично накрытым столом. Марина пояснила, что отец Александр велел пока не будить малышку: разбуженный ребенок всегда в плохом настроении, пусть проснется сама.

Мы пили чай, отец Александр разглядывал подаренные ему нами альбомы по изобразительному искусству, делился впечатлениями о разных художественных выставках, расспрашивал нас, что интересного происходит в театрах, и было ощущение, что мы знакомы двести лет.

К этому дню я уже многое знала о нем, о времени, в которое начиналось его священническое служение. Волна хрущевских гонений на верующих, обещание через 20 лет показать по телевизору последнего попа, прозвучавшее из уст главы партии и правительства, — это трудный контекст для проповеди Евангелия.

И Мень, двадцатипятилетний дьякон, служит в подмосковных храмах и тайком собирает молодежь — ту самую советскую молодежь — на просмотр слайдов о Христе по фильму Дзеффирелли.

И вариант за вариантом пишет «Сын Человеческий» — свой непре-

взойденный бестселлер, рассказавший об Иисусе из Назарета тем, кто раньше о Нем и не слышал, книгу, писать которую отец Александр начал еще школьником.

Мудрый и тонкий гуманитарий Сергей Аверинцев, вспоминая об отце Александре Мене, называл его миссионером для племени советских интеллигентов. И разъяснял: у миссионера есть только одна заповедь. Он должен любить то племя, к которому послан. А племя отцу Александру досталось трудное. Оторванная от библейского сознания и церковных корней, ученая и творческая советская интеллигенция не чувствовала себя как дома в том интеллектуальном и образном мире, в котором столь органично существовал посланный к ней миссионер Александр Мень. И чтобы говорить на одном языке, необходимо было взаимное доверие и понимание. Фундаментальная образованность отца Александра Меня, высокая культура и дисциплина мысли, способность говорить не на «птичьем языке» благочестивого предания, а на живом языке взыскательного и скептического современника — все это позволило ему разговаривать с племенем советских интеллигентов так, как почти только он один в те годы и умел. Как апостол Павел: «... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:20–22).

Итак, мы пили чай и разговаривали. Я спросила отца Александра, можно ли приехать к нему в храм в Новой Деревне, чтобы окрестить сына. Он поинтересовался, сколько ему лет.

Узнав, что двенадцать, заметил, что возраст непростой, и велел привезти его сначала побеседовать. Продиктовал мне все свои координаты и сказал, что будет ждать в любое воскресенье.

А потом подала голос малышка, и отец Александр спросил, где ему можно переодеться. Через несколько минут в комнате появился такой же непостижимо красивый человек, но уже в священническом облачении и... совсем другой. Он разложил все необходимое для таинства крещения на столе, я взяла малышку, завернутую в простынку, на руки, с ужасом думая о том, что сейчас голодная девочка начнет орать — и что тогда делать? Ника, действительно, напряглась, личико покраснело и сморщилось. Она открыла ротик, пискнула, но в этот момент отец Александр заговорил. Малышка закрыла рот, замолчала и уставилась на него круглыми синими глазенками. Он говорил долго, наверное, полчаса, и за все время проповеди трехмесячная малышка молчала и не сводила с него глаз.

Конечно, эта проповедь внималась и нами, но говорил он ей, и она слушала. Это было чудо...

В дверях комнаты я видела завороженное лицо Валентины Николаевны, уже окончательно и навсегда поработанной духовной красотой и мощью отца Александра.

На прощание батюшка повторил, что ждет нас с сыном в храме, и подарил мне свою книгу с бесценной для меня надписью «Кате — на память о ТОМ дне». Тот день живет в моей

душе уже двадцать с лишним лет, и столько же времени я постоянно о нем думаю.

Митрополит, под началом которого отец Александр служил в Подмосковье, вспоминал, что уже в конце 1980-х, когда открылись для церкви новые возможности и формы общественного служения, сказал отцу Александру:

«А вы бы выдвинулись в депутаты. Вас бы выбрали!»

А отец Александр в ответ: «Да что вы, владыка, какие депутаты! Впервые появилась возможность проповедовать в полный голос. Но времени мало. Надо спешить».

И он спешил. Многие из его близких отмечали, что в последние два года жизни он остро ощущал дефицит времени, не останавливался ни на мгновение: читал лекции, встречался с людьми, писал. Последнюю лекцию, завершавшую длинный цикл о том, как искало человечество ответ Неба на вопрошание Земли, отец Александр прочел вечером накануне гибели. Она называлась «Христианство».

Он говорил о тайне Воскресения, о пасхальной победе Христа над смертью: «В христианстве есть освящение мира, победа над злом, над тьмой, над грехом. Но это победа Бога. Она началась в ночь Воскресения, и она продолжается, пока стоит мир», — зафиксировали магнитофонные записи его последние прозвучавшие публично слова.

В то воскресное утро 9 сентября 1990 года он, всегда окруженный людьми в храме и дома, в Домах

культуры и лекториях, в школах и больницах, был один.

Следователи потом говорили, что, судя по реконструированной картине преступления, отец Александр и его убийца долго шли навстречу друг другу по лесной тропинке. Да уж, в каком-то смысле отец Александр всю жизнь шел навстречу своему убийце: когда так много писал и говорил о праведниках и пророках Ветхого Завета и о христианских мучениках Нового Завета, он, как оказалось, описывал и свою судьбу.

Жутко, невыносимо думать, что так и не найденный за все эти уже долгие годы убийца и по сию пору может ходить по земле. И вспоминается библейское: «Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником» (Мф 23:34–35).

Да, страшно подумать об участии убийцы отца Александра в вечности, если... Если не вспомнить о власти прощения — высшей власти на земле. Из материалов следствия мы узнаем о женщине, встретившей раненого отца Александра по дороге к электричке и предложившей ему помощь. «Кто вас так?» — спросила она. А отец Александр, отказавшись от помощи, ответил: «Никто. Я сам».

Криминалисты потом гадали, что мог бы означать такой странный ответ:

не значит ли, что отец Александр узнал своего убийцу, но не пожелал открывать его имени? Власть прощения. Как Сын Человеческий: «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят»...

Тогда я так и не добралась до храма в Новой Деревне, в котором двадцать лет служил отец Александр Мень. Символично, что этот крохотный деревянный храм был освящен в честь праздника Сретения Господня — праздника встречи двух Заветов, праздника «исполнения времен» священной истории, которую так чутко и задушевно, как никто, всю жизнь изучал и проповедовал протоиерей Александр Мень...

Во всех изданиях своей книги «Таинство, слово, образ», посвященной истории православного богослужения и христианских праздников, отец Александр приводил стихотворение Иосифа Бродского «Сретенье»:

*Он шел умирать. И не в уличный
гул*

*он, дверь отворивши руками,
шагнул,*

но в глухонемые владения смерти.

*Он шел по пространству,
лишенному тверди,
он слышал, что время утратило
звук.*

*И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропею
душа Симеона несла пред собою
как некий светильник, в ту черную
тьму,*

*в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.*

*Светильник светил, и тропа
расширялась. □*

Ольга Новикова

Каштановая весна

Как сильно цветут этой весной каштаны! Совсем недавно ничего не было и вдруг мощные свечи расцветили зелень в московских скверах. Как же непривычно видеть их здесь. Светло и немного грустно напоминают они любимый город и совсем другую весну:

*Снова цветут каштаны,
Слышится плеск Днепра.
Молодость наша —
Ты счастья пора!*

Н-да... Киев, цветущие каштаны и песни, под которые пролетела-промчалась юность.

Впрочем, никогда я не был романтиком, но и циником тоже не был. Скорее, прагматиком. Женился, потому что время пришло. Думал, будет, как у всех: дом, дети, жена с работы встречает вкусным ужином. Но не сложилось. Сын подрастал, но семьи не было. Чего-то нам не хватило до семейного счастья. Теперь-то я понимаю чего, но тогда...

Много днепровской воды утекло... Волею судеб, опять вернулся в Киев. Романтиком я так и не стал, но весна каждый раз заставляет нас ожидать чего-то нового и лучшего.

Утром я как всегда ехал привычным маршрутом в трамвае на работу и смотрел в окно на расцветающий в утренних лучах солнца Киев. «Смотрите! Каштаны зацвели!» — восхищенно воскликнула женщина, сидящая рядом. В ее возгласе было столько удивления, восторга и какой-то теплоты, что я невольно оглянулся — чего тут удивительного, они каждый год цветут. Но слова эти замерли на кончике языка. Глаза женщины так лучились солнечным светом и радостью, что я ответил: «Действительно зацвели! Красота!». Она с готовностью откликнулась: «Удивительно, правда?! Я так люблю, когда цветут каштаны!» Она так искренне радовалась появлению цветущих свечей на каштанах, как будто это действительно было чудом. Я видел ее и раньше, почти каждый день по утрам в этом трамвае, наверное, она тоже ехала на работу, как и большинство в это время. Она

была милой, вполне в моем вкусе, и я иногда незаметно разглядывал ее, но поводов заговорить как-то не было, да и особого желания тоже, тем более что на ее безымянном пальце поблескивало обручальное кольцо, а я с некоторых пор не очень стремился к новым знакомствам с представительницами прекрасного, но коварного пола.

То ли весна подействовала, то ли цветущие каштаны оказали свое чудодейственное влияние, но всю оставшуюся дорогу мы мило проболтали о каких-то пустяках, от которых у меня было светло и радостно на душе весь день.

На следующее утро я уже не пялился в окно, как обычно, а с нетерпением ждал, когда появится она, специально сев так, чтобы место у окна рядом со мной оставалось свободным. Войдя, она сразу поймала мой взгляд и улыбнулась, как старому знакомому. Я привстал, приглашая ее сесть рядом, и долгая ежедневная тряска в трамвае пролетела в этот день, как один миг. Но за этот миг я успел узнать, как ее зовут. У нее было удивительное имя (да-да, не смейтесь, как в «Иронии судьбы»), ее звали Надя, Наденька, Надюша. Весь день я про себя на разные лады повторял ее имя, которое вдруг стало для меня той самой Надеждой, что дает силы жить и радоваться, и верить.

Теперь мы каждый день ездили на работу вместе! Мне казалось, что она не меньше моего радовалась этим встречам. Я не расспрашивал ее об отношениях с мужем, а она не считала нужным меня в них посвящать. Сказала только, что замужем и что у нее два сына. Оказалось, она работает неподалеку от меня, и как-то я пригласил ее пообедать вместе. Надя не отказалась. Потом как-то мы прогулялись вместе после работы — у нее был свободный вечер. И дальше все закрутилась и понеслось уже вне зависимости от нашей воли...

Мне было с ней очень интересно. Но главное, во всех ее словах, взглядах, суждениях сквозила такая доброта! Причем, ко всему: к животным, людям, растениям, да ко всему миру.

До знакомства с Надюшей я был довольно сурово настроен к людям и ко всему происходящему вокруг. А после очередного предательства женщины, которая жила со мной последние годы и вдруг отвернулась, когда я чудом избежал смерти и еле выкарабкался после страшной аварии, я был скорее готов к новым ударам судьбы, чем к ее подаркам. Хотя то, через что мне пришлось пройти, заглянув в глаза смерти, все-таки сильно изменило меня и заставило более пристально, что ли, вглядываться в каждый день жизни и ценить его за то, что он просто есть.

А Надюша расцветивала теперь каждый из этих дней новыми красками. Я как будто прозрел, хотя после аварии зрение стало стремительно падать. Но теперь я видел то, на что не обращал внимания раньше.

Нас тянуло друг к другу. Я понимал, что она тоже нашла во мне что-то, чего ей не доставало в ее жизни. А еще понял, что на свете все-таки есть любовь. Это не выдумка, не сказка, это есть, но бывает не со всеми. А мне повезло! Я испытывал к этой женщине, внешне еще совсем молодой девушке, а внутри — наивному ребенку, столько нежности и тепла, что сомнений уже быть не могло — я влюбился. Мучительно подбирал слова, как сказать ей об этом, и где... А вырвалось само собой совершенно неожиданно, испугав меня. Она же просто сказала: «Я тоже...» Аж дух перехватило, но потом вдруг стало и легко, и просто, и радостно.

Теперь нам было мало наших поездок на трамвае и редких прогулок по городу. К себе я позвать ее не мог — в одной квартире со мной жила бывшая гражданская жена, отношения между нами давно прекратились, вернее перешли в стадию затяжной осады — жилищная проблема не обошла и меня. У Нади, понятное дело, — муж и дети. Но у нее оказались чудесные друзья, и теперь у нас были изредка по выходным вылазки за город на дачу или в деревню. Это были самые счастливые дни, а уж ночи! Надюша с такой страстью и нежностью отдавала себя и забирала меня всего без остатка, что я жил этими днями все то время, что не мог быть рядом с ней.

Это было мучительно и неразрешимо. Она сразу сказала, что о разводе не может быть и речи — сыновья входили в подростковый возраст, да и вообще... Я научился быть терпеливым и еще больше ценить каждую возможность видеться с ней. Я готов был на все ради этого. Мне казалось, что готов был ко всему...

А потом она перестала отвечать на звонки, на работу тоже не ездила, а ее друзья уходили от ответа... И однажды я узнал, что ее не стало.

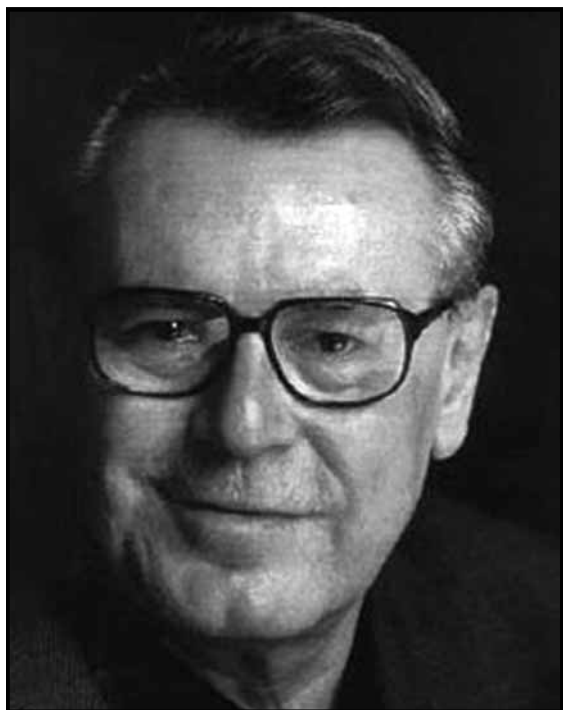
Как я пережил это, не знаю. Я понял, что она все знала давно и берегла меня от этого знания, не хотела жалости и желала наполнить свои последние дни любовью и радостью.

Я видел, как ее хоронили, но не мог подойти. Когда все ушли, стоял один и не мог понять и принять. Такой боли я не испытывал никогда.

А вскоре опять зацвели каштаны... С трудом, но я понял, что она оставила их мне, оставила этот город, эту память, эту радость и боль. Теперь я знал, что такое любить и верить... Она была самым добрым человеком, которого я знал, и я стал учиться у нее доброте. И еще Надюша подарила мне надежду, что с годами, преодолев боль и отчаяние, я вновь повстречаю любовь. Время не лечит, но каждую весну зацветают каштаны.

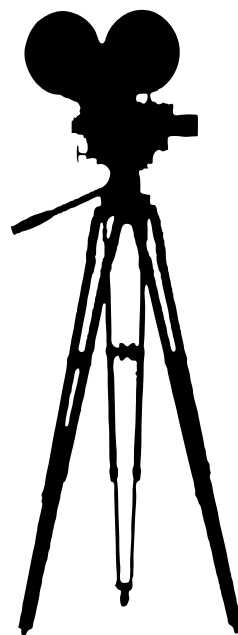
*Снова цветут каштаны,
Слышится плеск Днепра.
Молодость наша —
Ты счастья пора! □*

Георгий Кричевский

Милош Форман

Синдром
«Кукушки»

Случилось так, что самым известным фильмом выдающегося чехословацкого режиссера, снятым им в голливудской эмиграции по одноименному бестселлеру К. Кизи, стала культовая лента «Пролетая над гнездом кукушки». Она установила своеобразный мировой рекорд, собрав пять главных «Оскаров»: за лучший фильм, режиссуру, сценарий и две главные роли. И, вдобавок, — еще пять «Золотых глобусов». Феноменальным достижением стали самые почетные премии американской киноакадемии следующей картине Милоша Формана — байопику о Моцарте «Амадей»: за лучший фильм и режиссуру.

Возможно, не столь громкий, но всегда стабильный успех сопутствовал дальнейшим работам мастера, среди которых и «Человек на луне», и «Вальмон», и «Народ против Ларри Флинта», и, наконец, незабываемая киноверсия знаменитого бродвейского мюзикла «Волосы»...

О нем самом снимали фильмы и писали книги, феномен его многогранного творчества до сих пор волнует студентов киновузов и маститых специалистов. Он неоднороден. Фильмография этого режиссера четко распадается на два периода. Чехословацкий Форман — это бунтарство. Американский Форман — это сдержанность. Когда Милош Форман начал снимать кино в Голливуде, он не сразу отошел от своей чехословацкой манеры. Его первый американский фильм «Отрыв» (1971) еще очень эксцентричный. Дальше в картинах этого режиссера будут нарастать элементы жестко структурированного реализма на фоне закамуфлированной социальной сатиры и притчевых мотивов.

Связывает оба эти периода творчества Формана глобальная тема несвободы. А к ней уже органично примыкают темы отцов и детей, молодежного протеста в виде движения хиппи и более характерная для позднего Формана тема — художник и общество.

Милош Форман родился в феврале 1932-го года в маленьком чехословацком городке. В начале войны он стал сиротой — его родители (отец, еврейский профессор-педагог, и лютеранка мать) погибли в нацистских лагерях. Мальчика приютили соседи. В 43-м он очутился в интернате, где детям давали приличное образование. Там же вместе с ним учился будущий президент Чехии В. Гавел. Окончив после войны среднюю школу, работал одно время репортером на спортивном канале. Метался. Искал себя. И неожиданно написал пьесу, которой заинтересовался экспериментальный театр «Вольный фонарь».

Переломный момент судьбы наступил в 1958 году, когда Милош поступил на кинофакультет Пражской академии искусств. А до этого, живя в Мукачево, отправился в Москву и стал студентом ВГИКа. На родину вернулся в 1957 году, причем убежденным адептом хрущевской «оттепели». Его учеба в академии продвигалась вполне успешно, хотя пылкий, необузданный характер юноши давал себя знать. Из стен вуза Форман вышел сценаристом, однако пошел в ассистенты режиссера, мечтая о собственных постановках.

Они начались с двух скромных полудокументальных лент, которые позднее объединились под общим названием «Конкурс» (1963). Чтобы найти героев, Форман разместил объявление о наборе вокалистов в популярный пражский театр-кабаре. Разумеется, на провокационное прослушивание выстроилась очередь соискателей, мечтавших

о звездной карьере. Метод художественной провокации режиссер использовал и в будущем.

В документальной манере тогда работал также оператор картины Мiroслав Ондржичек, друг дебютанта по интернату и драматическому кружку. С ним Форман затем снял все главные свои фильмы на родине и в Голливуде. «Конкурс» же показал процесс отборочного тура самодеятельных певцов (а во второй части — танцоров) настолько выразительно, эмоционально, что произвел немало впечатление на публику и критику.

Надо заметить, что к началу шестидесятых в Чехословакии, как и в Советском Союзе, в остальных странах социалистического лагеря, заявило о себе поколение, не страдавшее от посттравматического синдрома из-за опыта недавнего прошлого отцов. Напротив, утверждалось в их среде позитивное восприятие прошлого, его переосмысление в духе гуманизма и свободы творчества. Самые талантливые представители этого поколения и составили костяк чехословацкой «новой волны».

Дальше у Формана была уже чисто игровая лирическая картина «Черный Петр». История молодого человека, воспринимающего жизнь иначе, чем его отец, и исповедующего другие моральные ценности, открыла молодому режиссеру дорогу в большое европейское кино. Первая премия на авторитетном МКФ в Локарно обозначила его место в первом ряду так называемой «Чешской волны» (И. Менцель, В. Хитилова, Э. Шорм).

*«Любовные
похождения
блондинки»*

В этом игровом дебюте режиссер продолжил снимать непрофессиональных актеров, что придало фильму ощущение документальности, обусловленной еще и явной актуальностью темы: студенческие волнения и мятежные настроения молодежи накануне «пражской весны».

«Я работал со всеми непрофессиональными актерами, никогда не показывая им сценарий, — говорил мастер. — У меня был текст, который я помнил слово в слово, и я начинал проигрывать перед ними сцену, объясняя, что ищу. Я уверялся в том, что они поняли сцену и характер отношений между их персонажами, и тогда мы просто шли на площадку и снимали».

Фильмом здесь движет не сюжет, им движет само дыхание жизни, ее подлинный ритм, поэтому, хотя в картине снимались профессиональные актеры, она все равно воспринималась местами не как игровая.

Щемящая история об «унизительном одиночестве» и жестоком в своей обыденности безразличии людей друг к другу «упакована» в фильме «Любовные похождения блондинки» во внешне непритязательную историю незамысловатых приключений простой фабричной девчонки. Этот фильм впервые столкнул Формана с цензурой, которая не пропустила в картине эротические сцены, сочтя их неприемлемыми для страны «развитого социализма».

Еще более безысходный взгляд на человеческую природу обнаруживается в следующей громкой работе Формана «Бал пожарных» (1967). Он создавал ее по контракту с компанией крупнейшего европейского продюсера Карло Понти. В этой едкой социальной притче зрителю были предъявлены убедительные свидетельства глобального неблагополучия в обществе.

К тому времени Милош уже был женат на симпатичной молодой ак-

«Рэгтайм»

трисе Яне Брейховой. Их брак продлился недолго — Форман отличался слишком большой любвеобильностью, и Яна устала терпеть его постоянные измены. Она развелась с ним, как только узнала о романе мужа с балериной Верой Кресадловой, которая снималась во второй части «Конкурса».

Сразу после развода Форман сделал Вере предложение. В браке у них родились близнецы Матей и Петр. Однако из-за ветреного характера режиссера его второй брак тоже оказался коротким, хотя сыновей Форман очень любил, и какое-то время, несмотря на ссоры с женой, они удерживали его в семье.

Актриса Мартина Зборилова стала третьей женой Милоша. В 1968 году, как раз, когда вооруженными силами стран Варшавского договора была разгромлена «пражская весна», Фор-

ман и его друг-оператор отправились во Францию, чтобы снять запланированный фильм. Там, однако, дело не заладилось, и режиссер понял, что работать на родине не сможет, а в Европе ему не развернуться...

Собираясь эмигрировать в США, Милош выбирал между бывшей и нынешней супругой, то есть ту, которая согласится уехать с ним за океан. Вера категорически отказалась покидать Чехию. Мартина согласилась, и в Лос-Анджелес он улетел с ней. У них впоследствии тоже родились близнецы. Но все же развод со второй женой дался Форману очень нелегко. Настолько, что перед отъездом он две недели провел в неврологической клинике...

На новом месте пришлось начинать с нуля. Прежние заслуги значення не имели. Голливуд предлагал

«Отрыв»

чешскому художнику сценарии, которые тот считал не заслуживающими внимания. Да и американские продюсеры не спешили вкладывать в него деньги. Так продолжалось долгие четыре года.

Впервые заокеанские воротилы кинобизнеса рискнули профинансировать проект Формана, получивший название «Отрыв» (или «Взлет»). На карту была поставлена судьба: в случае неудачи репутация режиссера была бы погублена. Гран-при Каннского фестиваля 1971 года расставил все точки над *i*, хотя зрители и критики приняли фильм неоднозначно.

Сюжет картины строится вокруг истории девочки-подростка, сбежавшей из дома и в результате этого заставившей родителей многое пересмотреть в себе. Как и в дебютном «Конкурсе», в центре повествования здесь некая отборочная комиссия, которой

очень хотят понравиться приглашенные конкурсанты. Героиня фильма — одна из них. Некоторые обозреватели сочли, что приезжий режиссер очернил американский образ жизни. Так или иначе, «Отрыв» утвердил положение быстро освоившегося на американской почве Формана и стал мостом к его дальнейшим триумфальным работам.

Кстати, он не перестал «очернять» в них неприглядные стороны действительности США, свидетельством чего явился уже абсолютно бесспорный его шедевр «Пролетая над гнездом кукушки» (1975). Эта удивительная смесь беспощадного реализма, социальной притчи и злой сатиры в форме авторской нуар-драмы, при этом близкой и понятной массовой аудитории.

По большому счету, и в новом отечестве Милош Форман остался не

просто европейским, но именно восточноевропейским кинорежиссером с особым, абсолютно личностным взглядом на окружающий мир, на культуру, историю и современность, вне привычных стереотипов американского кино. Легендарный фильм, прославивший его имя, наглядное тому свидетельство.

Начало 70-х годов — время «новой голливудской волны». Мейнстримом постепенно становятся темы и настроения, которым в эпоху написания одноименного романа К. Кизи (1962) не было места на эране. Различия между неоднократно переиздававшимся книжным бестселлером и его оscarоносной экранизацией очевидны. Но главное, что объединяет их, это хирургически точное исследование механизмов подавления личности с целью лишения ее творческого воображения, воли к сопротивлению несправедливости и присущего человеку стремления к свободе.

Неподражаемый Джек Николсон в роли афериста-бунтаря Макмерфи, взорвавший в фильме гнетущую атмосферу американской психбольницы, воплощает неукротимое стремление к свободе и расплывается за него в финале жизнью. Точно так же сам режиссер без промедлений согласился на неожиданное и весьма рискованное предложение звезды «Основного инстинкта» и по совместительству удачливого продюсера Майкла Дугласа снять «Кукушку», потому что после столкновения с тоталитарным режимом и вынужденной эмиграцией очень

хотел высказаться с экрана о неотъемлемом праве каждого на свободу.

Парадоксальный факт. Автор романа остался недоволен сценарием и поклялся никогда не смотреть снятый по своей книге фильм... Что же касается «рискованности» предложения продюсера, то, прежде чем обратиться к Форману, он посылал сценарий ряду самых именитых голливудских режиссеров, и все они отказались, убоявшись замкнутости картины почти целиком в стенах сумасшедшего дома. Поиски актера на главную мужскую роль продолжались более года. В отчаянии Дуглас уже сам приготовился сыграть Макмерфи, хотя это было явно не его амплуа. К счастью, кто-то посоветовал ему попробовать заинтересовать Николсона, у которого как раз возник перерыв в съемочном графике. В итоге тот и сорвал куш, получив за роль в фильме свой первый «Оскар», к тому же согласился вместе с другими исполнителями «входить в образ» непосредственно среди пациентов реальной психиатрической лечебницы в Орегоне, где в свободном крыле проходили съемки...

Картина явилась настоящим бенефисом актерской игры. Откровением стала работа Луизы Флетчер в роли старшей медсестры, этой вежливой мучительницы в накрахмаленном белом халате. Искренне полагая, что ее социальная терапия помогает больным, она с леденящей душу улыбкой на лице одновременно губит в них остатки всего человеческого.

Поразительна финальная сцена фильма, которую не хочется переска-

«Полет над гнездом кукушки»

зывать, чтобы не лишать потрясения тех, кто в первый раз будет смотреть «Пролетая над гнездом кукушки». Тележурналист Владимир Познер вспоминал, что, посмотрев впервые эту картину в Будапеште, он вышел из зала другим человеком.

Во многом артхаусный фильм Формана оказался одним из главных кинематографических событий 70-х годов. Причем, помимо обильного урожая высших призов и наград, он занял третье место по кассовым сборам в мире, приблизившись к таким тогдашним высокобюджетным лидерам развлекательного кино, как триллер «Челюсти» и мистическое фэнтези «Экзорсист».

Если бюджет «Кукушки» составлял не очень значительные даже для фильма тех лет 4,4 миллиона долларов, которые только в кинопрокате обернулись почти 400 миллионами, то бюджет

снятого десять лет спустя байопика о Моцарте «Амадей» тянул уже на полновесные 18 миллионов долларов. Яркая костюмная трагикомедия в дворцовых интерьерах и оперных залах Вены XVIII-го столетия того стоила.

В истории мирового кинематографа «Амадей» признан едва ли не самой значительной и уж, конечно, самой знаменитой картиной о музыке и композиторах. Она побила рекорд «Кукушки», завоевав восемь «Оскаров», опять-таки включая главные — за лучший фильм и лучшую режиссуру.

Еще с дебютного «Конкурса» музыкальная тема всегда волновала Формана. В «Амадее» ей суждено было выйти на совершенно новый, глобальный уровень.

Примечательно, что Форман всегда считался актерским режиссером, хоть и работал вначале с непрофессиональными исполнителями. В Америке

он начал снимать фильмы с участием звезд, которых его требовательность и безупречный вкус поднимали на пик карьеры. Три актерских премии «Оскар» формановским лентам и несколько номинаций, «Золотые глобусы» за главные и второстепенные роли в них, а также аналогичные призы самых престижных кинофестивалей — наглядное тому свидетельство.

Но при этом смысловые доминанты творчества Милоша Формана в чешский и голливудский периоды остаются неизменными. Его герой — бунтарь и чудака, чья история раскрывает проблемы общества, к которому он принадлежит, а личный бунт со временем превращается в экзистенциальный протест против гнетущей социальной системы. «Амадей» в данном плане не исключение.

Наполовину вымышленную историю персонального и творческого противостояния Моцарта и Сальери режиссер

превратил на экране в покоряющие образные размышления о натуре гения и природе его дара. Эксцентричный, вульгарный и даже несколько глуповатый формановский Моцарт в потрясающей сцене музыкальной дуэли между ним и Сальери убедительно демонстрирует нам, что творческий дар, всепобеждающий талант невозможно выпестовать примерным поведением, соблюдением определенных общественных нормативов, потому что он все эти нормативы опровергает, находя источник вдохновения лишь в богатствах собственной души, по-детски чистой и непосредственной.

Отношение к Моцарту в Чехии всегда было особенным. Непонятый при жизни в Вене, но обожаемый в Праге, столице Королевства Богемия, входившего в состав Австро-Венгерской империи, Моцарт превратился для чехов в символ непокорности. Для Формана же фильм о нем оказался не

Слева:

«Амадей»

«Вальмон»

только авторским высказыванием, но и долгожданной возможностью вернуться на родину. Впервые за годы эмиграции ему разрешили снимать в Чехии. «По сути дела, этот фильм стал моим обратным билетом в Прагу после 10 лет изгнания», — писал в своей автобиографической книге «Круговорот» Форман.

Примечательно, что Ф. Мюррей Абрахам, удостоенный за роль Сальери «Оскара» и «Золотого глобуса», воплотил образ итальянского композитора, созданным воображением английского драматурга П. Шеффера, с легкой руки Пушкина, который не имел ничего общего с настоящим Антонио Сальери. Тот в свое время был гораздо более известен, нежели Моцарт, искренне протезировал ему, оказывал материальную помощь и ни в коей мере не являлся посредственностью, пользуясь заслуженным авторитетом среди коллег, в том числе

и Моцарта. Бетховен и Шуберт, ученики Сальери, посвящали ему свои произведения...

Сочиненная завистниками сплетня об отравлении Моцарта Сальери не нашла подтверждения в ходе судебного разбирательства, инициированного в 1997 году Миланской консерваторией. История вынесла Сальери оправдательный приговор. Но в литературе и искусстве — одной из «Маленьких трагедий» Пушкина «Моцарт и Сальери» и основанной на ней одноименной опере Н. Римского-Корсакова — закрепился образ друга и покровителя гениального композитора как завистника и злодея. Таким он и вошел в фильм Формана, что отнюдь не убавило его художественной силы.

Между «Кукушкой» и «Амадеем» Форман экспериментировал с темами и стилем, выпустив два совершен-

*«Человек
на луне»*

но разных фильма — «Волосы» (1979) и «Рэгтайм» (1981).

Действие киноверсии культового бродвейского мюзикла разворачивается в конце 60-х, когда достигает апогея движение хиппи. В одну из их колоний попадает молодой провинциальный парень, втягивающийся в мирные протесты тех, кто называли себя «дети-цветы», против кровопролитной войны во Вьетнаме. Ее бессмысленность подчеркивает трагедия одного из членов общины, а также звучащие с экрана музыкальные композиции.

Только через 12 лет после премьеры первого рок-мюзикла Форман взялся за его экранизацию, поскольку долго не мог найти адекватную форму и «логическое оправдание» песням и танцам в обличительном, сугубо реалистичном фильме. Следом за Б. Фос-

сом с его легендарным «Кабаре» ему это блестяще удалось. А ведь многие полагали, будто время для киноверсии мюзикла «Волосы» безвозвратно ушло.

На фоне классической антивоенной «кинотрилогии» тех лет — «Возвращение домой», «Охотник на оленей» (обе — 1978) и «Апокалипсис сегодня» (1979) — «Волосы» объединяют сразу несколько тем, актуальных для конца шестидесятых: от свободной любви до студенческих волнений в контексте массовых протестов против войны во Вьетнаме. Причем в этом трагическом контексте органично воспринимается музыкальная составляющая фильма, поскольку разговор автора со зрителями о жизни и смерти снимает нарочитость с условности рок-мюзикла.

Всем надеждам отчаянно «бунтующих» режиссер подводит печальный итог. Однако в заключительной песне «Впусти в себя солнечный свет» звучит все же утверждение, что мир во всем мире когда-нибудь обязательно наступит.

В Америке кинематографическая общественность приняла очередную работу Формана прохладно. А вот Европа отдала ей дань, наградив итальянским аналогом «Оскара» — премией «Давид ди Донателло» за лучший иностранный фильм года.

Не повезло с официальным признанием в США еще одной крайне любопытной, экспериментальной картине режиссера — «Рэгтайм» (1981), снятой по одноименному роману Э. Доктороу и призывающей к расовой терпимости и взаимопониманию людей разного цвета кожи. Номинированный на восемь «Оскаров» фильм в итоге не получил ни одного. Возможно, причина в том, что он снят в псевдодокументальной манере, получившей в Голливуде название мокьюментари. Эта манера родилась как протест против все большей коммерциализации документального кино, которое начало допускать лживые постановочные сцены и явную дезинформацию. Мокьюментари имитирует реальность, фальсифицирует, а то и доводит до абсурда подлинные факты.

Реальные исторические лица и события перемешиваются здесь с вымышленными. Мы видим в фильме Гарри Гудини, Теодора Рузвельта, Джона Пирпонта Моргана и даже известную некогда фотомодель Эвелин

Несбит, жену страшно ревнивого нью-йоркского аристократа, застрелившего ее бывшего любовника...

В основе сюжета — история средневекового германского мстителя Ханса Кольхазе, причудливо трансформированная автором романа «Рэгтайм» (музыкальная форма предджазовых композиций) в трагикомические коллизии отстаивающего свое человеческое достоинство чернокожего джазмэна на почве сегрегации в Нью-Йорке начала XX века. По духу произведение Формана близко к таким киношедеврам, как «Коттон-клуб» Копполы и «Однажды в Америке» Серджио Леоне. Но, увы, оно не удостоилось их многочисленных призов.

После несколько затянувшегося перерыва мировая слава Милоша Формана требовала подкрепления новыми достижениями. И они явились в двух великолепных фильмах мастера — «Вальмон» (1989) и «Народ против Ларри Флинта» (1996).

Первый считается лучшей экранизацией бессмертного романа Шарля де Лакло «Опасные связи», с А. Бенинг, К. Фертом и М. Тилли в главных ролях. Подкупают также тщательно воссозданная атмосфера эпохи, не уступающие «Амадею» костюмы, богатство деталей и тщательно продуманные мизансцены. Как всегда в фильмах Формана, на высоте операторская работа М. Ондрижичека, делающая нас буквально соучастниками происходящего.

По странному стечению обстоятельств этот тонкий и умный фильм при выходе в прокат постигла не-

счастливая судьба, поскольку одновременно британский режиссер С. Фрирз снял свою версию «Опасных связей», типично английскую, тяжело-весную и достаточно прямолинейную, где Вальмон-Малкович с застывшим лицом стареющего сатира бездумно стремится навстречу расплате за свои грехи циничного соблазнителя.

И совсем другой Вальмон в картине Формана, которого режиссер делает центральной фигурой, при том, что в романе два главных героя — он и его холодная напарница по интриге маркиза де Мертей. Вальмон у Формана просто ищет настоящей любви, а найдя ее в лице маркизы, не знает, что делать дальше, ведет себя по-мальчишески, пугается и гибнет.

Минувшие десятилетия подтвердили, насколько хорош оказался недооцененный в свое время фильм Милоша Формана, который, в отличие от автора романа, проникательно сосредоточил внимание не на каре грешнику, а на неизменном доминировании женщин в мире мужчин, если дело касается противостояния «разума и чувства».

Настойчивый поиск правды, в каждом случае неоднозначной, отличает все творчество режиссера, объединяя, несмотря на разность эпох, тем и авторских стилей, «Вальмона» с совершенно непохожим на предыдущие работы мастера политическим экшеном «Народ против Ларри Флинта». Форман готовился к этой картине не один год и долго выбирал актеров на ведущие роли.

В фильме относительно точно прослеживается судьба предприимчиво-

го и неукротимого издателя глянцевого порножурнала «Хастлер», чей образ великолепно воплотил Вуди Харельсон. Его идеальными экранными партнерами стали Э. Нортон и К. Пав. Они олицетворяют аллегория подлинной ситуации в Соединенных Штатах 70-х–80-х годов прошлого века. Тогда повсеместная реклама секса, пропаганда наркотиков и аморального образа жизни поставили под сомнение правомерность безудержной свободы слова, которой так гордится американская демократия, но которая, в свою очередь, стала для молодого поколения своеобразным «наркотиком».

Картина выиграла «Золотого медведя» — главный приз в конкурсе третьего по значению в мире Берлинского кинофестиваля — и была удостоена премий «Золотой глобус» — лучшему режиссеру и за лучший сценарий (С. Александр, Л. Карезюски).

Пройдет еще три года, прежде чем Милош Форман, всегда избегавший самоповторов, вновь удивит мировую аудиторию абсолютно оригинальным фильмом «Человек на луне».

Фильм этот охватывает всю жизнь Энди Кауфмана, культового стендап-комика, шоумена и артиста ревю, который в 70-е и начале 80-х годов покорял Америку, смешивая на сцене пантомиму и монологи, стирая грань между эстрадным представлением и чистой провокацией, между реальностью и фантазией... Он не столько выступал перед публикой, сколько манипулировал ее реакциями, так, что

окружающие часто не могли понять, где настоящий Кауфман, а где он в сатирическом образе.

Справиться с подобной ролью в фильме смог неподражаемый Джим Керри. А название картины взято из песни популярной группы R.E.M., посвященной Кауфману. Двухчасовой, выверенный поминутно фильм прослеживает сложные перипетии жизни уникального артиста, которая сама выглядит злой шуткой. Когда его подкосила неизлечимая болезнь, ему не верили. Судьбу он пытался побороть до последнего. Эта нерасторжимая связь личности и сценического образа героя оставляет печальный осадок в душе. А то, что происходит на протяжении фильма в душе самого Кауфмана, превращает картину в выдающееся произведение киноискусства. Кауфман ушел из жизни мужественно и красиво, сказав напоследок людям важные и уж совсем несмешные слова, ушел со своей «фирменной» саркастической улыбкой на лице. И вот в этом заключен идейный пафос фильма, который завоевал на Берлинском бьенале 2000-го года «Серебряного медведя» за лучшую режиссуру и в том же году — премию «Золотой глобус» за лучшую мужскую роль.

Справедливость требует отметить достойных партнеров Керри по фильму: К. Лав, Д. де Вито и П. Джаматти. «Режиссерская» картина Милоша Формана вновь оказалась традиционно «актерской». А сам он снова подтвердил высочайший класс своего мастерства.

Дальше, увы, наступил творческий спад.

«Я часто спрашиваю себя: почему Судьба выбрала именно меня для того, чтобы испытывать на прочность, то нанося мне удары, то осыпая щедрыми дарами? Ответ не могу найти до сих пор», — писал под конец жизни Форман. В одном из интервью он открыл секрет своего успеха в американском кино. Как иностранец, человек совсем другой культуры, режиссер принял единственно верное в той ситуации решение — опереться на серьезную литературу.

В 2007 году на французском книжном рынке появился яркий роман «Призраки Гойи». Его авторы — оscarоносный кинорежиссер Милош Форман и известный сценарист Жан-Клод Карьер. Роман был написан ими на основе их совместного сценария одноименного фильма, вышедшего годом ранее и ставшего последней картиной выдающегося мастера.

Нарочито бесстрастный стиль повествования прекрасно передает атмосферу Испании XVIII-го столетия. Музу великого живописца, красавицу Инес, церковь обвиняет в ереси. Удастся ли художнику вырвать из лап еще не до конца утратившей свою зловещую власть инквизиции женщину, которая помогла ему завоевать расположение двора и любовь толпы? Стоит ли идти для спасения красавицы против сильных мира сего? И, наконец, имеет ли художник моральное право рисковать ради подобной цели своим бесценным даром? Эти живописные вопросы определяют идейное содержание фильма.

«Самое важное — это история, а не конкретная биография», — говорил Форман. Отталкиваясь от частного эпизода жизни Гойи, фильм превратился в масштабное полотно, которое вобрало в себя и трагедию национального гения, и трагедию Испании, и трагедию человека перед лицом вечности.

...В финале фильма Франсиско смотрит вслед удаляющейся по улочке повозке. Она навсегда увозит от него Инес и монаха-инквизитора Лоренцо. Гойя напоминает, что когда-то назвал Инес призраком, и вот теперь в последний раз перед ним встает ее призрачный образ, который неотступно преследовал художника на протяжении многих лет. Молча стоит он, неподвижный, посреди пустынной улочки и провожает взглядом повозку, еще не ведая, что в заключительной сцене картины будет идти с карандашом и блокнотом для набросков в руках следом за телегой, увозящей тело казненного Лоренцо...

Натали Портман, сыгравшая Инес, Стеллан Скарсгард в роли Гойи, испанец Хавьер Бардем, которому досталась здесь роль Лоренцо и которому впоследствии еще предстоит воплотить на экране образ своего гениального соотечественника, — все трое безусловно украсили картину. Их отточенную игру дополняет тонкая стилизация визуального ряда под живопись Гойи, а также прекрасные костюмы и грим.

Непредсказуемый сюжет с его неожиданными поворотами заставляет задуматься над тем, как часто тогда, да и в нашу эпоху, люди вершили черные дела, прикрываясь ханжеской моралью, как с именем Бога на устах сильные угнетали слабых, и как во все времена искусство призывало к милосердию и смягчению нравов.

И тем не менее этот, казалось бы, столь значительный фильм не получил должного отклика со стороны зрителей и критики, почти провалив-

Слева:
«Волосы»

«Народ
против
Ларри
Флинта»

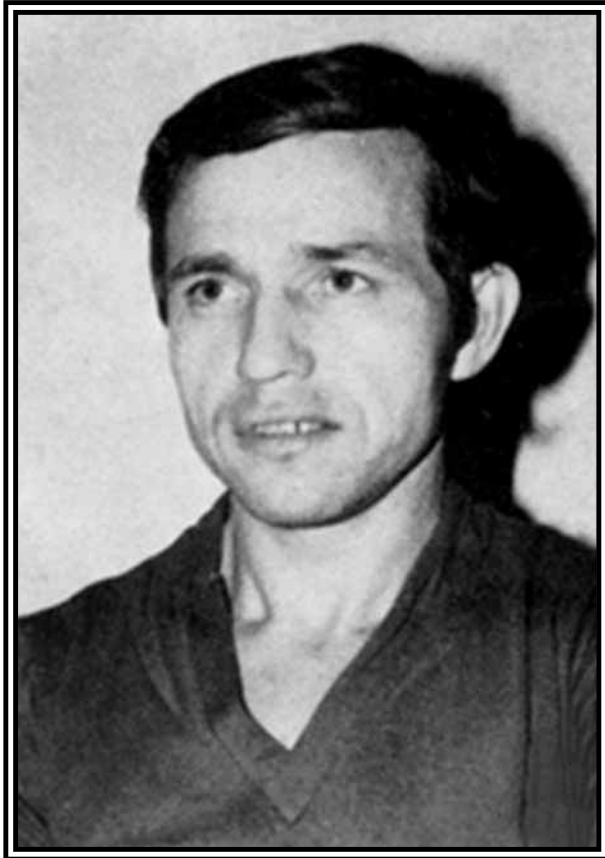
шись в прокате. Возможно, причина в том, что Гойя в картине фактически заслонен живописными перевоплощениями Инес на его картинах. Причем очень современный типаж красоты Н. Портман не слишком соответствует характеру портретов героинь актрисы, запечатленных великим живописцем. К тому же на зрительский неуспех фильма повлияли некоторая прямолинейность фабульных конструкций и исторические несоответствия, а кроме того — ходульность персонажей инквизиции, вообще выглядящей у Формана не очень правдоподобно.

«Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять, /И мы должны, как старожилы, пришельцам новым место дать...» Эти просветленно-мудрые строки Тютчева с полным правом могут быть отнесены к последним годам жизни Милоша Формана. Он еще пытался строить какие-то творческие планы,

в 2009 году на родине, в Чехии, выступил сорежиссером своего сына Петра в постановке мюзикла «Dobre Placena Procozka». В 2011 году сыграл мужа героини Катрин Денев в музыкальной мелодраме К. Оноре «Возлюбленный», закрывавшей конкурсную программу 64-го Каннского кинофестиваля.

Это было последнее появление мастера в титрах фильма. Умер он в 2018-м в возрасте 86 лет. И лучшей эпитафией ему могут служить его собственные слова из автобиографической книги «Круговорот»:

«Всю свою жизнь я стремился побеждать... Я никогда не мог примириться с поражением... Такие моменты в моей жизни были, и они проходят... Черт возьми, почему именно я? За что на меня свалилось столько удачи? Это чувство не покидало меня много лет... чувство, что я недостойн всей этой невероятной судьбы, всех этих поражений и побед, которые были в моей жизни...» □

Галимзян Хусаинов

Фото из архива ФК «Спартак» -Москва»

Маленький гигант футбола

Сложно сказать, какие звезды сошлись 27 июня 1937 года, когда в небольшой деревне Новое Иглайкино Татарской АССР миру явился мальчик. Но можно утверждать, что они были очень равнодушны к спорту, и особенно к футболу. Подтверждение тому — через пару десятков лет этот мальчик стал гордостью отечественного футбола. А если точнее — легендой спартаковского и отечественного футбола Галимзяном Хусаиновым.

Семья, в которой было четверо сыновей, вскоре переехала в город Куйбышев (ныне Самара), где Галимзян и пошел в школу. Жили в коммунальной квартире, причем жили труд-

но, особенно после того, как умер глава семейства. Недалеко от их дома был стадион (видимо, опять звезды помогли), и Галимзян с детских лет играл в футбол, сначала на улице, а чуть попозже уже в секции при стадионе. Одновременно успешно занимался плаванием — в 14-летнем возрасте был одним из лучших пловцов области и не боялся переплывать Волгу, с ее-то шириной и течением. В 1953 году поступил в Куйбышевский гидротехнический техникум. И здесь поднялся на серьезный уровень — его пригласили в футбольную команду «Труд» (Куйбышев), которая участвовала в чемпионате РСФСР.

Но ему этого было мало, и зимой он, также в составе команды «Труд», успешно играл в... хоккей с мячом. В 1955 году Галимзян стал чемпионом Советского Союза среди юношей по хоккею с мячом, а в 1958-м помог уже сборной команде Куйбышева по хоккею пробиться в класс «А». Казалось бы, главные успехи в хоккее, но его пригласили в юношескую футбольную команду «Динамо» (Куйбышев), а в 1957 году, окончив техникум, он оказался уже в главной команде области «Крылья Советов». Но путь в большой футбол начинался не очень гладко, тренер А.К. Абрамов подумывал об отчислении его из команды. И тут помог случай (хотя случайностей в истории не бывает). Неожиданно заболел один из игроков, и Хусаинова выпустили на поле в матче с «Торпедо» (Москва). В лихорадочной спешке ему выдали бутсы 41-го (вместо 38-го) размера. Он никому ничего не сказал, и в этих «почти лыжах», при его росте в 164 см, сыграл так, что вопрос об его исключении просто испарился. Более того, в 1960-м году он стал капитаном команды и был приглашен в сборную СССР.

В 1961 году, в связи с вылетом «Крылышек» из класса «А», ему поступили предложения от нескольких ведущих клубов страны: ЦСКА, «Динамо» и «Спартак». Он выбрал «Спартак», тем паче, что приглашал его лично Николай Петрович Старостин, а инициатором появления Галимзяна в «Спартаке» был Никита Павлович Симонян, о чем он с гордостью вспоминает: «В 1960 году я вернулся в род-

ной "Спартак" в качестве старшего тренера. Одним из первых моих шагов стало приглашение в команду Хусаинова. Его игру я не раз видел в "Крылышках" и сразу понял: такого бойца нам не хватает...»

Очень быстро самый «мелкий» футболист стал незаменимым в команде, которая в 1961 году завоевала бронзовые медали (в 1960-м без Хусаинова заняла седьмое место).

Поначалу он увлекался индивидуальной игрой, стремясь обыграть нескольких игроков и забить гол. Но при капитане Игоре Нетто особо не забалуешь, он умело ставил его на место, однако после каждого забитого сольного гола помалкивал. Правда, Гиля, как ласково стали называть его в команде, отлично вписывался в модель спартаковского футбола, успешно играя в пас. На поле он мотался как челночок: успевал помогать в обороне, завязывать и завершать атаку зачастую не сильными (с его-то габаритами), но точными ударами. В первый свой сезон он стал лучшим бомбардиром «Спартак», забив 14 мячей.

Николай Петрович Старостин в книге «Звезды большого футбола» так написал о нем: *«Галимзян — из славного племени маленьких гигантов футбола. Рельефный верх и крепкие ноги свидетельствовали о больших запасах силы и здоровья... В игре Галимзян был неутомим. Когда-то в "Крыльях Советов" он играл правого инсайда и привык все 90 минут беспрерывно гоняться за мячом от своих до чужих ворот и обратно. Он проделывал в сборной и в "Спартаке" тот*

же колоссальный путь, часто даже вопреки советам тренеров и собственным интересам. Но трудолюбие, как известно, дело беспроегрышное. На любом поле, при всякой погоде, в самых трудных игровых ситуациях Галимзян являл пример стойкости, бодрости, воли к победе. Эти чудесные качества делали его любимцем тренеров, да и не их одних. Даже противники, которых он столь часто ставил в трудное положение, не позволяли себе в игре против него запрещенных приемов. Покоренные вежливостью Галимзяна, они невольно отвечали ему тем же».

Никита Павлович Симонян солидарен со старшим Старостиним: «Если бы в распоряжении тренера все футболисты были как Галимзян Хусаинов, то он горя не знал бы. Это выдающийся игрок, который проявлял колоссальную неумную работоспособность и в игре, и на тренировках. К тому же — душа-человек. Не случайно ребята выбирали капитаном именно его. А в команде случалось всякое. Естественно, не обходилось и без травм, лишавших игроков возможности участвовать в матче. И Хусаинов, заменяя их, чувствовал себя на любой позиции как рыба в воде. Помню, перед какой-то важной встречей я в очередной раз обратился к нему, левому крайнему нападения, с просьбой: «Гиля, сегодня надо сыграть правого защитника». «Палыч, когда надо — русские танки летают», — улыбнулся наш капитан, и, как ни в чем не бывало, пошел готовиться к матчу».

Свои лучшие качества Галимзян Хусаинов особенно проявлял в решающих матчах. Примеров тому множество. Один из них — гол в финале Кубка СССР в 1963 году. Не так часто футболисты подачей с углового забивают гол. Очень редко, но бывает. Галимзян Хусаинов умудрился это сделать в финальном матче на Кубок СССР. 10 августа 1963 года в игре с донецким «Шахтером» на Большой спортивной арене имени Владимира Ильича Ленина (нынче она называется «Большая спортивная арена олимпийского комплекса «Лужники») в присутствии 104 тысяч болельщиков на десятой минуте забил мяч с углового. На 62-минуте Юрий Фалин забил второй гол, и «Спартак» выиграл (2:1).

Он быстро стал любимцем болельщиков, с каждым сезоном все более радуя их и удивляя. И вошел в историю анекдотом — высшей признательностью болельщиков: «Пьяный приходит в Большой театр на балет "Спартак" и спрашивает: "А Хусаинов играет?"»

В 1967 году, после завершения футбольной карьеры Игоря Нетто, Хусаинов стал капитаном команды и таким оставался до 1972 года.

В отличие от многих «звездных» футболистов Галимзян был очень требователен и строг по отношению к себе и своим успехам. Он говорил: «Я никогда не добился бы таких результатов, если бы на поле со мной не было Нетто, Ильина, Масленкина. Тренер во время игры не выбежит на газон, не укажет точное место, где ты должен находиться в данный момент. А старшие партнеры подскажут».

Так же успешен он был и в сборной СССР, в составе которой впервые вышел на товарищеский матч со сборной ГДР (Германской Демократической Республики) в Дрездене 17 августа 1960 года в присутствии 70 000 болельщиков, еще будучи игроком «Крыльев Советов».

Валентин Борисович Бубукин, советский футболист и тренер, игрок сборной СССР (1959–1961), чемпион Европы 1960 года, в еженедельнике «Футбол» (№ 13, 1960) так прокомментировал первое выступление Галимзяна Хусаинова в сборной: *«На моем месте под №10 впервые выступает Галимзян Хусаинов... Многих специалистов, игроков, любителей футбола смущали физические данные Хусаинова (невысокий рост). Однако в этой игре он показал хорошую физическую подготовку. Это выразилось в быстроте передвижений, выносливости, неплохой прыгучести. Его техническое оснащение не вызывает сомнений. Хусаинов владеет большим арсеналом разнообразных приемов и выполняет их непринужденно. Правильное тактическое мышление позволяет ему большей частью целесообразно разрешать тактические задачи, возникающие на поле. Хусаинов вполне выдержал экзамен, хотя и не всегда проявлял должную инициативу... На мой взгляд, лучше других сыграли Яшин, Нетто, Хусаинов и Иванов».*

В составе сборной СССР он выступал с 1960 по 1966 год и в 1969 году. Сыграл 33 матча, радуя болельщиков в самых ответственных матчах, как это было в финале чемпионата Европы

21 июня 1964 года со сборной Испании на переполненном мадридском стадионе «Сантьяго Бернабеу» (79 115 зрителей). В этом матче на восьмой минуте Хусаинов забил свой первый гол за сборную. Игра закончилась со счетом 1:2, и сборная СССР получила серебряные медали.

Казалось бы, настоящий успех (для нынешней сборной России — несбы вающаяся многие десятилетия мечта), но уже 31 июля появился интересный документ.

Скорее всего, вряд ли бы он появился, если бы не еще одно, более значимое, событие в спорте и политике.

В этом же 1964 году в Токио с 10 по 27 октября проходили XVII Олимпийские игры. К сожалению, для сборной СССР по футболу они закончились еще 28 июня проигрышем сборной ГДР (1:4). До этого в двух матчах этих команд (31 мая и 7 июня) счет был равный (1:1). Видимо, поэтому начальство не только разгневалось, но и послало сигнал членам олимпийской сборной СССР по другим видам спорта — спрос будет и с вас. Однако ошиблись и в этом. Сборная СССР заняла второе место с 30 золотыми медалями, У США было 36 золотых медалей.

У каждого времени и у каждой власти свои оценки и нравы.

Константина Бескова, старшего тренера сборной, отправили тренировать ворошиловградскую «Зарю», которую он за год перетащил с 21-го на 3-е место в Первой лиге, подготовив ее к выходу в Высшую лигу, куда она и перебралась уже без него, он же ушел вытягивать «Локомотив». А

спартаковцы Алексей Корнев и Галимзян Хусаинов с серебряными медалями вернулись под знамена родного «Спартака».

И далее в составе «Спартака» Хусаинов успешно выступал до 1973 года. За это время стал двукратным чемпионом СССР, с повязкой капитана команды (1962, 1969), дважды завоевывал серебряные (1963, 1968) и дважды бронзовые медали (1961, 1970). Трижды (1963, 1965, 1971) спартаковцы с его помощью выигрывали главный Кубок страны. В Еврокубках сыграл в 13 матчах и отметился 5 забитыми мячами. Всего в составе сборной сыграл в 33 матчах. Помимо серебряных медалей чемпионата Европы (1964) был полуфиналистом чемпионата мира 1966 года в Англии, когда сборная СССР уступила со счетом 1:2 сборной Португалии. В списке членов клуба Григория Федотова занимает 19-ю позицию со 145 забитыми мячами и восемь раз включался в список 33 лучших футболистов сезона в СССР.

Всего в чемпионатах СССР сыграл 410 матчей и забил 115 мячей. Виктор Папаев, чемпион СССР (1969) и обладатель Кубка СССР (1971 год) так вспоминал о своем капитане: «Не могу вспомнить, чтобы Гиля поучал нас, молодых, — он являлся лидером одним своим присутствием. Не кричал, не заставлял, а излучал заряженность на работу. Он просто подавал пример преданности делу, и рядом с ним было стыдно играть по-другому». Его дополняет Геннадий Логофет: «Мы, молодежь из резерва, смотрели на него широко открытыми глазами: маленько-

го роста новичок, представившийся Гиляй, носился как угорелый, одинаково здорово бил с обеих ног и сразу попал в основу. Нередко случалось так, что мы в ходе матча сначала уступали сопернику 0:1, а потом сравнивали счет и забивали победный гол. Так вот в таких играх Гиля, как правило, и отличался. Как, например, в 1965-м, в повторной финальной встрече с Минском, в котором он ответный мяч послал в ворота Альберта Денисенко в основное время, а второй — в падении головой с подачи Юры Севидова — в дополнительное. Гиля до мозга костей оставался практиком, стараясь отлично выполнять свою работу. И ему это, как правило, удавалось. Потому-то тренеры неизменно включали Гилю в основу, игроки выбирали капитаном, а болельщики боготворили, не представляя без него свою любимую команду».

А вот какую характеристику давал ему Анзор Кавазашвили: «Пока я защищал ворота московского «Торпедо», Хусаинов доставлял мне столько хлопот — врагу не пожелаешь. Он появлялся в том самом месте, где его никто не ждал, — словно из-под земли вырастал. Вроде бы левый крайний, а, кажется, постоянно перед носом у меня торчал, готовый добить мяч, отскочивший от моих рук. А вообще-то там, где мяч, где особенно горячо, там и Хусаинов был. Он успевал везде: и помогать обороне, и завязывать атаку из глубины, и завершать ее из штрафной площади соперника. А познакомились мы с Хусаиновым в сборной СССР, где он тоже был заметной фигурой — даже гол забил в финале Кубка Европы в ворота испанцев на глазах у гене-

рала Франко. И еще мне особенно врезалась в память наша игра в Монтевидео в преддверии чемпионата мира в Англии. Мы победили — 3:0, и два гола были на счету Хусаинова. На следующий день репортаж о матче вышел под заголовком: "Этот маленький советский бриллиант погубил весь Уругвай!"»

Советский «бриллиант» закончил карьеру футболиста в «Спартаке» и перешел на тренерскую работу. В 1976 году Галимзян Хусаинов окончил заочное отделение Государственного центрального ордена Ленина института физкультуры (ГЦОЛИФК), получив диплом преподавателя физической культуры и спорта, в ноябре 1979 года — Высшую школу тренеров при ГЦОЛИФКе.

Помимо футбола, хоккея и плавания он прилично играл в шахматы и на сборах постоянно сражался с Игорем Нетто, собирал коллекцию музыкальных записей, при случае мог спеть на английском языке. Одним словом, талантливый баловень судьбы. Но, видимо, ему покровительствовали не только те звезды, что сошлись в день его рождения. В 1963 году в семье Хусаиновых-младших случилось страшное — погибла полуторогодовалая дочь Марина, и больше у них детей не было. В 1994 году у Галимзяна установили диагноз — атрофия головного мозга. Возможно, сказались те самые многочленные «бодания», травмы, ушибы, столкновения...

Но Галимзяну Салиховичу Хусаинову повезло с женой, поскольку Любовь Леонидовна по 12 часов не вы-

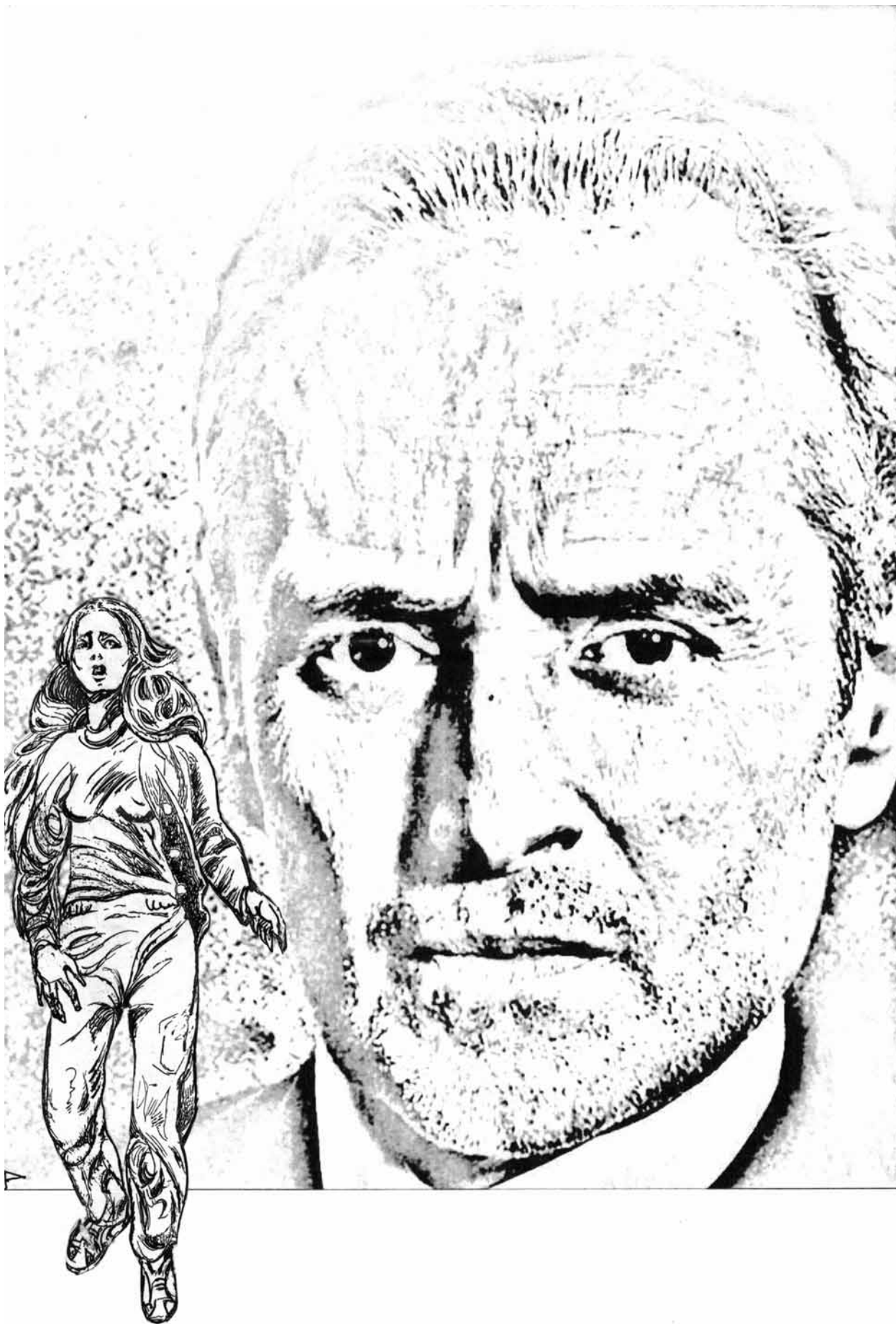
ходила из его палаты, вытаскивала его практически с того света и, можно сказать, подарила ему еще 15 лет жизни. Тяжкая болезнь пришла в семью в самые тяжелые 90-е годы, и Любовь Леонидовна вынуждена была продать через комиссионный магазин свои драгоценности, и не только драгоценности... но и один из призов мужа, отклеив от вазы «Лучшему нападающему». Они прожили вместе более полувека, таких жен называют ангелами-хранителями.

Узнав о болезни Галимзяна Салиховича, болельщики стали помогать. Бывший футболист и тренер «Спартака» А.А. Коршунов организовал фонд поддержки Хусаинова. В 1997 году друзья устроили в честь 60-летия Галимзяна Салиховича большой футбольный праздник. Президент клуба О.И. Романцев вручил ему пожизненный сертификат на ежемесячное пособие от клуба в размере 200 \$ (в те времена большие деньги).

Несмотря на состояние здоровья и инвалидность, Хусаинов не мог жить вне футбола, постоянно бывал на детских и ветеранских турнирах, вручал призы и дипломы победителям.

В 2007 году Российский футбольный союз наградил его премией в номинации «Легенды отечественного футбола». А еще он был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Галимзян Салихович Хусаинов скончался на 73-м году жизни, в ночь на 5 февраля 2010 года. Похоронен на Даниловском кладбище. □

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

20

Людмила проснулась от легкого движения воздуха у лица. Позже, когда она окончательно пришла в себя и оценила обстановку, ей стало ясно, что движение произвела закрывшаяся дверь: кто-то приходил в комнату проверить, не очнулась ли она. Но в первые несколько минут ей было не до логических упражнений. Попробуйте очнуться от наркотического сна в совершенно незнакомом помещении — сами убедитесь, насколько малоэффективны в эти минуты извилины коры больших полушарий.

Первая мысль Людмилы, с точки зрения здравого рассудка, не выдерживала никакой критики: девушка решила: что умерла, и душа ее вселилась в чужое тело. Руки и ноги с непривычки отказывались повиноваться, пальцы утратили чувствительность, уши — способность слышать, глаза... Глаза воспринимали какую-то картинку, но она как будто не имела смысла: какие-то темные квадраты и прямоугольники в тусклом красноватом свете.

Через какое-то время мозги наконец-то заработали, выводя ее из оцепенения. Сначала вернулся слух — Людмила услышала приглушенные голоса, доносившиеся из-за стены. Слов было не разобрать, но, судя по тону, кто-то кого-то отчитывал. Потом темные прямоугольники и квадраты обрели объем, и Людмила узнала в них предметы обстановки — пустой сервант, тумбочку с телевизором, бурый палас на полу, кожаное кресло. Источником света служил маленький ночник с красным абажуром, стоявший на столике где-то у нее в ногах. Потом пальцы ощутили гладкую про-

Окончание. Начало в №12, 2022.

хладу кожи, плечи — тяжесть одеяла, щека — шелк и вышитый узор декоративной подушки. Людмила поняла, что лежит в позе эмбриона под одеялом на кожаном диване.

Память накатила внезапно, как пригоршня холодной воды, выплеснутой в лицо. Железные объятия лощеного дядьки, одетого, точно денди. Удостоверение майора МВД. Заблокированная дверца машины. Борьба. Укол в шею. Провал. И теперь — эта незнакомая комната, полностью обставленная, но явно нежилая. Ее похитили!

Людмилу тошнило, у нее кружилась голова, но она заставила себя сесть. Адреналин, выброшенный в кровь при мысли о похищении, подавил сигналы организма о плохом самочувствии, мозг заработал на полную катушку.

Лощеный дядька, разумеется, никакой не милиционер, это стало понятно сразу. С другой стороны, на насильника, грабителя и вообще уголовника он тоже не похож. Так кто же он, этот сукин сын?! Зачем похитил ее, Людмилу?

С какой целью похищают людей? Ради выкупа, ради информации, ради продажи в подпольный бордель или в подпольную же клинику на донорские органы... Бр-р! Людмилу передернуло. Нет, аналитический подход к добру не приведет, она только запугает себя до полусмерти и утратит способность соображать. Необходимо разжиться конкретной информацией. Она прислушалась. Голоса за стеной по-прежнему звучали невнятно и, мало того, звучали теперь с большими паузами. Если она попытается выскользнуть за дверь и подслушать, любой звук может ее выдать. На попытку бежать у нее пока еще не хватает сил, а если поднять шум в надежде привлечь внимание соседей, похититель, конечно, доберется до нее быстрее и снова вколет наркотик...

Людмила огляделась и зацепилась взглядом за столик, на котором стоял ночник. На лакированной поверхности темными островками выделялась россыпь непонятных предметов. Присмотревшись, она сообразила, что предметы эти — не что иное, как содержимое ее сумочки. Носовой платок, пудреница, тушь, помада, тени для век... Расшитое бисером портмоне, плеер... Плеер? Да нет же! Это ее новая игрушка, которую она выклянчила напрокат у знакомого кладовщика из магазина «Системы безопасности». И где-то там, среди бисеринок портмоне, должна быть крошечная булавка с черной головкой — маленький симпатичный «жучок».

Мысли Людмилы понеслись вперед с бешеной скоростью. Движение воздуха, разбудившее ее... Кто-то приходил проверять, спит ли она... Значит, они знают, что действие наркотика вот-вот закончится... Скоро придут опять... «Благослови тебя боже, бабушка! — благодаря твоей йоге я умею замедлять пульс и дыхание... Проверяющий убедится, что я сплю крепким

глубоким сном, а когда повернется, чтобы уйти, я прицеплю к нему «жучка»... Подслушаю их разговор, узнаю, где я, и что им от меня нужно... И главное — что они собираются со мной делать... Если что-нибудь ужасное, попытаюсь удрать... Мой «сон» позволит выиграть время, набраться сил. Если они, конечно, не потеряют терпение и не решат меня разбудить...»

Людмила осторожно переместилась на несколько сантиметров в направлении столика. Слава богу, ни диван, ни пол под ногами не скрипнули. Она осмелела и подвинулась сразу на полметра. Теперь подлокотник дивана и столик за ним были совсем близко. Еще одно движение — и портмоне у нее в руках. Так, заветная «булавочка» воткнута где-то в нижнем углу. Ага, вот она, родимая! Теперь кладем портмоне на место — аккуратно, чтобы им не пришло в голову, будто его трогали. Хорошо. «Булавочку» зажмем в правой руке и немного свесим руку с дивана. Левую — на грудь поверх одеяла: если придут щупать пульс, возьмут ее. Теперь устроились поудобнее и начали упражнение на расслабление. Пальцы ног, стопы, икры, колени, бедра, живот, грудь, кисти рук, плечи, шея, лицо, макушка, затылок... Все мышцы по очереди расслабляются, наливаются тяжестью и теплом...

Когда скрипнула дверь, сердце предательски трепыхнулось, но многолетняя практика не пропала даром — Людмила в считанные секунды выровняла дыхание, замедлила кровообращение. Звук шагов, чужое дыхание на щеке, прикосновение холодных пальцев к ее запястью с трудом пробились к мозгу через дремотный туман. Она едва не упустила момент, когда некто собрался уйти, и только в последнюю секунду успела посадить своего «жучка» у самого края темной штанины.

Дверь закрылась, шаги отдалились и затихли. Людмила бесшумно перевернулась на диване головой к другому подлокотнику, пошарила рукой по столику, нашла «плеер» и нацепила наушники.

— ...Ты уверен? Я совсем немного вколол, должна уже очухаться.

— Ясное дело, уверен! Дыхание спокойное, рука сухая, теплая, пульс медленный. Если бы притворялась, сердце как у пойманного зайца скакало бы, и ладони бы взмокли.

— Но я...

— Слушай, заткнись, а? Вполне возможно, что действие твоей «дури» закончилось, и она заснула нормальным сном. Тем лучше. Все равно пришлось бы ждать, пока она как следует оклемается. Или тебе одного трупа мало?

— Ты что, считаешь, что ее придется отпустить? Я своими ушами слышал старухины слова о безумных деньгах! Которые от них уплывают. А раз она знает о деньгах, нельзя оставлять ее в живых.

— Нет, ну какой же ты придурок, Гарик! Я тебе уже полчаса талдычу: ничего она не знает! Ее мамаша за последние десять лет словом с ней не перемолвилась. И с бабкой ее полоумной — тоже.

— Да откуда такая уверенность?

— Я, в отличие от тебя, профессионал. Сбор информации — мой хлеб. Если уж на то пошло, Морозова и сама о деньгах ничего не знала. Единственное, что она могла сказать своим близким, — это кто убил Козловского.

— А о чем же тогда говорили бабка с девицей?

— Понятия не имею! Может, у бабки от старости фантазии завелись. Может, она считает безумными деньгами зарплату, которую получала Морозова. Какой смысл гадать? Раз уж ты притащил сюда девицу, у нее и спросим. Я сам с ней сначала поговорю, без наркоты. Если увижу, что запирается, тогда и вколем сыворотку. Хотя с чего бы ей запирается, если она ничего знать не может? Господи, какой же ты козел, Гарик! Ты в состоянии вообразить, что будет, если она не купится на всю эту лажу с подпиской о неразглашении и побежит к ментам? Думаешь, Терехов всегда будет прикрывать наши задницы? Как бы не так! После того как менты нас раскрыли — по твоей милости, кстати, — он так дрожит за собственную, что ему никакие миллионы не в радость. Тем более призрачные. В общем, молись, чтобы мы нашли эти баксы в ближайшие сорок восемь часов и успели слинять за кордон, пока нас во всероссийский розыск не объявили...

— Какого... ты все время на меня наезжаешь?! Нас раскрыли не по моей милости, а потому, что твоя безмозглая девка тупо вешала «жучки» на одного и того же мента, одним и тем же идиотским способом!

— Молчи уж! Прежде, чем менты засекли мою девку, этот гаденыш Халецкий уже вычислил, кто мы такие, и чего нам надо. А все потому, что ты, придурок, вел себя на Петровке как распоследний лопух! Я всегда подозревал, что ваша военная разведка — скопище слабоумных солдафонов.

— Так что же ты сам не пошел на Петровку?! Уж твою-то поганую гэбистскую душонку они сразу бы признали. Они вашего брата за версту чувят, как легавые — волка. Никому бы и в голову не пришло усомниться, что ты не тот, за кого себя выдаешь.

— Я не мог. Мы с Кузьминым, с начальничком их, пересекались по одному делу в восемьдесят девятом году. У него профессиональная память на лица, к нему под псевдонимом не сунешься. А если бы я попросил у Терехова документ на мое настоящее имя, тот бы послал меня куда подальше. И был бы прав. Я ведь с шумом уходил, эхо могло и до Петровки докатиться. Эх, кабы знал, что ты так бездарно завалишь такое простое дело, доверился бы лучше Волынину. Черт меня дернул с тобой связаться!

— По-моему, ты начал заговариваться, Олежек. Это не ты со мной связался, а я с тобой. Без меня ты бы даже не узнал, что шеф реализует эти ценные бумаги.

— Ну и в чем ты видишь свою заслугу? В том, что он доверял тебе больше, чем мне? И куда это его привело, царствие ему небесное?

— Я его туда не отправлял.

— Но и пальцем не шевельнул, чтобы помешать ему туда отправиться.

— Как и ты.

— Ну, я же не был его любимчиком — с чего бы мне стараться? Если бы он ценил по достоинству мой профессиональный опыт...

— Что ты заладил, как попугай: профессионал, профессиональный опыт! Дырка ты от бублика, а не профессионал! Меня чихвостишь в хвост и в гриву, а сам просвистел все, что можно! Козловского тогда упустил, потом четыре месяца его найти не мог, хотя он чуть ли не окопался на месте взрыва! А этот полудурок Усов на чьей совести? Что ж ты со своим профессиональным опытом не скумекал, что сыворотка на морфин, да на похмелье почище ножа в сердце будет? А Вязникова кто прохлопал? Кто телился целые сутки, пока он не смылся в неизвестном направлении? И чьи люди его проморгали, когда мы наконец-то на него вышли?

— «Мы вышли»! Это мне нравится! Да если бы я не додумался прослушивать телефоны его подчиненных, если бы не сумел договориться с операторами на АТС, ты бы по сей день бегал по его родственникам и знакомым! А что касается моих людей, то не беспокойся, они свою ошибку исправят. Через несколько часов Вязников будет у нас в руках. Дай только бог, чтобы он оказался тем, кого мы ищем...

— Но Усов вроде бы не сомневался, что Вязников — убийца. А зачем еще ему было убивать, если не из-за денег?

— Ты сам назвал Усова полудурком, и совершенно справедливо. Мало ли, в чем он не сомневался... Халецкий, вон, на Вязникова не думает, а у него котелок варит получше.

— Халецкий не знает того, что знал Усов.

— Возможно, теперь уже знает. Только нам к нему больше не подобраться. Эх, дьявол, как не вовремя они мою Ольгу засекли! А после твоей самодеятельности у нас вообще земля под ногами загорится. Когда эта девица заявится в ментовку, расскажет о похищении и опишет твою рожу, у сыскарей появятся совершенно законные основания открыть на нас охоту.

— Законные основания у них появились после того, как ты «поговорил» с Усовым.

— Отнюдь. Сначала им придется найти и опознать его труп, а это, можешь мне поверить, абсолютно невозможно.

— Тогда почему ты не хочешь поступить так же с девицей?

— Ты меня умиляешь! Через несколько часов сюда привезут Вязникова и, возможно, не одного. Как ты собираешься избавляться от горы трупов?

Людмила сдернула наушники. Она уже чувствовала себя достаточно окрепшей и не собиралась дожидаться решения своей участи. Пока эти двое собачатся, их внимание поглощено спором, а значит, они не станут особенно прислушиваться к тому, что происходит за стеной. И не появятся внезапно в комнате — стихнувшие голоса предупредят о такой возможности заранее.

Она осторожно встала, убедилась, что ноги держат, и тихонько подошла к окну. Судя по высоте, четвертый этаж. Узенький карниз обрывается сразу за оконным проемом, к другому окну по нему не перейдешь. Водосточной трубы в пределах видимости нет. Спуститься по веревке? Людмила огляделась. Шкаф для одежды в комнате имелся, но, скорее всего, стоял пустой, как сервант и книжные полки. В любом случае, вряд ли там найдется прочная бельевая веревка. Но проверить все же стоило. Она подошла на цыпочках, потянула за ручку. Дверца шкафа протяжно скрипнула, напугав ее до помрачения рассудка. Только через минуту, убедившись, что разговор за стеной продолжается, она решилась пошевелинуться. Разумеется, в шкафу ничего не было.

Попробовать улизнуть через дверь? Но она понятия не имеет, какая здесь планировка, не увидят ли ее сразу, как только она выйдет из комнаты или появится в прихожей. Да, скорее всего, за входной дверью они присматривают, иначе их беспечность отдавала бы идиотизмом.

Людмила снова переместилась к окну и тоскливо поглядела вниз. Больше десяти метров. Внизу сугроб, но, как минимум, перелом при прыжке обеспечен. Может, все-таки рискнуть? Она еще раз оценила расстояние и поежилась. Нет, прыжок оставим на крайний случай. Нужно поискать другой выход.

Тут ее взгляд уперся в старый клен, который рос метрах в четырех от окна. Одна из ветвей чернела внизу, не дотягивая до стены дома каких-нибудь два метра. Взять два метра с места, да еще в нынешней физической форме, почти нереально, но тут ведь не соревнования по прыжкам в длину, где результат замеряют по отпечатку пятой точки. Если нырнуть вперед рыбкой, уцепиться за ветку руками, то, учитывая рост (метр семьдесят четыре), прыгнуть придется совсем недалеко. Правда, ветка может сломаться, но хотя бы замедлит падение. А ниже будут другие ветки, покрепче — возможно, удастся зацепиться за них.

Людмила решительно повернула верхний шпингалет, потом нижний и потянула раму на себя. Рама не дрогнула. Холодея от дурного предчувствия,

она внимательно, насколько позволяло тусклое освещение, осмотрела окно. Так и есть! Заколочено. Вот почему этот «профессионал» из соседней комнаты не стал утруждать себя дежурством у постели пленницы! Куда она денется? Если спят на почве страха и решит сигануть в окно, его придется сначала выбить, тут-то сторожа и подоспеют. А бесшумно стекло не выдавить, для этого специальные приспособления нужны, в сумочке же пленницы нет даже маникюрного набора.

Уже ни на что не надеясь, Людмила повернула еще один шпингалет, попыталась открыть форточку и чуть не ахнула от неожиданности, когда та поддалась. Желанный выход предстал перед ней во всей красе — чудесный квадрат, размером сорок на сорок сантиметров, зияющий холодной чернотой в метре с лишком над подоконником. Людмила скинула узкую юбку. Спасибо, бабушка настояла, чтобы она поддела под нее лосины. «Ах, бабушка, скольким же я тебе обязана! И в первую очередь — гибким, сильным телом. Если бы не йоговская гимнастика, которой ты меня заставляла заниматься, я бы ни за что не решилась на этот акробатический трюк».

Она влезла на подоконник и, держась одной рукой за форточку, а другой — за оконный шпингалет, поочередно перекинула ноги через раму форточки. Потом, извиваясь всем телом, начала протискивать их вперед. Чтобы протолкнуть бедра, ей пришлось сложиться вдоль. Когда нижняя половина тела повисла с той стороны окна, у Людмилы от страха перехватило дыхание — ей показалось, что она сейчас не удержится и полетит вниз. Но вот ноги нащупали опору — скользкую, узкую, ненадежную, но опору, — и дело пошло веселее. До тех пор, пока не пришло время перехватить руки, чтобы вытащить плечи и голову. Тут Людмилу обуял такой ужас, что она минуты на три превратилась в тряпичную куклу со стальными кистями, приваренными намертво к шпингалетам. Потом босые ступни начали цепенеть от холода, и она решилась. Одна нога в процессе этого упражнения едва не соскользнула с карниза, но плечи сыграли роль тормоза, а потом руки уцепились за верхнюю раму, и кризис миновал.

Стоя на полусогнутых по ту сторону окна, судорожно цепляясь поднятыми за спиной руками за верхнюю раму, Людмила боялась пошевелиться. Ступни словно примерзли к карнизу. И казалось, не было на свете такой силы, что заставила бы ее прыгнуть. Она уговаривала себя, сосчитала до десяти, потом до шестидесяти. На счет «сорок шесть» где-то наверху открылось другое окно, и неведомый кретин выплеснул на улицу галлон жидкости неизвестного происхождения. Несколько капель попали беглянке на голову и переполнили чашу терпения.

Резко выдохнув, она разжала руки, оттолкнулась от карниза и полетела — вперед и вниз. Ветка ободрала ладони и тут же обломилась, что-то хлестнуло по лицу, ударило в грудь, и в следующий миг Людмиле удалось поймать руками крепкий сук...

Ну вот, она осталась жива. Она спаслась.

21

Надежда проснулась от далекого крика Мишутки. Крик был радостным, но она все равно подскочила в постели как ужаленная. Посмотрела на часы: так и есть! Второй час. Ребенку обедать пора, а его наверняка и завтраком не покормили. Балда, не догадалась поставить будильник! Нужно было сообразить, что Мишутка, который, в отличие от них, сладко проспал всю ночь, не станет валяться в постели до полудня.

Радостный вопль повторился, и Надежда поняла, что он доносится из-за окна. Значит, кто-то уже встал, одел ребенка и повел гулять. И покормил, вероятно. Как нехорошо получилось. Этот кто-то, конечно, спал ничуть не больше Надежды, но тем не менее ему хватило совести не оставлять без присмотра полуторагодовалого мальчишку.

Она набросила на плечи махровый халат, выданный вчера гостеприимным хозяином, и подошла к окну. Во дворе, у кирпичной стены, защищавшей загородные владения Вовчика, стоял снеговик с новеньким оцинкованным ведром на голове. Крохотный Мишутка и человек-гора с трогательным именем Геша обстреливали истукана снежками, стараясь сбить с него головной убор. Оба исправно лупили мимо цели, Мишутка — по малолетству, Геша, вероятно, из солидарности.

Надежда отправилась в ванную, примыкавшую к ее комнате, торопливо приняла душ, почистила зубы, причесалась, оделась и спустилась на первый этаж, в просторный зал, объединяющий в себе гостиную, столовую и кухню, отделенную от остальной территории бамбуковым занавесом. В огромном, похожем на орган камине горели березовые полешки — не ради тепла (газовое отопление работало выше всяких похвал), а ради уюта. Напротив камина, метрах в трех, стоял обеденный стол, за которым сидела Лиска и уплетала клубнику со сливками.

— Привет! — сказала она, оторвав взгляд от пламени. — Этот Геша — просто чудо какое-то! В холодильнике — целый супермаркет. И когда успел затариться? Мы приехали в семь, а в восемь уже просыпается Микки. Чего ты хочешь на завтрак? Выбирай, что душа пожелает. Там даже молочная каша в горшочке имеется. Только яичницу с беконом и тосты придется готовить самим — их в микроволновке разогревать не принято.

— Я, пожалуй, последую твоему примеру, — решила Надежда. — Твой завтрак выглядит ужасно аппетитно.

Минут через десять к ним присоединился Вязников. Сначала они наслаждались едой, кофе и пустым трепом о благах, сопряженных с богатством, потом Эдик перевел разговор на события минувшей ночи.

— Как ты думаешь, — спросил он Надежду, — им не удалось нас выследить?

— Почти наверняка — нет. Зря, что ли, Вовчик велел Геше ехать следом на другой машине? Уж Геша-то заметил бы «хвост»! Но в любом случае волноваться нам нечего. Наш «суперрэмбо» нас защитит. Видел, какой у него автомат?

— Обыкновенный, — пожал плечами Эдик, — «Узи» называется. Мы еще не знаем, как вооружен противник, и какой у него численный перевес. Может, они в состоянии развязать небольшую победоносную войну против Монако или Ватикана.

— Не говори глупостей! Откуда у твоего Базиля — или Джованни, или Эжена — деньги на содержание целой армии?

— Ты забыл о Вовчике, — вставила Лиска. — Разве он не обещал разобраться с ними? А раз обещал, значит, разберется. Я почему-то уверена, что он без особого напряжения наwerbует себе хоть две армии. (Доставив гостей в свою загородную резиденцию и разместив их со всеми удобствами, Вовчик немедленно отбыл в Москву «наводить порядок».)

— Возможно, с наемниками он и разберется, — не желал униматься Вязников, — хотя для начала их нужно найти. Но чтобы добраться до заказчика, придется пошевелить извилинами, а Вовчик, при всех его достоинствах, не производит впечатления человека, обремененного излишком интеллекта.

— Если он выйдет на наемников, то уж как-нибудь сумеет убедить их назвать заказчика, — возразила Надежда. — История показывает, что наемники редко хранят верность нанимателю, когда запахнет жареным.

— Спорим, они заказчика в глаза не видели? Нужно быть последним кретином, чтобы «светиться» перед бандитами. Они потом так за жабры прихватят — узлом завяжешься. В общем, если мы хотим вернуться к нормальной жизни, шевелить извилинами придется самим.

— Ладно, пошевелим, — со вздохом согласилась Надежда. — Только давай чуть попозже, когда у Мишутки будет «тихий час». А то перед Гешей неудобно, он и так возится с парнем целый день. Пойду его сменю.

Однако до мозгового штурма они дозрели только вечером, после того как уложили Мишутку спать. Сумасшедшая жизнь последних дней всех изрядно вымотала, а чувство безопасности, внушаемое двухметровым кир-

пичным забором и присутствием Геши с автоматом, действовало так расслабляюще, что думать о страшном и неприятном совершенно не хотелось. Надя и Лиска втайне надеялись, что, если они потянут время еще немного, придет Вовчик, и все разрешится само собой. Но Эдик не разделял их безоглядной веры во всемогущество хозяина этих владений и теребил своих дам до тех пор, пока они не уступили его напору.

Поначалу «штурм» больше напоминал вялотекущую осаду с редкими выстрелами наугад в сторону неприятельской цитадели. Потом Лиска заметно оживила процесс:

— Ох, совсем из головы вылетело! Прошлой ночью, еще до этой кошмарной газовой атаки, я вспомнила во сне фразу, которую сказала тогда Ирен. Ну, в бреду, помните? Она так отчетливо прозвучала у меня в мозгу, что я даже проснулась и записала ее, чтобы снова не забыть. Листочек, конечно, остался там, в квартире, но, по-моему, я смогу ее воспроизвести. Сейчас, подождите. Перестаньте есть меня глазами, вы меня сбиваете... Да, похоже, это звучало так: «Они все туда забежали, все! — я сама видела. Смотрю, а их нет. Все есть, а их нет. Но этого же не может быть! Нет, только не черные ноги!» — Лиска перевела взгляд с Эдика, на Надежду и обратно. — Я почти уверена, что это точные ее слова. Как по-вашему, в них есть какой-нибудь смысл?

— Да, — глухо сказал Эдик. — Есть. Ирен говорила про тот вечер, когда обнаружили труп. Катрин стояла за стендом и выла как сирена. Все побежали на крик и набились в этот закуток. А Ирен, видимо, осталась стоять с другой стороны. Она видела ноги. Все ноги, кроме «черных». Потом кто-то принес лампу, и мы разглядели труп. Ирен вспомнила звук падения чего-то тяжелого на пол, шорох груза, который волокли по паласу двумя часами раньше, и догадалась, что перетаскивали тело. За минуту до того, как она вышла в холл. В холле никого не было, но почему-то скрипнул стенд. Ирен посмотрела туда и ничего не увидела — точно так же, как не увидела «черных» ног, когда мы столпились за стендом. Вывод напрашивается сам собой. Убийца был в черном. В тот день в черное были одеты только четыре человека. Я, Базиль, Эжен и Джованни. Ирен не хотела верить в то, что один из нас — убийца.

— Я все-таки не могу понять... — задумчиво начала Лиска. — Почему она решила, что убийца — непременно из ваших? Помните, вы говорили: Эжен в пятницу предположил, что покойник разговаривал с киллером, который специально его подждал и просто сделал вид, будто работает в вашем здании? Конечно, все последующие события доказывают, что Эжен прав, но ведь Ирен таким доказательством не располагала! Так откуда взялась ее уверенность? Может, она все-таки ошиблась?

— Я сам над этим думал, — вздохнул Эдик. — Особенно после того, как у всех «черных ног» обнаружилось алиби на четверг, когда стреляли в Петю. Тогда получается, что смерть Ирен, исчезновение Мыколы, покушение на Петю и охота на нас никак не связаны с первым убийством... Но это же бред! Какое всему этому еще можно придумать объяснение?

— Эдик, Ирен была очень умной, да? — вдруг спросила Надежда.

— Очень. Собственно, другой такой умной женщины я не встречал... да и не женщины тоже. Хотя ты, наверное, могла бы составить ей конкуренцию... Нет, вряд ли — вы умные совсем по-разному. У тебя ум быстрый и блестящий, как сабля грузинского танцора, у нее — острый и точный, как скальпель хирурга.

— Сабля тоже бывает острая, — обиделась Надя.

— Да я и не спорю, — смутился Эдик. — Я совсем не то имел в виду. Понимаешь, если у танцора отнять саблю, он все равно останется танцором. А хирург без скальпеля хирургом быть перестанет. Ты, если бы вдруг поглупела, все равно осталась бы собой, а она — нет. Ум был сутью Ирен, понимаешь? Неотъемлемой частью ее личности. Я прав, Лиска?

— Не то слово! Точно и образно сформулированная истина.

— Тогда скажи мне вот что, — снова заговорила Надежда. — Насколько хорошо Ирен относилась к вам четверым — к тебе, Базилю, Эжену и Джованни?

— Я бы сказал — очень хорошо. Джованни ты видела, к нему по-другому относиться невозможно. Базиль... Ну, мы всегда любим тех, кому делаем добро, правда? А Базиль на нее молился, как на икону. Эжена она ужасно жалела. Говорила, что он похож на игрушку, у которой сломана главная пружина. Игрушка еще шевелится, делает какие-то движения, но они больше напоминают судороги мертвой лягушки под током. Ирен говорила, что сама когда-то прошла через такое состояние, и, если бы Лиска ее не «починила», не миновать бы ей свалки — это ее собственные слова. Поэтому Ирен от души сочувствовала Эжену и старалась, как могла, вытаскивать его из депрессии.

— А с тобой она дружила, — закончила за Эдика Надежда. — В общем, мысль о том, что кто-то из вас четверых — убийца, была ей не просто неприятна — отвратительна. Как умный человек, Ирен не могла не додуматься до версии Эжена насчет постороннего киллера. И она бы ухватилась за нее руками и ногами — если бы только могла. Поэтому предлагаю принять за аксиому: Ирен знала нечто такое, что абсолютно исключает эту версию. И, как в задаче про трех мудрецов, вымазанных сажей, она предполагала, что ты примешь в расчет ее умственные способности, когда будешь отгадывать ее загадку. Помнишь ее слова: «Ты умный, ты догадаешься»? Ско-

рее всего, мы никогда не узнаем, почему она исключила посторонних. «Черные ноги» здесь ни при чем, киллер со стороны мог вырядиться в черное с наименьшим успехом. Просто примем как данность, что основания у нее были.

— Ну, хорошо, — согласился Эдик. — Приняли. Только получается, что мы опять не сдвинулись с места. У нас по-прежнему те же трое подозреваемых, и ни единого указания, позволяющего отдать предпочтение кому-то одному.

— Ты неправ. Указание есть. Не знаю, обратил ли ты внимание на один довольно-таки примечательный факт: собеседник того уголовного типа — жертвы — не произнес ни единого слова. Конечно, он мог слышать, как работает ксерокс и догадаться, что дверь в тамбур «Пульсара» открыта, и там кто-то есть. Но ведь Ирен включила ксерокс не сразу, сначала она тихо стояла у двери, крутила в руках пустую пачку из-под сигарет и думала над фразой для отчета. Более того, когда она делала копию, разговор уже оборвался — уголовник рухнул на пол, и убийца поволок его за стенд. Словом, молчание нашего Икса удивительно. Как правило, люди, слушая кого-то, поддакивают, возражают, вставляют свои замечания, междометия. Очень немногие способны выслушать собеседника в полном молчании. Я никогда не видела Базиля и ничего не могу сказать на его счет, но в пятницу ты рассказывал свою историю двум другим подозреваемым. Помнишь, как слушал Эжен и как — Джованни? — Надежда повернулась к Лиске и пояснила: — Эжен сидел с закрытыми глазами, не шевелился и не издал ни звука. Джованни то и дело ахал, вскакивал, вскрикивал: «Как?!», «Да ты что!» — и тому подобное.

— Значит — Эжен? — недоверчиво спросила Лиска. — Но он же вам помогал! Поехал с вами к Джованни, и вообще...

— Да, а когда мы уходили от Джованни, на балконе нас поджидала парочка головорезов! Хорошо еще, что я сопоставила внезапную поломку лифта с перегоревшими лампочками на лестнице и сделала правильный вывод.

— Но как Эжен мог предупредить головорезов, он же все время был у вас на глазах?

— Не все время. Когда мы вышли в прихожую и начали одеваться, он на минуту задержался в комнате. А у него при себе был мобильник.

— А мне все-таки кажется, что это не Эжен, — не сдавалась Лиска. — Он три года в депрессии, на себя рукой махнул — живет в берлоге, ни с кем не общается... Разве это похоже на человека, который маниакально убирает всех, кто предположительно — только предположительно! — может его уличить? Если бы Эжен по неведомой причине убил того уголовного, он бы

не стал суетиться. Конечно, я с ним незнакома, но по вашим рассказам и по тому, что говорила о нем Ирен, ему наплевать, что с ним будет.

— Я тоже не думаю, что наш Икс — это Эжен, — поддержал Лиску Эдик. — Прежде всего, потому, что ему негде взять денег на наемников. Из нас четверых он зарабатывает меньше всех. Кстати, если говорить о молчании, то Базиль годится ничуть не меньше Эжена. Он тоже не словоохотлив.

— Правда? — оживилась Надежда. — Ты думаешь, он способен выслушать пространный монолог незнакомца в полном молчании?

— Вполне. Слушая других, Базиль, конечно, не хранит, вроде Эжена, каменную неподвижность — вертит что-нибудь в руках, важно кивает, — но звуков обычно не издает... Да, но черт подери!.. Он действительно обожал Ирен. Нисколько не удивлюсь, если Джованни прав в том, что Базиль был в нее влюблен. И деньги! Два года назад необходимость заплатить десять тысяч баксов чуть не стала для него катастрофой. Я сам видел, во что он тогда превратился — краше в гроб кладут. Сколько он мог скопить за эти два года? Ну, пусть даже пятнадцать-двадцать тысяч. За такие деньги можно нанять киллера, но у нас их, по меньшей мере, двое! Да еще баба, которая им помогает, — помните звонок таинственной незнакомки? За такую смешную сумму они похитили и, вероятно, убили Мыколу, стреляли в мужа Ирен, обзванивали моих знакомых, сидели в засаде на лестнице, пытались отравить нас газом? Как хотите, но я этому не верю!

— Значит, Базиль тоже отпадает? — Лиска вздохнула. — У вас нет ощущения, будто нас все время швыряет вверх-вниз? Только найдешь доводы в пользу одного из подозреваемых, воспрянешь — вот она, разгадка! И сразу — бух вниз! Опять не подходит. Точно на американских горках катаешься...

Все уныло замолчали. Неизвестно, о чем размышляли Лиска и Эдик, а вот Надежда не размышляла ни о чем. Точнее, пустила свои мысли на самотек и лениво ждала, куда они ее вынесут.

«Американские горки... Забавно, что в Америке этот аттракцион называется русскими горками. А то, что у нас называется «уйти по-английски», у англичан звучит как «уйти по-французски»... А русская рулетка на самом деле появилась в Америке во время калифорнийской золотой лихорадки... Кто это недавно говорил про русскую рулетку? Ах, да! Джованни. Какому идиоту могло прийти в голову назвать так водку?.. Интересно, что они на этикетке нарисовали? Револьвер? Череп и кости? А кампания по борьбе с курением? Что там на этикетках пишут и рисуют? Хотя еще немного, и правда начнут всякую гадость вместо табака подкладывать... Хотя до цианистого калия дело вряд ли дойдет... Минутку! Цианистый калий в сигаретах... Эдик говорил, что уголовного отравили сигаретой! Совпаде-

ние? Или убийца присутствовал при том разговоре? Да, но что это нам дает? Они все четверо присутствовали. Эдик толкнул целую речь в пользу радикальных мер, остальные подавали реплики... Реплика Эжена, если я не ошибаюсь: «Ну, это они уж слишком!» Джованни выразил надежду, что трубочный табак не пострадает. Базиль сказал, что теперь-то точно бросит курить... О Господи! Неужели?..»

— Стоп! Кажется, я нашла... — сказала Надежда сдавленным голосом. И замолчала.

— Ну?!

— Да говори же!

— Предупреждаю сразу: на первый взгляд, версия совершенно дикая. Но она дает ответ на вопрос, который все время меня мучил. Почему Икс — нормальный, законопослушный гражданин, работающий в солидной фирме и ни разу не вызвавший у коллег подозрения в маниакальности или принадлежности к криминальным кругам, — ни с того ни с сего убил человека, которого увидел впервые в жизни? До сих пор у меня было только одно объяснение: на самом деле тот явился откуда-то из прошлого Икса, но почему-то его не узнал. Или сделал вид, что не узнал. Но это объяснение выглядит слишком уж... литературным, что ли. От него так и веет Диккенсом, романом-загадкой, надуманной драмой. В жизни так не бывает. И еще одна вещь меня смущала. По всему выходит, что убийство заранее не планировалось. Откуда Иксу было знать, что молодой человек придет к нему на работу? И даже если он допускал такую возможность, то наверняка не собирался убивать в таком многолюдном месте. Тогда зачем он принес на работу отравленные сигареты?

— Переходи к ответам, Надежда, — не выдержал Эдик. — Вопросы мы можем задавать не хуже тебя.

— Ладно. Я пришла к выводу, что убийство было случайностью чистой воды. Человек в поисках работы зашел в одно из офисных зданий, встретил в холле мужчину, спросил, держат ли здесь ночных сторожей, и, узнав, что нет, начал доказывать неблагоразумность такого беспечного отношения к частной собственности. В процессе доказательства он полез в карман за куревом, обнаружил, что пачка пуста, и попросил сигаретку у слушателя. Тот, видимо, был погружен в собственные мысли, поэтому бездумно сунул руку в карман и протянул свою пачку, совершенно позабыв, что там лежит сигарета, пропитанная цианидом...

— Надька, ты перегрелась! — убежденно заявил Эдик. — Тебе не кажется, что ты отвергла свою «литературную» версию ради абсолютно безумной? С какой целью нормальный человек будет таскать в кармане пачку с сигаретой, пропитанной цианидом, и как он может он ней позабыть?!

— Остынь на минутку и скажи: сочетание слов «сигарета» и «цианистый калий» тебе ничего не напоминает?

Эдик вдохнул, а выдохнуть забыл. На целую минуту. Потом воздух вырвался из него с каким-то странным звуком. И только после этого ему удалось произнести более-менее членораздельно:

— Ты думаешь?..

Тут взорвалась Лиска:

— Возможно, вам это покажется странным, но лично мне ваше сочетание ни о чем не говорит! Может быть, вы соблаговолите просветить темную дуру?

— Извини, Лиска, — опомнилась Надежда. — Тебе оно и не может ни о чем говорить. Это, так сказать, шутка для узкого круга посвященных. Однажды собрались в курилке пятеро здоровых мужиков и разыграли одну девчонку, убедив ее, будто Дума в рамках борьбы с курением собирается издать закон, предписывающий производителям подкладывать в каждую десятитысячную пачку одну сигарету, отравленную цианистым калием. Дело происходило у Эдика на работе, и среди мужиков были все трое наших подозреваемых — ну и, ясное дело, Эдик, который был одним из инициаторов розыгрыша. Остальные подозреваемые ему поддакивали и подавали реплики. В частности, Базиль заявил, что теперь-то уж точно бросит курить. И, что самое интересное, действительно бросил.

— Но... — Лиска открыла рот. — Не может быть...

— Я предупреждала, что версия, на первый взгляд, дикая. Но почему бы и нет? Почему человек, безуспешно сражающийся со своим пристрастием к никотину, не мог задуматься над блистательными доводами Эдика в пользу радикальных мер борьбы с курением и решить, что идея недурна? Идея, конечно, нетривиальная — положить в пачку отравленную сигарету, дабы оградить себя от соблазна, — но, насколько я поняла, Базиль и сам — личность довольно неординарная.

— О господи! — Лиска судорожно сглотнула. — Какая чудовищная нелепость! Стать убийцей из-за желания избавиться от вредной привычки!.. Бедный Базиль! Но... Как же Ирен? Неужели он убил женщину, которую боготворил, только потому, что она могла его разоблачить? А потом нанял бандитов, чтобы убивать еще и еще?.. Это же безумие!

— Я не обещала ответить вам на все вопросы, — вздохнула Надежда. — Могу только предположить, что пережитое испытание нанесло удар по психике Базиля. По словам Эдика, он «тяготел к святости», а путь к святости, согласно литературе, — стезя, опасная для душевного здоровья. Представь себе: ты постоянно укрощаешь плоть, закаляешь дух, совершенствуешься, а в результате становишься...

— Да! — вдруг воскликнул Эдик. — Ты права, Надя! Я вспомнил. Базиль бросил курить примерно в мае, но еще в сентябре я видел, как он, разговаривая, крутил в руках портсигар. Залезет в карман, вытащит, повертит, повертит и сунет обратно. Вот сволочь! — Он ударил кулаком по столу. — А какие слезы лил, когда нам про Ирен сообщили! Иуда! Едем! Я лично сделаю из него отбивную!

— Куда мы поедем, Эдик? — попыталась увещевать его Надежда. — Его же нет в Москве!

— Который час? Половина двенадцатого? Его поезд в три часа приходит. В начале четвертого он будет на работе — от вокзала до нас идти десять минут. Базиль всегда там ночует, когда из своего Тамбова возвращается. Геша!

Человек-гора, скромно сидевший на кухне, загремел бамбуковым занавесом и вышел на зов. Под мышкой у гиганта торчал толстенный том. Одарив присутствующих виноватой улыбочкой, Геша шмыгнул к книжному шкафу и поставил том на свободное место. «Братья Карамазовы», — оторопело прочла Надежда и мысленно присвистнула: «Ни фи́га себе охранничек нынче пошел!»

— Позволь нам, пожалуйста, взять до утра машину. Нам нужно съездить в Москву.

— Владимир Анатольевич не велел вас одних отпускать. Если надо, я вас сам отвезу.

— Понимаешь, мы не хотим брать с собой ребенка — мало ли, что... Значит, кому-то нужно с ним остаться.

— Лучше уж останусь я, — вмешалась Лиска. — Мне твое «мало ли что» не нравится. Геша должен поехать, он лучше любого из нас готов ко всяким неожиданностям.

— Но вас с Микки тоже нужно охранять! — напомнил Эдик. — Вдруг, пока нас не будет, сюда нагрянут вчерашние бандюки?

— Ну, вот что, — решил Геша. — Я сейчас вызову своего сменщика, он покараулит Микки и Елизавету Петровну, а я отвезу вас с Надеждой Валентиновной, куда прикажете.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

22

Базиля душила бессильная ярость. В этом не было ничего необычного — она душила его после каждой поездки домой; не помогали никакие медитации, никакой аутотренинг. Но на этот раз он уезжал из Москвы таким

измочаленным и опустошенным, что, казалось, ни один раздражитель не пробьет эту черную пустоту. Однако Юлии это опять удалось. Ей всегда удавалось довести его до кипения, в каком бы состоянии он ни находился.

После развода Базиль всерьез опасался свихнуться. Желание расправиться с бывшей женой преследовало его неотвязно, а временами просто захлестывало, и он выпадал из реальности. Единственной преградой на пути к безумию, к одержимости оставалась любовь к дочери. Ради Светика он должен был, во что бы то ни стало, избавиться от наваждения, победить свою навязчивую идею. Но заставить себя обратиться к психотерапевтам и прочим психоаналитикам было выше его сил. Базиль вырос в простой, чуждой интеллигентским рефлексиям среде и считал специалистов такого рода опасными шарлатанами.

Человек, нуждающийся в психологической поддержке и отвергающий помощь психологов, как правило, обращается к друзьям. Но Базиль всегда испытывал некоторые трудности при попытке облечь мысли в слова. Выразить же словами свои чувства и смутные желания и вовсе было для него делом невозможным. Да и не по-мужски это, считал он.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Однажды перед поездкой в Тамбов Базиль заглянул в книжную лавку купить какого-нибудь чтива в дорогу и зацепился взглядом за невзрачную брошюрку, название которой призывало: «Исцелись!» Вообще-то он не доверял таким книжонкам — за последние годы их развелось великое множество, а целительное воздействие, которое они, по идее, должны были оказывать на общество, как-то не ощущалось. Но в тот день что-то заставило его взять брошюрку в руки — может быть, категорический императив названия. Через полчаса продавщица раздраженно потребовала, чтобы он либо заплатил за книжку, либо положил ее на место. Базиль заплатил.

Автор брошюры — целитель и по совместительству философ, не скрывал, что его мировоззрение, как и концепция болезни и страдания, сложились под влиянием восточной философской мысли. Но, создавая свое учение, он сумел преобразовать чуждые и туманные для западного человека категории в удобоваримую теорию и рекомендовал лично разработанную им систему аутотренинга. Прочитанное потрясло неискушенного Базиля, как откровение. Он зачитал брошюрку до дыр, потом набросился на восточную религиозно-философскую литературу, глотая без разбору труды проповедников веданты, йоги, буддизма, джайнизма и даже даосизма. Занимался аутотренингом и практической йогой, перешел на «чистую» пищу, закалял волю аскезой. Временами, особенно когда несколько недель кряду не удавалось выбраться в Тамбов, ему казалось, что он вот-вот достигнет состояния внутреннего равновесия, полной умиротворенности —

словом, свободы и покоя. Но очередная встреча с бывшей женой камня на камне не оставляла от этой иллюзии. «Что же, интересно, я такого натворил в прошлой жизни? За что теперь расплачиваюсь?» — гадал Базиль, не замечая в расстроенных чувствах, что несется по пустынной ночной улице галопом.

Он взбежал по ступенькам, поставил сумку на перила, нашел ключи. Стилизованный под старину фонарь, горевший под крышей портика, давал достаточно света, и все-таки Базиль не сразу попал ключом в замочную скважину — у него дрожали руки. «Опять не засну, — подумал он обреченно. — Выпить, что ли, водки? Нет, лучше сделаю упражнения, и так уже четыре дня пропустил».

Внутренняя дверь открылась и закрылась, царапнув по нервам громким лязгом пружин. Базиль пошарил рукой по стене, нашел выключатель, нажал на кнопку и замер... На лавке неподвижно сидели трое — Эдик Вязников и двое неизвестных — миловидная блондинка и гигант со столь необъятными плечами, что голова на их фоне выглядела маленьким инородным наростом вроде бородавки. Лица Вязникова и гиганта были подчеркнута непроницаемыми, блондинка смотрела на Базиля с любопытством.

— Эдик?.. — неуверенно произнес Базиль. В голове у него произошло что-то вроде взрыва — с десятков разных мыслей рассыпались и закружились, словно конфетти, вылетевшие из хлопушки. Другой на его месте засыпал бы Вязникова вопросами: «Где ты пропадал? Почему не был на похоронах? Почему сидишь здесь в темноте? Кто эти люди? Зачем ты их привел?» Но, как уже говорилось, речевые центры у Базиля были не слишком развиты, поэтому он только и сумел, что сказать:

— Здравствуй... Здравствуйте, — и молча уставился на троицу, ожидая объяснений.

Но их не последовало. И Вязников, и его компаньоны продолжали хранить непонятное молчание. Пауза тянулась до неприличия долго, и, наконец, Базиль, чувствуя себя полным идиотом, пожал плечами и направился к двери своего офиса. Только тогда Эдик соизволил заговорить.

— Привет, Базиль. Мы вообще-то к тебе пришли.

— Да? — Базиль повернулся, подождал продолжения и, не дождав-шись, пригласил: — Ну, пойдете ко мне в кабинет... — Тут гигант встал во весь рост, и он понял, что в кабинете будет тесновато. — Нет, лучше в общую комнату.

Жестом пригласив троицу рассаживаться вокруг стола, за которым сотрудники «Пульса» имели обыкновение пить чай, он открыл шкаф, где хранились кофеварка и электрочайник.

— Чай? Кофе?

Эдик и гигант снова промолчали, но блондинка, виновато улыбнувшись, попросила:

— Кофе, если можно.

Базиль кивнул, взял стеклянную емкость, налил воды, потом подошел к аппарату, отделил от стопки пластиковый стакан, сунул в углубление, нажал на кнопку...

— Я бы на твоём месте поостерегся, Надежда, — со значением произнес Вязников. — Кто знает, не окажется ли в твоём кофе цианистый калий?

Базиль застыл. Рука непроизвольно стиснула тонкий пластик, вода полилась на брюки и ботинки. Вязников, не спускавший с него неприязненного взгляда, продолжал самым непринужденным тоном:

— У нашего Базиля с недавних пор появилось неприятное пристрастие — играть с ничего не подозревающими гостями в русскую рулетку. Точнее, в её новую разновидность. Ты не пробовал запатентовать идею, Базиль? Хотя нет, она же не твоя...

Голова налилась звенящей пустотой, кровь отхлынула от лица, сердце сбилось с ритма, пропустив удар, потом, будто опомнившись, мощными толчками погнало кровь с удвоенным напором. В ушах загрохотало. Базиль смотрел на шевелящиеся губы Эдика и ничего не слышал.

Потом слух вернулся. Он начал разбирать слова, но никак не мог понять их смысла.

— ...Зря ты это сделал, Базиль. Ирен не собиралась никого разоблачать. Больная, специально приехала сюда, чтобы сказать об этом. Она слишком хорошо относилась к нам четверым. А ты... Я думал, ты её любишь. Думал, ты способен умереть за неё. Но нет — ты предпочел, чтобы умерла она. Лишь бы не пострадала твоя драгоценная шкура! А как насчет ахинсы, Базиль? Разве твои убеждения разрешают тебе убивать?

И тут до Базиля дошло. Понимание пришло яркой вспышкой короткого замыкания. Потом сознание померкло, и жажда убийства, до сих пор охватывавшая Базиля только в присутствии жены, вырвалась из темноты на волю. Он не видел ничего, кроме черных глаз Вязникова, горевших ненавистью, змеиного рта, извергающего самую чудовищную клевету, которую только можно представить, адамова яблока на слишком нежном для мужчины горле... Стиснуть! Сдавить это хрупкое горло! Сломать кадык... Заставить клеветника подавиться своей ложью!..

Базиль сделал шаг вперед, еще один, протянул руки и сомкнул пальцы на шее Вязникова. Тот задергался, попытался оторвать их, ударил коленом в пах, но Базиль ничего не замечал. Тут раздался женский крик, и на его плечи и спину посыпался град ударов. А потом на затылок опустилась кувалда, и сознание померкло окончательно...

Надежда поглядывала на спасителя Эдика с благодарностью и благоговейным ужасом. Базиль, сраженный наповал небрежным ударом Гешиного кулака, лежал у его ног мятой кучкой тряпья.

— Спасибо, Геша. Я твой должник, — выдавил из себя Эдик, растирая шею.

— Ерунда, — отмахнулся человек-гора и посмотрел под ноги. — Связать его?

— Не надо, Геша — попросила Надя. — Лучше посадите его вон туда и на всякий случай сами сядьте рядом. Хотя, по-моему, он уже не опасен...

Человек-гора подхватил Базиля, словно тюк, и понес в угол, где метрах в трех от круглого стола стояло кожаное кресло

Минуту-другую оглушенный не подавал признаков жизни, потом пришел в себя, покрутил головой, увидел Вязникова, и глаза его прояснились. В обращенном на Эдика взгляде появились одновременно и злоба, и растерянность, отчего на лице застыло странное выражение, сочетавшее в себе свирепость с беспомощностью. Надежда подошла к аппарату с водой, сдернула белый конус с колонны вложенных друг в друга пластиковых стаканчиков, наполнила его и поднесла Базилю.

— Спасибо, — пробормотал тот, опуская глаза.

— По-моему, будет лучше, если вы нам все расскажете, — заметила она, пока Базиль жадно опустошал стаканчик. — Пусть мы ошиблись насчет Ирен, но ведь это вы отравили того парня, правда? По нелепой случайности. Он зашел, заговорил с вами, попросил сигарету, а вы были погружены в свои мысли и, протягивая ему портсигар, совершенно забыли о яде, так?

— Нет. — Базиль помолчал. — Не совсем. Я остолбенел, когда увидел его. Сигареты протянул автоматически, это верно. Но сразу же вспомнил насчет цианида. И ничего не сделал.

— Почему?! — хором воскликнули Эдик и Надежда.

— Я его боялся. Это долгая история. И фантастическая. Боюсь, я не сумею толком ее рассказать, я не мастак говорить.

— Ничего, спешить некуда, — подбодрила его Надя. — А ваши ораторские способности, вернее, их отсутствие, нас не смущают.

— Ладно, — смирился Базиль. — Наверное, нужно начать с моей жены...

Красноречием он действительно не отличался, но его история была красноречива сама по себе. Рассказанная скупыми неловкими фразами, почти назывными предложениями, перечисляющими только факты — никаких оценок, никаких акцентов на личных чувствах, — она производила сильное впечатление. Воображение Надежды, не стесненное навязанными рассказчиком видением, определениями и метафорами, дорисовало то, о чем Базиль умолчал. Картина получилась страшной.

Жена Базиля была потрясающей красавицей. И потрясающей стервой. Она беззаветно любила себя, а также тряпки, рестораны и светские развлечения. И все. К родной дочери она всегда относилась, как к обузе, досадной помехе. К мужу — как к печатному станку для тиражирования денег, но отвратительно устаревшему станку, то и дело выходящему из строя. Именно жена вынудила Базиля, не имевшего склонности к предпринимательству, заняться бизнесом. Сначала он арендовал в типографии списанное печатное оборудование, принимал заказы на всякую мелочевку, типа рекламных листовок и стихотворных сборников, издаваемых за счет авторов. Потом приятель-газетчик уговорил его выпускать листок рекламно-развлекательного характера. Как ни странно, дело у них заладилось — газету неплохо раскупали, рекламодатели понесли к ним свои объявления, объем пришлось увеличить. Конечно, по московским меркам, богачом Базиль не стал, но по тамбовским считался вполне состоятельным человеком. Однако жена его никак не желала этим удовлетвориться. День за днем она изводила Базиля скандалами, предъявляла немыслимые требования. Он давно не испытывал к ней добрых чувств, но разводиться не хотел. Из-за дочери. Мать обращалась с девочкой, как с назойливой собачонкой, только что ногой не отпихивала, но девочка все равно ее любила — уму непостижимо, почему.

Потом Базиль узнал, что Юлия наставляет ему рога, и терпение его лопнуло, он подал на развод. У него не было сомнений, что жена без разговоров уступит ему дочь — девочка никогда ее не интересовала. Наивный! Разумеется, эта хитрая, жадная гадина не собиралась выпускать из рук такое замечательное средство воздействия на любящего папашу. Разыграв в суде целую драму, она без труда добилась решения в свою пользу — дочь оставили с ней. Девочка стала орудием ее мести, предметом нескончаемого и беззастенчивого шантажа. Бывшая супруга не постеснялась заявить Базилю, что ее отношение к дочурке будет целиком и полностью зависеть от тех сумм, которые он будет отстегивать им на содержание. К тому же «деликатная» нервная система Юлии приходит в полное расстройство, когда она не в состоянии удовлетворить какую-либо из своих потребностей, и это расстройство может отразиться на девочке самым плачевным образом.

Базиль чуть не удавил ее тогда. Только пронзительный крик прибежавшей на шум Светланы заставил его отнять руки от горла шантажистки. Потом желание убить жену накатывало на него всякий раз, когда они виделись. Но Базиль понимал, какая судьба ждет Светика, если он уступит своей навязчивой идее, и боролся изо всех сил.

Он свел свои расходы к минимуму и отдавал жене почти все заработанное. Когда она намекнула ему, что этого мало, продал свою долю в газете и принял предложение владельца крупного холдинга, пригласившего его в

Москву на должность директора рекламного агентства. Но и директорская зарплата, и обещанные десять процентов прибыли не могли утолить растущие аппетиты его бывшенькой. Деньги, полученные от нового совладельца газеты, тоже быстро иссякли. Базиль лихорадочно, но безуспешно искал другие источники дохода.

И тогда судьба показала ему зубы — то ли в улыбке, то ли в хищном оскале.

— Помнишь, Эдик, летом тут неподалеку взорвались и сгорели две машины? В ту ночь я приехал из Тамбова. Хотел переночевать здесь, но не смог заснуть. Решил отоспаться дома. Метро еще не открылось, я пошел пешком — хотел прогуляться. Дошел до поворота, и тут рвануло. Совсем рядом. Меня подбросило и шмякнуло об забор. Ударился спиной так, что дышать не мог. А сверху еще какой-то мешок упал — прямо на грудь. Я отключился. Открываю глаза — перед носом кожаный рюкзак. Один ремень оторвало, и верх съехал в сторону, а внутри — пачки долларов. Я спихнул рюкзак с груди, попробовал сесть и не смог — больно. Повернул голову, вижу, машины горят, вокруг обломки. И какой-то тип идет со стороны реки. Идет быстро и что-то высматривает. На кусты в мою сторону смотрит. Я сразу понял, что он рюкзак ищет. Найдет, а потом и меня прикончит. А убежать я не могу. И защититься не могу. Пошарил рукой вокруг. Думаю, мне бы хоть камень какой. А рука провалилась. Под забором дыра была — видно, собаки прорыли. Я с перепугу эту дыру за пять секунд расширил. Вполз туда, рюкзак за собой втянул и обратно земли нагреб, чтоб дыру не было видно. Потом осмотрелся — впереди подсобка какая-то, а между ней и забором — просвет. Узкий, меньше метра. Я туда заполз, закрылся какими-то картонками и вырубился. До ночи там пролежал, потом снова через дыру вылез.

Деньги я спрятал на работе, в подпольном сейфе. Им давно уже не пользуются — с тех пор, как с налоговой договорились. А ключ мне бывший директор передал. На всякий случай. Вот и пригодился.

— Сколько же денег там было? — спросил ошеломленный Эдик.

— Двадцать пачек. Стодолларовых.

— Да иди ты! — не поверил Эдик.

— Извини, показать не могу. Я их перепрятал. После того как... В общем, недавно. Я сразу решил — не буду их трогать, пока все не утрясется. Может быть, год, если выдержу. А потом откуплюсь от Юлии и заберу к себе Светика. За это время те, кто их ищут, наверное, смирятся с потерей.

— Но тебя же никто не видел! Как они могли тебя вычислить?

— Начали бы шарить по округе, искать тех, кто внезапно разбогател. То есть... они так и сделали, без всяких «бы». Тот тип... ну, которого я...

— Ты хочешь сказать, что именно он крутился тогда у взорванных машин?

— Да. Я его сразу узнал. Хотя, когда он вошел, в холле было уже довольно темно. Поэтому он и не заметил, что со мной творится. А я просто оцепенел. Он несет какую-то чушь — про свой больной зуб, про ограбление офиса его знакомого, про мой значок с голограммой...

— Значок! — рявкнул Эдик. — Так вот почему Ирен знала, что убитый разговаривал с кем-то из наших! — Он повернулся к Надежде: — У нас среди рекламных фирм в ноябре проходила выставка. Мы к ее открытию сделали несколько оригинальных значков, чтобы выделяться из толпы. Они очень привлекают к себе внимание, прямо завораживают игрой света. Выставка закрылась как раз в начале той недели, когда появился труп. Значки мы еще не сняли... Кстати, носили их не все — только директора фирм и менеджеры, работающие непосредственно с клиентами: я, Энн, Джованни, Альбинка, Базиль, Полин и Эжен. То есть упоминание значка здорово ограничивало круг подозреваемых. Не понимаю, почему Ирен ни словом о нем не обмолвилась?

— Что же тут непонятного? — вздохнула Надя. — Она ведь ясно тебе сказала, что не хочет никого выводить на чистую воду. Даже думать не хочет, кто бы это мог быть. И, уж конечно, Ирен не собиралась взваливать эту ношу на твои плечи. — Она повернулась к Базилю: — Извините, мы вас перебили. Продолжайте, пожалуйста.

— Да я уже почти закончил. Этот тип попросил сигарету. Я, как под гипнозом, залез в карман и достал портсигар. Потом вспомнил про капсулу...

— Про капсулу?

— Ну да. Цианид довольно летуч. Я всыпал навеску в маленькую легкоплавкую капсулку. Потом попросил у Эжена машинку и скрутил себе полтора десятка сигарет. В одной из них вместе с табаком была капсула. Я сам не знал, в какой.

— А откуда ты взял цианид? — поинтересовался Эдик.

— Получил из... в общем, из одного доступного реактива. Я же химик-технолог по образованию. Правда, по специальности не работал, но получить цианид — несложный фокус, всего две стадии. Только другим не советую. Опасно. Под мощной вытяжкой, и то страшно.

— Ну, конечно, мы сейчас побежим синтезировать цианистый калий! Зачем он тебе понадобился? Если бы ты был неспособен бросить курить сам по себе, то и с ядом бы не смог. Бегал бы к киоску, стрелял у нас...

Базиль говорил медленно, отрывисто, испытывая затруднения с подбором слов, и Надежда в нетерпении шикнула на Эдика, уводившего разговор в сторону:

— Нашел время! Я тебе потом объясню. Рассказывайте дальше, Базиль. Вы вспомнили про капсулу...

— Да. Но не стал ничего делать. Подумал: если отдерну руку, он на меня уставится, увидит, что я не в себе, и обо всем догадается. А если не дергаться, может, и пронесет. Шансы четырнадцать к одному в его пользу. Вытянет себе смерть, значит, карма у него такая. И потом, он же все-таки убийца. Не сами же по себе те машины взорвались... Ну, он и вытянул. Я даже подхватить его не успел — глазам не поверил. А потом испугался. И того, что наделал, и за Светку. Меня посадят, а с ней что будет? И так меня проняло, что я на одном дыхании дотащил тело до стенда. Только под лестницей его уложил — шаги. Кто-то включил в холле свет. Я стоял и трясся, как припадочный. Думал: видно меня с лавки или нет? Не выдержал, подкрался поближе. Там дырка есть от сучка, свет из нее шел... Подобрался к дырке, увидел Ирен. Она сидела на скамейке и что-то читала. Я вздохнул свободнее и тут же надавил на щит плечом. Стойка закрипела. Ирен подняла голову и посмотрела прямо на меня. Я думал, умру. Но она снова начала читать, и я сообразил, что меня не видно. Сверху — щит, снизу — темень. Потом Ирен ушла, я выбрался оттуда, подобрал окурок и заперся у себя в кабинете. Выпил стакан водки и немного расслабился. Сделанного не воротишь, а выкрутиться еще можно. Думаю: останусь на ночь, вынесу труп, спрячу в кустах у фабрики. Тогда его никто с нами не свяжет. И зачем Чезаре с Катрин за стенд понесло? Не могли обниматься где-нибудь в комнате, все ведь сидели в зале! — вскрикнул Базиль и замолчал.

Эдик выдержал паузу, потом спросил:

— А дальше?

— Это все. Остальное ты знаешь не хуже меня. Ирен я не убивал. Как тебе это в голову могло прийти?

— Было бы странно, если бы не пришло. Ирен слышала монолог твоего бандита и чуть не застучала тебя за перетаскиванием тела. Она была необыкновенно умной женщиной и при желании могла тебя вычислить. На следующий день ее убили. Потом пропал Мыкола, который слышал часть нашего с ней разговора об убийстве бандита. Потом кто-то стрелял в ее мужа и пытался добраться до меня. И, по-твоему, я должен считать, что все это никак не связано с твоим маленьким приключением? Может, у тебя есть другое объяснение?

— Нет. — покачал головой Базиль. — Но я клянусь...

Его прервало пиликанье мобильного телефона. Он похлопал себя по карману, но звонили сидевшему рядом Геше.

— Слушаю, — настороженно произнес Геша в трубку. И тут же сменил тон: — Да, Владимир Анатольевич? — Потом надолго замолчал.

Его вклад в разговор составил всего четыре фразы, разделенные длинными интервалами. «Но я осматривал двор... Владимир Анатольевич, вы сами распорядились исполнять все их просьбы... Митяй справился?..» При этом суть разговора не составила для невольных свидетелей никакой тайны: босс всюю распекает подчиненного. Геша покраснел как рак и, казалось, уменьшился в размерах. Лицо его выражало муку. Под конец он сказал:

— Да... Сейчас. — И неожиданно обратился к Надежде. — Надежда Валентиновна, вы не возьмете трубочку?

К Надиному удивлению, он не встал с места, явно ожидая, что она подойдет к нему сама. Сначала она решила, что эта внезапная неучтивость со стороны всегда предупредительного Геши объясняется его расстроенными чувствами, потом сообразила, что он просто выполняет ее указание: сидеть рядом с Базилем. Она подошла и взяла протянутый аппарат.

— Алло, Вовчик?..

— Надь, у вас все в порядке?

— Да, а у вас?

— У нас по милости этого рас... раздолбая Геши была веселая ночь. Теперь все о'кей. Мы взяли «шестерок», скоро доберемся и до хозяина. Ладно, об этом потом. Тут Лизавета хочет с тобой поговорить. Передаю трубку.

— Надежда? Как вы там? У нас тут такое творится! Чистый боевик!

— Что случилось? На вас напали?

— Пытались. Но все уже позади. Митя оказался на высоте. Подробности при встрече. Я хотела спросить: вы скоро освободитесь? Сможете до девяти подъехать в госпиталь к Пете? Славик сказал...

— Славик?! Как он тебя отыскал?

— Я сама ему позвонила. Вы уехали, а я лежала и думала обо всей этой заварухе... Дошла до покушения на Петеньку и вспомнила, что вы со Славиком договаривались созвониться этой ночью, когда он будет на дежурстве. Подумала, что он, наверное, названивает тебе и сходит с ума от беспокойства. Ну и позвонила. Он...

— Но откуда у тебя его номер?

— У тебя на аппарате окошечко, где номер при наборе высвечивается. Ты ему звонила, а я запомнила, у меня память хорошая. И вообще, не перебивай меня, иначе никогда до конца не доберусь. Петенька пришел в сознание и говорит какие-то странные вещи. На самом деле Славик выразился грубее — мол, у парня от всех этих потрясений крышу снесло. В общем, Славик сказал, что было бы неплохо, если бы Петеньку навестил кто-нибудь из знакомых. Возможно, это поможет ему поправиться. Лучше бы приехать сегодня до девяти утра, пока у Славика дежурство, а то потом будет сложнее. Я не знала, как с вами связаться, хотела попросить Митю, чтобы он

отвез нас с Мишуткой, но тут начался боевик... Потом Митя «повязал» плохих парней и вызвал Вовчика. Короче, вы можете подъехать сейчас к госпиталю? Если не можете, я поеду сама, но не хотелось бы будить Микки...

— Можем. Здесь мы уже разобрались.

— Да? И что выяснилось? Ты была права?

— Не совсем. Поговорим при встрече, хорошо?

— Ладно, пока.

Надежда отключилась и протянула мобильник Геше. Потом повернулась к Эдику.

— У меня есть объяснение.

— Что?! Какое объяснение?

— Ты спросил у Базиля, есть ли у него другое объяснение всем этим убийствам и покушениям — отличное от того, что придумали мы. Так вот, оно есть у меня. Ирен, Мыкола, Петенька — на совести сообщников убитого бандита. Его смерть навела их на подозрение, что он вышел на деньги, — вернее, на того, кто прибрал их к рукам. Сообщники бросились сюда — проводить собственное расследование. Вероятно, они тоже прятались где-нибудь в кустах и слышали обрывки вашего разговора — твоего и Ирен. Они пытались похитить ее, чтобы она рассказала им все, что знает, но Ирен удалось вырваться. Они бросились в погоню — на машине — и произошел несчастный случай...

— Несчастный случай? Ты с ума сошла? По ней три раза проехали!

— Возможно, от злости, что она погибла, ничего им не рассказав. Если считать, что Ирен убили, уже выяснив у нее все, что можно, тогда непонятно похищение Мыколы и все остальное.

— Но Петю они не пытались похитить! В него просто выстрелили. Зачем? Может быть, тоже от злости на Ирен?

— Нет. Тот черный тип собирался выяснить у Пети, не говорила ли ему Ирен про убийство. Чтобы вызвать Петю на откровенность, тип наставил на него пистолет. И тут услышал, что мы бежим наверх. Похоже, он запаниковал и непроизвольно нажал на спуск. Поэтому Петя и остался в живых, хотя стреляли практически в упор.

— Все это домыслы чистой воды.

— Ты просил альтернативную версию? Ты ее получил. Насколько она верна, выяснится в ближайшие несколько часов. Вовчик прихватил «шестерок», которые за нами бегали, и сейчас беседует с ними на предмет личности хозяина. Базиль, если хозяин — все-таки вы, я вам не завидую. Вовчик очень зол, а он не из тех, кого можно злить безнаказанно.

Базиль устало покачал головой.

— Нет, не я. Но мне в любом случае не поздоровится. Смерть, тюрьма — какая разница? Все равно я больше не смогу защитить Светика от этой гадины...

— Не отчаивайтесь, все не так скверно. Хотите совет? Я бы на вашем месте пошла с повинной. За убийство по неосторожности большой срок не дают. Явка с повинной будет зачтена в вашу пользу. А если нанять хорошего адвоката, он вообще может добиться оправдания. Докажет, что произошел несчастный случай. У вас масса свидетелей, которые подтвердят, что цианид в сигарету вы подложили без злого умысла.

Базиль вздохнул.

— Наверное, я так и сделаю. Все равно рано или поздно придется расплачиваться за эту смерть. Лучше уж принять воздаяние в нынешнем воплощении.

23

— Ты обратил внимание, что наше везение кончилось ровно в полночь — с наступлением понедельника? — прицепился Виктор к Халецкому, когда они вышли из кабинета начальника.

Халецкий — не выспавшийся и раздраженный неудачей (Песич только что отказал ему в просьбе освободить их на сегодня от участия в поисках маньяка; правда, после долгих уговоров согласился отпустить Бекушева), ответил довольно резко:

— Боже, Пых, как ты меня достал своей понедельничной теорией! Неглупый вроде мужик, а суеверен, как дикарь племени мумбо-юмбо.

— Это не суеверие, это подтвержденный объективной статистикой факт.

— Засунь свою статистику, знаешь, куда? Кто тебе сказал, что она объективна? Я, к примеру, не считаю бегство этой компании невезением. По крайней мере, у нас остался шанс увидеть их живыми. Вот если бы они не успели удрать и попали бы в лапки к нашему милому Соловейчику, тогда имело бы смысл причитать. И вообще, имей совесть! Тебе привалила неслыханная удача: монаршей милостью и моими молитвами ты избавлен на сегодня от рутиннейшей из работ. Как смеешь ты после этого жаловаться мне — мне, обреченному шерстить сотни владельцев малолитражек! — на невезение?

— По-моему, проверка врачей — работа ничуть не менее рутинная, чем проверка автолюбителей, — пробурчал Виктор.

— Не зли меня, Витек. Тебе никто не предлагает проверить всех врачей города. И даже сотую часть. Спорим, у Вязникова и Неман, вместе взятых, окажется не больше пяти знакомых эскулапов?

— Не буду я с тобой спорить. Пусть хоть один-единственный будет, его еще сначала вычислить нужно, этого эскулапа. Представь, сколько народу придется для этого опросить...

— Прекрати ныть! — зарычал Халецкий. — Не диво, что по понедельникам от тебя отворачивается фортуна, я бы на ее месте тоже не захотел смотреть на твою кислую мину. Нечего заранее настраивать себя на неудачу. Вполне возможно, что все нужные сведения тебе дадут уже коллеги Вязникова. Или мать Надежды Неман — по телефону. Все, капитан Бекушев! Извольте убрать с глаз моих свою постную харю. Кругом, шагом марш!

Виктор ушел, обиженный на «постную харю», а еще больше — на нежелание Халецкого признать справедливость закона о понедельниках. Суеверие! О каком суеверии может идти речь, когда собрано столько фактов? Взять хотя бы минувшую ночь... До двенадцати все шло замечательно: они напали на след исчезнувшего Вязникова, казалось, еще чуть-чуть — и след приведет к его убежищу. Но наступил понедельник.

На звонок в квартиру Надежды Неман никто не ответил. Ее соседи по лестничной клетке при виде милицейских удостоверений пришли в негодование:

— Вы что, издеваетесь? Вторую ночь подряд вытаскиваете нас из постели! Не могли пораньше прийти со своими вопросами?

— Да вообще — чего ходить-то? Мы еще вчера сказали: ничего не знаем! И видеть не видели, и слышать не слышали, как к Надьке в квартиру вламывались. Чего вам от нас еще нужно?

Когда возмущенный гвалт стих, Виктор с Борисом выяснили, что накануне ночью, точнее, ранним утром, сюда приезжала милиция — с автоматами и противогазами. Ворвались к Надежде в квартиру, никого не нашли и перебудили весь подъезд — спрашивали, не видел ли кто здесь ночью посторонних. Никто, ясное дело, ничего не видел — в пять утра нормальные люди спят, а не шастают по подъездам.

Они с Халецким отправились в местное отделение милиции и узнали, что вызов поступил от соседней Неман из другого подъезда. Звонивший, Виктор Крутиков, сообщил, что соседка перебралась к ним в квартиру через балкон и утверждала, будто ее пытаются отравить газом. Туда отправили людей, но ни задержать злоумышленников, ни найти свидетелей, видевших, как они выглядели, на чем приехали и так далее, не удалось. Пострадавшие — сама Неман и ее гости (мужчина, женщина и маленький ребенок) — тоже скрылись в неизвестном направлении.

Поколебавшись, Бекушев и Халецкий рискнули навлечь на себя гнев Крутиковых, вызвавших милицию. К счастью, те еще не спали — смотрели телевизор. Вера Сергеевна Крутикова, не скупясь на леденящие душу под-

робности, поведала о переживаниях прошлой ночи и довольно неплохо описала гостей Надежды. У оперативников не осталось сомнений, что речь идет о Вязникове и Елизавете — подруге покойной Морозовой.

Невестка Крутиковой Нина дополнила рассказ Веры Сергеевны, признавшись, что помогла бежать всей честной компании — провела их через крышу в другой подъезд, подальше.

— Они боялись, что бандиты оставили кого-нибудь внизу наблюдать за подъездами, — объяснила она. — Я предложила отвести их через крышу к шестому подъезду, который выходит на противоположную сторону дома. Они сначала согласились, а потом, уже на крыше, эта женщина — Надежда — вдруг попросила впустить их во второй. Я напомнила, что он тоже выходит во двор, но она настаивала.

Виктор Крутиков тоже внес в хронику событий свою лепту. Утомившись стоять на лестнице в ожидании милиции, которая, как водится, не торопилась, он, невзирая на протесты матери и жены, уже вернувшейся с прогулки по крыше, спустился во двор, надеясь хоть одним глазком увидеть бандитов. Разумеется, он принял меры предосторожности: вышел из дому, покачиваясь, будто пьяный. Замаскировался, словом. Потом, никого не увидев, спрятался в тени и стал дожидаться, когда бандиты выйдут из Надькиного подъезда. Бандиты все не выходили и так и не вышли до приезда милиции, зато Крутиков видел две шикарные иномарки, выехавшие со двора. Сначала под арку нырнула одна, — ее номера Витя не заметил, потому что смотрел на подъезд, — потом другая. Тут уж Крутиков был начеку. Смекнул, что этот ночной исход иномарок подозрителен, и, когда машина притормозила перед аркой, взгляделся попристальнее и разобрал номер.

Халецкий без особого энтузиазма позвонил в автоинспекцию — он не очень верил в связь между ночным происшествием в квартире Неман и иномарками. Но когда выяснилось, что машина принадлежит Рубцову Владимиру Анатольевичу, проживающему во втором подъезде Надежного дома, зародыш энтузиазма робко шевельнулся в усталых милицеских душах. Тот факт, что от дома ночью отъехали две машины, мог быть простым совпадением. Но, учитывая, что Надежда попросила младшую мадам Крутикову впустить их во второй подъезд, ночной выезд машины, принадлежащей жителю второго подъезда, выглядел слишком многозначительным для совпадения. Виктор и Борис плюнули на приличия и отправились к хозяину «мерседеса» с поздним визитом. Однако, несмотря на поздноту визита, дома никого не застали.

Тогда они сдались. Позвонили еще раз в дорожно-патрульную службу, попросили помочь с поисками машины и ее владельца и поехали по домам —

спать. По дороге Халецкого осенила очередная гениальная идея, но ее воплощение все же решили отложить до утра.

Идея касалась исчезновения Петра Кронина. Евгений (Эжен) Кулаков, пересказывая историю, с которой явились к нему Вязников и Неман, упомянул, что в мужа Морозовой стреляли, но, когда оперативники попытались выяснить подробности, сказал, что ему ничего не известно. Вязников не заострял внимания на покушении, упомянул только, что оно не удалось. Значит, Кронин забрал ребенка и тоже скрылся от греха подальше — решили тогда оперы. Но, как теперь выяснилось, бездетная Надежда Неман, спасаясь от ночных гостей, несла на руках полуторагодовалого ребенка. А Петра Кронина в компании беглецов не было. Халецкий сделал вывод, что его все-таки подстрелили, хотя, возможно, и не насмерть. Вывод номер два представлялся очевидным: Эдуард и Надежда отвезли раненого к знакомому врачу и оставили на его попечении. И даже не просто к знакомому, а к очень хорошему знакомому — скорее всего, к близкому другу. Закон обязывает медиков сообщать об огнестрельных ранениях в милицию, и чужой не рискнул бы его нарушить.

Теперь Виктору предстояло найти этого врача. Сначала он поедет к Вязникову на работу, расспросит коллег Эдика. Если никому из них неизвестно, есть ли у Вязникова знакомые врачи, придется искать просто знакомых и уже у них спрашивать про врачей. Если результата не будет, предстоит ехать к матери Надежды Неман (соседи Надежды назвали имя матери и район, где она живет; точный адрес легко выяснить в ЦАБе). Если не повезет и там, останутся еще другие родственники, а также друзья, любовники, коллеги — в общем, роскошью человеческого общения Виктор будет обеспечен надолго.

«А мне непременно не повезет, — думал Виктор. — Халецкий может говорить что угодно, но по понедельникам работать нельзя. Вкалываешь, как вол, а толку никакого. Возможно, на Бориса этот закон и не распространяется. Он вообще счастливчик, ему все достается легко, на блюдечке с голубой каемочкой. А мне никто никаких блюдечек не поднесет — ни с каемочкой, ни без. Тем более в понедельник».

С этими мрачными мыслями Бекушев и появился у Вязникова на работе.

Первым, кого он увидел, был Василий Буянов. Некурящий директор рекламного агентства «Пульс» сидел на скамейке для курильщиков и вовсю дымил. Заметив оперативника, Буянов замер, потом решительно раздавил «бычок», встал и шагнул навстречу.

— Здравствуйте. Вы не скажете мне, как оформляется явка с повинной?

Халецкий сидел в кабинете начальника ОВД «Отрадное» и объяснял спешно собранным участковым их задачу. Перед каждым лежал список

владельцев малолитражек, проживающих на территории соответствующего участка. Борис инструктировал милиционеров по поводу мер предосторожности, которые необходимо принять, чтобы не спугнуть маньяка, когда на столе начальника зазвонил телефон.

— Подполковник Губченко!.. Слушаю, Петр Сергеевич... Да, он как раз у меня. Передать ему трубочку? — Начальник призывно помахал Халецкому. — Одну минуту!

Борис вскочил, в спешке уронив стул, и рванул к телефону.

— Слушаю!

— Тут тебе гаишники звонили, — ворчливо сказала трубка голосом Песича. — Засекли они твой [...] «мерс» при въезде с шоссе Энтузиастов на МКАД.

— Задержали?!

— Нет, передали на следующий пост. Говорят, сам успеешь подъехать. На пересечении с Ярославкой авария — [...] грузовик [...] в цистерну, легковушки в эту же [...] [...] В общем, в ту сторону — [...] пробка — часа на два, не меньше. Знаешь гаишный пост на сто пятом километре? [...] туда.

— Можно вопрос, Петр Сергеевич? Почему вы позвонили мне, а не Бекушеву? Нет, вы не подумайте, я не в претензии, просто любопытно. А как же маньяк?

— [...] ты, Халецкий. Нечего начальство поддевать. [...] с ним, с маньяком! Завтра поймает. А Бекушеву я звонил, он занят, [...] снимает показания с убийцы Козловского.

«Вот тебе, Витенька, и понедельник!» — обалдело подумал Халецкий, выронив трубку.

24

— В чем дело, Геша? За что босс на вас взъелся? — спросила Надежда, когда они с Эдиком устроились на задних сиденьях «мерседеса». — Какое отношение вы имеете к нападению на загородный дом?

Человек-гора неловко поерзал в водительском кресле. Тема явно была ему неприятна, но оставить Надин вопрос без ответа он не посмел.

— Эти му... — прошу прощения — придурки нацепили маячок на машину Владимира Анатольевича и довели нас до места, ни разу не попавшись мне на глаза. Шеф считает, что виноват я. Вчера ночью он поручил мне проверить двор, а я никого не нашел — стало быть, плохо искал. Но в одиночку невозможно обыскать такое большое пространство... да еще в темноте. От одного спрятаться очень просто — перебегай себе с места на место да ныряй за деревья и детские домики. И в подъезде можно укрыться. Подъезды я не проверял, они же все на замках. А маячок наверняка прицепили,

пока я в гараж ходил. Я первую машину подогнал к подъезду и пошел за второй. У них минут семь было в запасе.

— Не расстраивайтесь, Геша, — попросила Надежда. — Вы совершенно не виноваты. И, поверьте, я сумею донести эту мысль до Владимира Анатольевича. Кстати, о чем он с вами так долго говорил? Все вас отчитывал? Или хоть что-нибудь объяснил? Что у них произошло?

— Ничего страшного. Эти типы вывели из строя сигнализацию и самонадеянно поперли в дом. Даже не подумали, что система продублирована. Митяй, само собой, был начеку и скрутил обоих. Потом позвонил шефу. — Геша недоуменно покачал головой. — И как они отважились?.. Это ж какими психами нужно быть, чтобы пойти против Владимира Анатольевича!

— А кто он? — не сдержала любопытства Надежда. — Нет, я, конечно, знаю, что он — генеральный директор, президент и прочая и прочая... Владимир Анатольевич давал мне свою визитку. Но как он дошел до жизни такой? Я к тому, что еще десять лет назад ничто не предвещало его стремительного взлета. Откуда на него свалилось богатство? Он что — неизвестный миру потомок барона Ротшильда?

Геша покосился на зеркальце, встретился с Надеждой глазами и торопливо перевел взгляд на дорогу. Судя по растерянности, написанной на его физиономии крупными буквами, он явно не знал, имеет ли право ответить на этот вопрос.

— Если вы намерены молчать, Геша, мне в голову ползет всякая гадость, — шантажнула его Надежда. — Например, что ваш шеф промышляет работоторговлей. Или сутенерством. Могу поспорить, Владимир Анатольевич не будет вам благодарен за такие мои мысли.

Человек-гора изобразил нечто похожее на кукареканье осипшиго петуха, тяжело вздохнул и снова глянул в зеркальце.

— Владимир Анатольевич — знаменитая личность, — сказал он наконец. — Кличка Вова-танк ничего вам не говорит? Как раз лет десять назад его нанял на работу один авторитет по кличке Хорек. Нанял, но не приблизил. По воровским понятиям Вова даже до шестерки не дотягивал — не то что в блатных, и в приблатненных-то не ходил. Но Хорек раз увидел его в драке и решил, что такой человек ему пригодится.

Понимаете, у Владимира Анатольевича очень высокий болевой порог. Удары, которые любого другого вырубят вчистую, на него не производят впечатления. А сила у него... вроде моей, сами знаете. Короче, Хорек нанял его охранять ларьки на рынке, который контролировал. Там в основном кавказеры торгуют, и однажды скинхеды собрались там порезвиться. Наехали целой толпой, вооружились железными прутьями... Так Владимир Анатольевич их чуть ли не в одиночку раскидал. Страху нагнал! Они

его — прутьями, а он, как зомби, — идет вперед, от ударов не уклоняется и даже не вздрогнет. После этого случая его Вовой-танком и прозвали.

А потом на рынок позарились еще два авторитета. Договорились меж собой свалить Хорька, назначили стрелку и уложили там всех — и Хорька, и его подручных... Послали своих людей на рынок — объявить кавказерам, что они теперь будут платить дань новым хозяевам. Посланники назад не вернулись — загремели в больницу. Вова-танк на них живого места не оставил. Авторитеты послали против него целый вооруженный отряд. Вова голыми руками с ними разделался. Остатки бандитов вернулись к хозяевам совершенно деморализованные. Ясен перец, Вова после разборки с посланниками носил бронекостюм из кевлара. Но зрелище все равно вышло впечатляющее. Идет человек прямо на автоматные очереди и не пошатнется. А ведь пуля, даже из легкого ствола, через бронежилет такие синяки оставляет — как молотком по голому телу.

Тогда авторитеты решили пойти на Владимира Анатольевича войной. Конечно, в одиночку он бы не устоял, но к этому времени вокруг него собрались остатки Хорьковой группировки, да и кавказеры подсуетились — нашли людей ему в помощь. Короче, войну Владимир Анатольевич выиграл. Территория Хорька перешла к нему. И Яша Гельберг впридачу.

— А кто такой Яша Гельберг?

— Был у Хорька кем-то типа экономического консультанта. Башковитый мужик. Они познакомились на зоне: Яков Моисеич по хозяйственной части сидел. Но Хорек относился к своему консультанту без всякого почтения, прислушивался к нему, только когда их мнения совпадали. А Владимир Анатольевич сразу Гельберга зауважал. Гельберг как-то ему сказал, что криминальный капитал очень ненадежен, посоветовал заняться честным бизнесом. И Владимир Анатольевич проникся. Теперь у них с Яков Моисеичем целая деловая империя.

— М-да, кто бы мог подумать?.. — пробормотала Надежда себе под нос.

— Что, Надин, нет пророка в своем отечестве? — поддел ее Эдик.

— И не говори, дорогой. И не говори...

Славик, бледный и осунувшийся после ночного дежурства, покачал головой.

— Не знаю, ребята... По-моему, все-таки нужно пригласить психиатра. Конечно, психиатр может подвести меня под монастырь, если стукнет кому-нибудь насчет огнестрела, но самим нам, боюсь, не справиться. Парень сильно не в себе. У меня у самого мозга за мозгу заходит, когда я слышу, что он несет. Черный ангел, явившийся за ним, светлый ангел, отпустивший его ненадолго на побывку — уладить дела сына, родовое проклятье каких-то

ирландцев... Взбесившиеся лошади, сброшенный в пропасть экипаж, молодая хозяйка, перебравшая на балу в собственном замке и утонувшая по этому случаю в бассейне. Свихнувшийся с горя муж, пустивший себе пулю в лоб... Словом, готический роман, да и только. Да вы сами сейчас услышите. — Он посмотрел на Эдика. — Говоришь, вы с ним не слишком хорошо знакомы? Это жаль. Возможно, близкий человек поставил бы ему мозги на место. А эта девушка, Лиза? Она вроде хотела подъехать и привезти сына вашего Пети?..

— Славик, ну подумай сам! — вмешалась Надежда. — Везти среди ночи из-за города малого ребенка! Давай сначала попробуем обойтись легкими средствами. Посмотрим, узнает ли Петя Эдика. А Мишутку привезем в следующий раз, когда ты будешь дежурить днем.

— Ну что ж, давайте попробуем, — с сомнением сказал Славик.

Увидев Петю, Надежда испытала шок. Дело было даже не в том, что он выглядел совсем больным, она и не ждала найти здесь пышущего здоровьем бодрячка. Его глаза — вот, что заставило ее содрогнуться и покрыться мурашками. Глаза ребенка, попавшего в лапы садиста. В них было столько боли, страха, незащитности, растерянности... И обреченности. Надежда едва не застонала, внутренности скрутило узлом от невыносимого сострадания, от острого желания подхватить этого взрослого мальчика на руки, укачать, успокоить, утешить, защитить...

— Здравствуйте, Петр, — сказал Эдик, усевшись на стул в изголовье кровати. Надежда и Славик остались стоять у двери. — Вы меня помните?

— Да, — тихо, словно через силу ответил больной. — Вы — Эдди, коллега и друг Ирен. Вы приходили к нам в гости. С женой. У вас очень красивая жена... Инна — правильно?

Славик и Надежда переглянулись. Начало обнадеживало.

— Вы помните, что с вами произошло? Как вы попали сюда?

Петя медленно покачал головой.

— Нет.

— Вас ранили, и мы с доктором, — Эдик кивнул в сторону двери, — привезли вас в госпиталь. Вы помните человека, который в вас стрелял?

Славик судорожно выбросил руку вперед, точно хотел перехватить последний вопрос, не дать ему долететь до ушей пациента.

— Да, — устало сказал Петя, прикрыв глаза. — Это была Ирен.

Эдик поперхнулся.

— Петр, вы что-то путаете, — пробормотал он, прокашлявшись. — Ирен никогда бы не стала в вас стрелять, она вас очень любила. И... она умерла... раньше.

— Знаю. Разве мог я об этом забыть? Она пришла за мной, потому что мне было очень плохо без нее. Она меня пожалела. Черный ангел... Я не сразу узнал ее. Нет, не так — не сразу поверил... из-за Микки. Он остался совсем один... Почему Ирен не подумала о Микки? Но теперь я понимаю. Дело в проклятии О'Нейлов. Ирен пока не набрала силу — ведь она ТАМ совсем недавно — и не смогла ему противостоять. Послала мне другого ангела, светлого. И я уговорил его меня отпустить.

Эдик совсем растерялся. Петя говорил с такой убежденностью, такой непоколебимой уверенностью в своей правоте, что возражать ему не имело смысла. Да и как можно возражать человеку, выпавшему из мира реальности? С сумасшедшими принято соглашаться или, по крайней мере, делать вид, будто принимаешь их бредни всерьез. Эдик не был к этому готов и беспомощно оглянулся на своих спутников. Славик развел руками. А Надежда шагнула к кровати.

Взгляд, которым обменялись Эдик и Славик, был очень красноречив — как если бы они дружно повертели пальцем у виска. Между тем Надежда вовсе не считала, что Петя повредился рассудком. К людям, рассказывающим о встрече с запредельным, всегда относятся, как к безумцам... или как к бессовестным лжецам. Когда-то жители тропических стран с таким же недоверием выслушивали рассказы путешественников о горных ледниках и заснеженных равнинах. Сто лет назад крестьяне, живущие где-нибудь в глуши, наверняка поднимали на смех людей, описывающих аэроплан в полете. Телепатов многие до сих пор считают ловкими фокусниками, хотя исследованием телепатии давно занимаются научные институты. Кто знает, может, Петя действительно видел ангелов, пока болтался на нейтральной полосе между жизнью и смертью? Но, скорее, он просто оказался в плену очень ярких галлюцинаций — таких ярких, что нельзя не поверить в их реальность. Ну и на здоровье, пусть себе верит! Зачем же сразу записывать человека в сумасшедшие, приглашать к нему психиатров?

— Здравствуйте, Петя. Меня зовут Надежда. Мы с вашим Микки очень подружились. Он сейчас с Лиской. В следующий раз она приедет вас навестить и привезет мальчика. Вы, наверное, здорово по нему соскучились?

Петя улыбнулся — очень грустно, но все-таки улыбнулся.

— Как он? Много доставляет хлопот?

— Все замечательно. И сам Микки замечательный. Возиться с ним — одно удовольствие. Лиска передает вам большой привет. Она хотела приехать, но не решилась будить мальчика.

— Спасибо. Передайте ей, что я ее все время вспоминаю. Если бы не она... не знаю, что бы с нами было. Вот и Ирен всегда так говорила. Ирен... Не уберег я ее... А ведь знал о проклятии...

— О проклятии О'Нейлов? — осторожно уточнила Надежда. — Извините, Петя, я не совсем поняла — что это за проклятие? Почему оно должно было отразиться на вас? Вы имеете какое-то отношение к этим О'Нейлам?

— Самое прямое. Я и есть О'Нейл. Питер О'Нейл. У нас в роду все умирают молодыми — и урожденные О'Нейлы, и их жены. И каждый раз остается ребенок, маленький мальчик. Он вырастает, женится, производит на свет сына и все повторяется. Не знаю, чем мы прогневили Господа. Должно быть, несправедливо нажитым богатством. Видимо, кто-то из далеких предков был разбойником с большой дороги. Теперь уже не выяснить точно. Да и незачем. Проклятие все равно никуда не денется. Я пытался обмануть судьбу — сменил фамилию, уехал на другой край света, жил только на жалованье, проклятых денег не касался... Ничто не помогло. Ирен погибла из-за моего тупого упрямства. Она не хотела выходить замуж, не хотела рожать ребенка... Что я наделал! — Питер закрыл глаза.

Надежда подошла поближе. Эдик запоздало вскочил и придвинул ей стул. Она села и коснулась руки Питера.

— Не вините себя. Если бы Ирен была с нами, она бы наверняка сказала, что ни о чем не жалеет. Она ведь любила вас, верно? И, конечно же, обожала Мишутку, который появился на свет только благодаря вашей настойчивости. Я не знала Ирен, но за последние дни столько о ней слышала, что теперь, кажется, хорошо представляю себе образ ее мыслей. Расскажите нам, как вы познакомились...

На обратном пути к Вовчику на дачу в салоне «мерседеса» было тихо. Эдик и Надежда переваривали невероятную историю Питера, а Геша, видимо, не привык заводить разговоры по собственной инициативе. Возможно, мрачное молчание спутников его интриговало, но спрашивать, чем оно вызвано, он считал неуместным.

Надежда прокручивала в уме картины, навеянные рассказом Питера, и сражалась с подступающими слезами. Вот маленький заплаканный мальчик идет за гробом отца. У него не осталось ни одного родного человека на всем белом свете. Вот огромный, погруженный в траур дом, сразу ставший чужим и мрачным. Одиночество и страх гонят Питера на кухню, к запасам съестного. Только в процессе поглощения сладостей горе и ужас смерти немного отступают. Но это жалкое утешение оборачивается новыми муками — нездоровой полнотой, одышкой, неуклюжестью, прыщами... Издевательствами соучеников. Побоями. Жестокими розыгрышами. Унижениями. За полтора десятка лет несчастный затравленный ребенок не встретил ни единого друга, который разделил бы его одиночество, поддержал в непрерывном противостоянии враждебному миру. Неудивительно, что фальши-

вое участие Денизы заставило Питера потерять голову. Откуда ему было знать, что оно фальшивое, если он никогда не сталкивался с настоящим?

И неудивительно, что ее предательство окончательно подорвало его доверие к людям, заставило отгородиться от них высоким забором, толстыми стенами. Удивительно то, что он в конце концов набрался мужества отказаться от своего затворничества, решился попытать счастья еще раз...

И, что самое странное, судьба ему подыграла. Наверное, во всей Америке, приученной выставлять напоказ свое благополучие и старательно прятать все остальное, наберется не больше горстки людей, способных понять, принять, поддержать отчаявшегося, исстрадавшегося по дружескому теплу незнакомца. Изгоя, антипода, воплощение американской мечты наоборот. Разве может «стопроцентный американец», привыкший ставить во главу угла золотого тельца, постичь душевные муки человека с извращенной шкалой ценностей, на которой деньги — величина отрицательная, а напротив самых высоких положительных делений стоят совершенно чуждые западному индивидуализму понятия? Русское слово «дружба» не переводится английским словом «friendship», для него в английском языке просто нет адекватного перевода. И именно то, что воплощает это непере译имое понятие, требовалось Питеру, чтобы обрести почву под ногами. Недаром он назвал сына именем человека, который повстречался ему в обшарпанном лос-анджелесском баре и впервые подарил надежду.

Но какая изощренная жестокость со стороны Лахезис, подстроившей эту встречу! Возродить несчастного к жизни, отправить его в чужую страну на поиски счастья, позволить это самое счастье обрести — и для чего? Для того, чтобы через два года отобрать все и насладиться видом корчащейся в муках души?

— Ешкин кот! — с чувством выругался Геша.

Надежда вздрогнула и осмотрелась. Их «мерседес» едва полз по Кольцевой. Впереди сплошной разноцветной массой, окутанной клубами выхлопов, простиралась колоссальная «пробка».

— Че-орт! — досадливо протянул Эдик. — Вот это влипши!

— Надо было через город ехать, — вздохнул Геша.

— В городе тоже пробки, — урезонила его Надежда. — Буднее утро, что вы хотите? Люди едут на работу.

Ее эта вынужденная задержка не раздражала. Ей хотелось поразмыслить над историей Питера, а пробка сулила лишний час-другой покоя. Потом будут разговоры с Вовчиком, с Лиской, взаимные рассказы о ночных событиях, бурные обсуждения, составление планов... Там уж будет не до печальных раздумий о чужой искалеченной судьбе.

Но восклицания Геши и Эдика нарушили ход ее мыслей, и они переключились на Мишутку.

Если над родом Питера и правда висит проклятие, то получается, что оно должно обрушиться на это славное жизнерадостное маленькое существо? Мальчика поместят в приют — пусть даже самый лучший и дорогой — и навсегда лишат его всего, что способна дать только семья? Или отдадут чужим людям, которые могут оказаться жадными до денег мерзавцами, неспособными подарить малышу даже маленькую толику тепла... Кошмар! Нет, этого нельзя допустить! Ни в коем случае! Нужно немедленно что-нибудь придумать...

Например, убедить Питера поскорее заключить фиктивный брак с ней, с Надеждой. Уж она-то сумеет окружить Мишутку заботой и любовью. Ей даже стараться не придется, она полюбила мальчишку с первого взгляда. Еще тогда готова была пойти на преступление — на похищение, на подлог, лишь бы не отдавать Мишутку в детский дом. И если понадобится, пойдет. На что угодно пойдет.

Да, но с чего она взяла, что Питер поверит в ее бескорыстие? Если жизнь чему-то его и научила, так это недоверию к людям, навязывающим свое участие и расположение. Сколько раз участие и расположение оборачивались своей противоположностью! Соученики Питера выказывали их, чтобы потом ударить побольнее, Дениза — чтобы добраться до его денег и сжить мужа со свету. Если Надежда сунется к нему с брачным предложением, он наверняка решит, что она того же теста...

Ну уж нет, она найдет, как его переубедить. На то и придуманы брачные контракты. Если там ясно указать, что в случае смерти Питера все его деньги перейдут к Мишутке, если специально отметить, что Надежда ни до, ни после не получит ни гроша, у него не будет оснований считать ее корыстной тварью. А она в случае чего вырастит Мишутку сама, на свои деньги. Она неплохо зарабатывает и вполне способна обеспечить ребенка всем необходимым. Конечно, миллионы Питера открыли бы для Микки совсем другой образ жизни, но ведь Питер сам выбрал для себя и сына иные ценности. А в случае крайней нужды — мало ли что? — она всегда сможет обратиться за денежной помощью к Вовчику...

«Стоп! — осадила себя Надежда. — Похоже, я совсем убедила себя в том, что Питер — не жилец на этом свете. Конечно, все эти прабабушки и прадедушки, срывающиеся в пропасть, тонущие в бассейнах, стреляющиеся и сгорающие от инфлюэнцы, — сильный аргумент в пользу проклятия О'Нейлов, но, в конце концов, в жизни случаются и не такие совпадения. Какой-то был анекдот про потомственного рыбака, все предки которого погибли в море... Нет, это не о том. Что я хочу доказать? Что мисти-

ческая точка зрения — далеко не самая разумная в этом сугубо материальном мире. Лучше прибегнуть к здравому смыслу. А здравый смысл говорит, что оснований опасаться скорой смерти Питера у меня нет. Славик уверяет, что здоровье его идет на поправку. Негодяя, который в него стрелял, скоро поймают — если уже не поймал — Вовчик...

Странно, что Питер так уверен, будто в него стреляла Ирен. Все остальные странности, из-за которых Славик чуть не записал его в сумасшедшие, разъяснились, а эта — нет. И еще одно меня тревожит. Питер уверяет, будто его «черный ангел» и не пытался ничего ему сказать. Выстрелил, едва открылась дверь. Но этот факт совершенно не укладывается в мою теорию! Они искали человека, присвоившего мешок с деньгами — человека, убившего того бандита... Визит к Питеру имеет смысл только в том случае, если «черный» рассчитывал узнать, не говорила ли Ирен мужу чего-нибудь такого, что позволит вычислить убийцу. Зачем же в таком случае стрелять? Стрелять с ходу, не обмолвившись ни единым словом с человеком, к которому пришел за информацией? Что-то тут не то...»

— Твою мать!!! — Геша подпрыгнул на сиденье и потянулся к лежащему рядом автомату, потом отдернул руку и полез в карман за документами.

Надежда с Эдиком повернули голову в ту же сторону, куда смотрел водитель и увидели гаишника с полосатым жезлом наперевес. Гаишник лавировал в потоке машин, явно нацелившись на их «мерседес». За ним по пятам непринужденно-расхлябанной походкой двигался невысокий большеносый мужик в штатском. Они подошли к машине. Геша опустил стекло.

— Что случилось, начальник? Неужто я скорость превысил?

Гаишник, не обращая внимания на Гешин жгучий сарказм, невозмутимо потребовал документы. Пока он их рассматривал, носач в штатском сунул Геше под нос свое удостоверение и кротко попросил:

— Пустил бы ты меня в машину, сынок. Я гляжу, с тобой рядом свободное местечко. Посидели бы, потолковали... Все лучше, чем на морозе плясать.

— А в чем дело? О чем толковать-то? — подозрительно спросил Геша.

— Ну о чем можно толковать с ментом, дорогой Геннадий Данилович? Уж, верно, не об искусстве. Что, не хотите пачкать мной салон? Тогда вылезайте, вместе мерзнуть станем.

— Впустите его, Геша, — тихонько сказала Надежда. — Чего уж там! Рано или поздно нам все равно придется объясняться с милицией. Лучше уж сейчас, пока в пробке торчим. Все время сэкономим.

— А если он из тех?..

— Ну, с одним-то вы всяко справитесь!

— Ладно, служивый, садись, — сказал Геша в окно и потянулся, чтобы разблокировать дверцу.

Носач моментально обогнул машину и скользнул на переднее сиденье. Гаишник тут же вернул шоферу документы и жестом разрешил двигаться дальше, из чего Надежда заключила, что в случае Гешиного упрямства им бы устроили проверку по полной программе, вплоть до обыска в салоне. Человек в штатском развернулся, одарил Надежду и Эдика сияющей улыбкой и манерно приподнял ушанку над кучерявым венком волос, обрамлявшим бледную плешь.

— Приветствую вас, прелестная Надежда Валентиновна! И вас, высокочтимый Эдуард Карлович! Счастлив видеть вас обоих в добром здравии. Признаюсь, вы заставили нас изрядно поволноваться... Ах да, позвольте представиться: Халецкий Борис Семенович, старший оперуполномоченный уголовного розыска. В числе прочего ищу убийц Василия Козловского и Ирины Морозовой. — В этом месте лысый фигляр сделал многозначительную паузу. — И в данной связи мечтаю выслушать захватывающую повесть о ваших недавних приключениях. Дабы вы не поддались соблазну гм... затушевать или, напротив, приукрасить истину, спешу предупредить: мы буквально напичканы сведениями из независимых источников. Нам известно о том, что Ирен в свой последний день приезжала к вам, Эдуард Карлович, и о том, как вы стали счастливым обладателем записок без вести пропавшего Мыколы. Известно о частном расследовании, которое вы решили предпринять совместно с очаровательной Надеждой Валентиновной, и о покушении на сожителя Ирен Петра Кронина, коему вы стали свидетелями. — Тут Халецкий внезапно оставил свой преувеличенно-куртуазный тон. — Кстати, он жив?

— Жив, — коротко ответил Эдик, так и не решив, стоит ли ему включиться в игру, предложенную опером, или это чревато опасными последствиями.

— В общем так, дамы и господа: если хотите избежать неприятностей, выкладывайте все начистоту. Вы достаточно долго чинили препятствия следственному процессу, так что неприятности мы вам при желании обеспечим. И если лично вам угрожает не более, чем нервотрепка, то вашему другу-доктору не поздоровится по-настоящему. С другой стороны, я великодушен и незлобив, поэтому охотно все прощу и забуду... если обнаружу вашу искреннюю и горячую готовность помочь следствию.

Эдик и Надежда безмолвно посовещались, обменявшись взглядами, и вынесли решение в пользу сотрудничества с властями.

— Кто будет говорить? Ты? — спросила Надежда.

— Один? У меня язык отсохнет. Давай по очереди.

Они говорили долго. «Мерседес» дополз до Ярославского шоссе и дальше покатил гораздо бодрее. Когда пришла пора съезжать с Кольцевой, осталось досказать совсем немного. Надежда подала Геше знак тормознуть у обочины и торопливо закончила рассказ:

— В общем, что-то у меня не сходится. Я уже начинаю думать, что в Питера стрелял человек, не имеющий никакого отношения к истории с денежным мешком. Меня не покидает ощущение, будто в словах Питера о черном ангеле — Ирен заключен вполне рациональный смысл. Во всяком случае, во всех остальных его словах он присутствовал. И даже в сказке про светлого ангела. Это он меня имел в виду. Я подбежала сразу после выстрела, нагнулась над ним. Шуба у меня белая, волосы светлые, да еще лампа сверху их подсвечивала. И именно ко мне Питер обратил просьбу насчет сына, только я ее тогда не поняла. Словом, если бы Эдик не сказал мне, что у Ирен никого из родни, кроме мужа и сына, не осталось, я бы предложила вам поискать ее сестру... или другую похожую на нее родственницу.

— Почему же не осталось? — спросил Халецкий и задумчиво потерел нос. — Разве Лизавета вам не говорила?.. У Ирен есть очаровательная дочурка осмнадцати годов от роду.

— Но... Но это... Не может быть! — разродился наконец Эдик. — Мы с Ирен были друзьями. Она рассказывала мне о детстве, о Лиске, об учебе в институте, о бывшем муже, о смерти мамы, о знакомстве с Петей — обо всем... Но ни разу — ни разу! — даже не упомянула о том, что у нее есть дочь.

— Ну, полагаю, воспоминания о дочери не приносили Ирен большой радости. Дело в том, что около двенадцати лет назад милое дитя предприняло вполне, я бы сказал, осознанную попытку убить маму. Похоже, за эти годы дитячко поднабралось опыта...

25

Еще не проснувшись окончательно, Людмила поняла, что заболела. Голова налита чугуном, тяжестью, горло словно наждаком терли, в глазах резь. Значит, не помогли ни коньяк, ни сауна, ни теплое молоко перед сном. Что неудивительно. Сколько она брела босая, практически раздетая, по снегу, пронизываемая ветром? Полчаса? Час? Когда ярко-красный «рено», ехавший навстречу по другой стороне дороги, с визгом развернулся и остановился рядом, Людмила уже не чувствовала ни ног, ни рук, ни ушей.

— Милочка, вы с ума сошли?! Быстро в машину! — Тетка, сидевшая за рулем, едва ли не силой втащила ее в салон. — Снимайте немедленно

мокрое! Погодите, у меня где-то был коньяк... Ага, вот он. Выпейте. Да пей, черт тебя побери! Вот так. Теперь скидывай все с себя, налей в горсть коньяк и начинай растираться. Ты — верх, я — низ. Давай ногу. Три как следует, не жалей себя. Заодно и руки согреешь.

Когда с процедурой растирания было покончено, добровольная сестра милосердия завернула пациентку в плед и спросила:

— Что у тебя стряслось?

Людмила не знала, что отвечать, и сочла за лучшее заплакать.

— Ну-ну, полно тебе! — спасительница обняла ее и погладила по голове. — Все уже позади. Отвезти тебя к врачу? Или, может, в милицию?

Людмила отчаянно помотала головой и заплакала еще горше.

— Та-ак, понятно, — пробормотала тетка. — Тогда скажи, куда тебя отвезти.

Ответом ей были судорожные рыдания.

— Очень хорошо. Значит, едем ко мне.

В дороге она болтала, не умолкая, — видно, хотела отвлечь свою пассажирку от мыслей о пережитом. А Людмила исподтишка ее разглядывала.

Немолодая — лет сорок пять, не меньше. Острые черты лица, небольшой перебор с косметикой. На голове — такой короткий ежик, что и не разберешь, какого цвета волосы. Фигура вполне ничего, хотя, пожалуй, чересчур худая. Руки — маленькие и высохшие, похожие на птичьи лапки — унизаны дорогими перстнями. Обручального кольца нет. Судя по всему — одна из тех богатых, уверенных в себе баб, что предпочитают мужьям любовников.

— ...А вообще-то я страшная индивидуалистка, — говорила между тем тетка низким прокуренным голосом. — Слава богу, теперь это, скорее, достоинство, чем порок. Свободная, самодостаточная, состоятельная женщина — звучит почти как синоним слову "счастливая", ты не находишь? Могу позволить себе все, что хочу, а хочу я, в общем-то, немного. Надежно отгородиться от вездесущей толпы тупых вонючих козлов и баранов, допускать к себе лишь немногих избранных, которые не вызывают у меня желания хвататься за автомат. Я даже фирмой своей руковожу из запертого кабинета с отдельным входом. Отдаю распоряжения исключительно по телефону или через секретаря — она единственная имеет доступ в святая святых. Общение с клиентами и чинушами полностью переложила на замов, которых выбирала долго и придирчиво. С одной стороны, чтоб была голова на плечах, чтобы умели принимать решения самостоятельно. С другой — чтобы не вздумали затеять у меня за спиной собственные игры. Для гарантии поддерживаю в них дух здорового соперничества — пусть приглядывают друг за другом, мне спокойнее.

В общем, на работе я себя оградила, а это самое сложное. Изолироваться в частной жизни — пара пустяков. Собственный дом, прислуга, приходящая только в мое отсутствие... Дом, разумеется, за городом, на московский особняк пока не накопила. Нет, наверное, уже накопила, просто не хочу жить в Москве. Она меня душит, всегда душила... Странно, я коренная москвичка, а родной город не выношу. Ты как: не против пожить за городом?

Людмила помотала головой.

— Не оклемалась еще?

— Почти оклемалась. Спасибо, — сипло ответила Людмила.

— Тогда давай знакомиться. Валерия. Ты можешь взять псевдоним, если хочешь. Мне нет дела до твоего настоящего имени, но нужно же как-то обращаться друг к другу. Так как прикажешь тебя называть?

— Даша.

— Ну и отлично. Премиленькое имя. Все, Даша, мы приехали.

Потом были сауна и теплое молоко на ночь. Только они не помогли. Болезнь притаилась в засаде и взяла свое, когда Людмила заснула. Вообще-то в этом было свое преимущество. Людмила получила тайм-аут. Валерия не выставит ее, больную, из дома и не будет приставать с расспросами. А если все-таки пристанет, можно потерять голос. Ей, Людмиле, необходимы два-три дня покоя, чтобы подумать, как быть дальше.

Однако тяжесть в голове, боль в горле и ломота во всем теле не способствуют мыслительному процессу, а задача, которую Людмиле предстояло решить, требовала самой интенсивной работы серых клеточек. Если решение не найдется, ей конец. Оценить масштабы катастрофы она могла даже в теперешнем состоянии.

Где, в какой момент подлая судьба подставила ей ножку? Почему все пошло наперекосяк? Ведь у нее был такой замечательный, такой безупречный план!

Людмила едва не сошла с ума, когда узнала, что Эта Тварь завела хахалю и ждет ребенка. Светлана Георгиевна, видя, что проверенная годами методика приведения нервов в порядок внучке не помогает, переполошилась и начала наводить у знакомых справки о психиатрах. Но все обошлось. В конце концов травы, гимнастика и контрастный душ сделали свое дело. Людмила взяла себя в руки и начала думать. Ей было всего шестнадцать лет, но недостаток жизненного опыта вполне компенсировала острота ума.

Итак, дано: женщина, много лет назад отказавшаяся от дочери и счастливо живущая с недавно обретенным любовником в ожидании нового ребенка. Требуется: помирить женщину с дочерью, заставить ее заботиться

о некогда брошенной девочке не только до, но и после совершеннолетия последней.

Как этого добиться? Сделать так, чтобы мать испытала острую нужду в дочери. Устранить каким-то образом любовника и подставить плечо, когда надломленная душевно и физически (роды!) женщина останется одна с младенцем на руках. Конечно, Людмиле не слишком улыбалось мыть задницу вонючему ублюдку, но ради обеспечения своего будущего она была готова на жертву.

Оставался небольшой вопрос: как устранить хахаля? Простейшее решение: поссорить их с Этой Тварью. Покопаться в его прошлом, откопать какую-нибудь грязную историю и подстроить, чтобы мать о ней услышала. В том, что такая история найдется, Людмила не сомневалась. У нее у самой, несмотря на нежный возраст, уже завелась пара-тройка скелетов в шкафу.

Прежде всего следовало взглянуть на хахаля. Людмила, меняя одежду, раскраску, прическу и солнцезащитные очки, вела наблюдение за подъездом матери. И скоро объект попал в поле зрения. Он оказался симпатичным и довольно молодым мужиком — моложе матери лет на пять, прикинула Людмила. Прилично одет, на руке — дорогие часы, ездит на иномарке — пусть не роскошной, но все-таки. Спрашивается: что может привлекать молодого симпатичного мужчину в старой высохшей калоше, отдаленно напоминающей женщину? Ответ: естественно, деньги. Хахаль явно себя любит, привык себя баловать, а Тварь зарабатывает вполне прилично, чтобы утолить его аппетиты. Когда этот альфонс появился на ее горизонте? Сравнительно недавно. Едва ли до этого он зарабатывал себе на жизнь тяжелым трудом. Стало быть, нужно поискать женщину, которая его содержала. А потом устроить так, чтобы та познакомилась с матерью (прибегнуть к старому доброму анонимному звонку или письму) и объяснила Этой Твари, кого она пригрела на своей груди.

Следить за альфонсом оказалось не так-то просто. Перемещался пешком он только в обществе Твари (она, по-видимому, не переносила езды на машине), а все остальное время раскатывал на своей «тойоте». Людмила в то время еще не умела водить машину. Пришлось кое-кому подлизаться.

Кое-кто в первый же день довел «тойоту» до стеклянной многоэтажки — офисного здания, приютившего десятки фирм и организаций. Альфонс скрылся в недрах вестибюля раньше, чем Людмила успела выскочить из машины, поэтому узнать, куда он направил стопы, ей не удалось. Кроме того, в вестибюле сидел охранник и спрашивал у посетителей пропуска, так что побродить по зданию в надежде случайно наткнуться на объект тоже не представлялось возможным.

Но Людмила не отчаивалась. Устроила наблюдательный пост в уличном кафе у подножия стеклянной башни и через три дня получила, что хотела.

Альфонс вылез из машины, поднялся по ступенькам и столкнулся с молодым хлыщом в стильном деловом костюме. Они пожали друг другу руки, отошли от двери и обменялись десятком фраз. Каких — Людмила не слышала, да это и не имело значения. Когда Альфонс скрылся в здании, а Хлыщ сбежал по ступенькам, она уже стояла у подножия лестницы.

— Извините, пожалуйста, мне очень нужна ваша помощь! Могу я пригласить вас на чашку кофе?

Отчаянная мольба и беспомощность во взоре, смазливая мордашка и отличная фигурка гарантировали ей успех. Хлыщ помялся, потом бросил быстрый взгляд на часы и спросил с сильным акцентом:

— Это срочно? Я имею всего несколько минут. Может быть, мы встречаемся вечером?

— Больше получаса я у вас не отниму. Но если у вас нет времени... — Людмила кинула на своего визави взгляд воспитанной девицы, пытающейся скрыть разочарование.

— Нет-нет, полчаса нормально.

Они устроились за столиком. По пути Людмила сказала девушке, скупающей за стойкой, чтобы им принесли кофе, и, когда его принесли, приступила к изложению своей легенды.

— Человек, с которым вы сейчас столкнулись на лестнице, — любовник моей матери. У мамы в последнее время серьезные проблемы — критический возраст, понимаете? Она немного свернулась на почве секса. Честно говоря, совсем слетела с катушек. Предыдущий бойфренд обокрал ее до нитки и смылся. До этого вообще был какой-то маньяк... Я очень тревожусь за нее. А мама злится. Говорит, что она взрослая женщина и никому не позволит вмешиваться в свою личную жизнь. Ее, конечно, можно понять, но... Мне было бы спокойнее, если бы я знала, с кем она связалась на этот раз. Не поймите меня неправильно, я вовсе не хочу опорочить вашего знакомого, но при ее патологическом невезении на мужчин...

Глаза хлыща загорелись.

— Знаете, а ведь Питер действительно имеет какой-то секрет. Нет-нет, я не думаю, что он преступник или еще в таком типе! Но секрет есть. Один раз он упомянул, что изучал экономику в Принстоне. Обычно он не имеет желания рассказывать о себе, отклоняется от вопросов о его прошлом. Когда Питер э... проболтал это, один из наших сотрудников с интересом открыл сайт Принстонского университета, отыскал список постгра... выпускников. Питера не было среди них. Мы начали шутить над ним, спрашивали, кто заслал его в Россию и с какой миссией, а он неожиданно рас-

сердился. Сказал, что он действительно заканчивал Принстон. Если угодно, мы можем сделать запрос в университет. И еще он сказал: «Отстаньте от меня наконец! Моя жизнь есть мое личное дело».

После того случая мы поделились на два лагеря. Одни настаивают, что Питер — это шпион ЦРУ, другие говорят, что ЦРУ взяло бы заботу внести его фамилию в списки выпускников. Они полагают, что он попал под закон о защите свидетелей. У них в американской системе правосудия...

— Я знаю, что такое программа защиты свидетелей, — перебила его Людмила, — Спасибо большое, вы очень мне помогли. Только умоляю: пусть наш разговор останется между нами. Я не переживу, если до матери дойдут слухи, что я шпионю за ее возлюбленным.

Полученные сведения были интересны, но Людмилу не устраивали. Не исключено, конечно, что любовник Этой Твари — бывший мафиози, предавший своих сообщников, но выяснить это можно только в Америке, да и то вряд ли. И потом, всем известно: влюбленная дура способна простить своему мужику что угодно, кроме шашней с другими дурами. Поэтому единственный надежный способ поссорить мать с Альфонсом — уличить его в измене. Людмила вооружилась фотоаппаратом и возобновила слежку за Питером, надеясь поймать его во время свидания с какой-нибудь роскошной герлой.

Но Альфонс — кто бы мог подумать? — вел себя безупречно. Водил беременную Тварь на прогулки, покупал ей цветы и фрукты, из дома уезжал только на работу. Кстати, и альфонсом-то его нельзя было назвать. Этот тип зарабатывал вполне прилично и тратил не больше, чем зарабатывал.

Время шло, родился Ублюдок, Хахаль ловко изображал из себя идеального мужа и отца. Людмилу все больше охватывало отчаяние. Впереди, неуклонно приближаясь, маячило совершеннолетие, а она по-прежнему не знала, как ей подступиться к Этой Твари.

В конце концов она пришла к выводу, что остался единственный шанс — темное американское прошлое Хахаля. Перед выпускными экзаменами Людмила заявила бабушке, что не чувствует себя достаточно подготовленной для поступления на филфак и с целью изучения английского намерена поехать в Америку. За месяц ей удалось подавить сопротивление Светланы Георгиевны и склонить ее на свою сторону. После этого вопрос был решен. Никто из домочадцев не способен противостоять бабушке больше трех раундов.

Поездка из Чикаго в Принстон и оплата услуг частного сыщика съела все Людмилины средства, хотя работать этому выжиге практически не пришлось. Много ли усилий нужно, чтобы со снимком, предоставленным клиенткой, обойти старых преподавателей экономического факультета и узнать

имя студента? А Людмила потом два месяца вкалывала беби-ситтером — пестовала двух омерзительных соплячек трех и пяти лет.

Но она ни о чем не жалела. Полученная информация искупала все неудобства, которые ей пришлось вынести. И даже больше того. Любовник матери оказался настоящим крезом, торговым магнатом, входящим в первую сотню самых богатых бизнесменов Америки. Десять лет назад он вдруг исчез со страниц светской хроники — после грандиозного скандала, разразившегося вокруг автокатастрофы, подстроенной его женой. Жена что-то там не рассчитала и погибла в аварии, а Питер О'Нейл выжил и стал затворником. Репортеры еще долго пытались к нему пробиться, выяснить что-нибудь через слуг, но раз за разом терпели фиаско и в конце концов отступились.

Новость была настолько потрясающей, что Людмила не сразу сообразила, какую выгоду из нее можно извлечь. Сначала ей не пришло в голову ничего лучшего, как продать какой-нибудь желтой газетенке историю о дальнейшей жизни торгового магната. За такую сенсацию они наверняка отвалили бы ей тысяч десять, если не больше. И только спустя несколько дней до нее дошло, насколько жалки эти десять штук в сравнении с сотнями миллионов Хахаля.

А ведь у нее есть возможность получить все! Если Хахаль сыграет в ящик, наследником миллионов станет Ублюдок. А ближайшая родственница Ублюдка — она, Людмила. Правда, мать приходится ему еще более близкой родственницей, и с Этой Твари станется подстроить дочери какую-нибудь пакость — например, завещать все собачьему приюту или Русской православной церкви. Судись потом с ними! Нет, ее надо убрать первой, следом — Хахаля. Потом можно будет подумать, как поступить с Ублюдком — сразу отправить вслед за мамой с папой или добиться опеки и немного погодить. Лучше, наверное, погодить, чтобы мотив не просматривался. Взрослых убивают по сотне разных причин, не то что маленьких детей. Если ребенка убрать сразу после родителей, кто-нибудь непременно задастся вопросом: кому выгодно? И получит правильный ответ.

А если гаденыша не трогать, то, скорее всего, ее, Людмилу, никто не заподозрит. С Этой Тварью она не общается с пяти лет, с Хахалем ее вообще незнакома. Хахаль, похоже, скрывает ото всех, кто он такой. Может, даже Твари не признался. Вряд ли русские менты станут землю рыть, раскапывать его биографию. Ну кокнули какого-то американца, никому не интересного экономического обозревателя, и что с того? Если мотивы убийства лежат в американском прошлом жертвы, то пусть американцы с ними и разбираются. А те, естественно, спишут все на русский бандитизм.

Правда, наверняка ничего предсказать нельзя. Возможно, фамилия О'Нейла все-таки всплывет в ходе расследования — вместе с его миллионами. Тогда Людмила попадет под подозрение. Но пусть попробуют доказать, что она знала, кто он такой. Пусть докажут, что она знала хотя бы о существовании материного любовника. Даром, что ли, она соблюдала всяческие меры предосторожности, когда вела слежку? Меняла внешность, подцепляла совершенно посторонних лопухов с машинами, плела им разные байки, уговаривая покататься за «тойотой». Она даже сыщика в Америке нанимала заочно и расплачивалась с ним кэшем — через посыльного. Оттого-то, наверное, этот вшивый Пинкертон и содрал с нее безумные деньги за полдня работы. А молодой коллега Хахаля, Хлыщ, которого она когда-то поила кофе, давно свалил в свою Австралию. Это Людмила знала точно, потому что на всякий случай крутила с ним любовь до самого его отбытия на родину.

Но, дабы обезопасить себя полностью, нужно выбрать такой способ убийства, обеспечить себе такое алиби, чтобы и у самого подозрительного из ментов не осталось никаких сомнений в ее невинности. Людмила вернулась в Россию и начала разрабатывать план.

Проще всего дела обстояли с алиби. Его должны были обеспечить «золотые» мальчики и девочки, с которыми она водила компанию. Время от времени кто-нибудь из предков мальчиков и девочек сваливал на недельку к морю или на горнолыжный курорт. В освободившейся квартире устраивали многодневную оргию — море дринка, море кайфа, море лава. На вторые сутки веселья юные прожигатели жизни и под дулом пистолета не восстановили бы в памяти подробности сейшена, но никакая сила не заставит их признаться в этом милиции. Чтобы до любящих предков дошло, как их чада развлекаются на свободе? Чтобы маменьки с папеньками забегали по наркологам и перекрыли чадам кислород, лишив их денег на карманные расходы? Нет уж, увольте! Можно держать пари: любой из участников сейшена посмотрит в лицо следователю ясным прямым взором и твердым голосом заверит, что в упомянутое время Людмила веселилась на вечеринке на глазах у десятка-другого гостей. И будет стоять на своем до последнего.

Теперь способ устранения. В Чикаго Людмиле пришлось сесть за руль — иначе по улицам без тротуаров добраться с детьми до парка было просто невозможно. В России о том, что она водит машину, не знала ни одна живая душа. До восемнадцати лет водительские права у нас не выдают. Правда, многие учатся ездить на родительских авто, но у Людмилы в семье машины никогда не было — дед и отец не различали красный и зеленый цвета, а бабушкины воззрения сложились в те времена, когда женщина за рулем считалась немыслимой экзотикой. Если Эта Тварь погибнет под колесами,

никому не придет в голову, что машину вела Людмила. Способ убийства не слишком надежный, но, если подстеречь Эту Тварь в пустынном месте и пару раз проехаться по телу, шансов выжить у нее не останется. Где взять машину? Да у одного из тех мальчиков, что будут накачиваться дурью в свободной от предков квартире. Добрые папы многим из них преподнесли к совершеннолетию ключи от личного транспорта. За несколько дней оргии машину можно не только дочиста отмыть в автомойке, но и реставрировать у какого-нибудь расторопного и не слишком любопытного автослесаря, если останутся вмятины.

Но для устранения Хахаля этот способ не годился. Слишком редко он ходил пешком, а когда ходил, то, в отличие от Этой Твари, предпочитал людные улицы. Придется выбрать другое орудие убийства. Наверное, проще всего воспользоваться пистолетом. Быстро, надежно (если стрелять с близкого расстояния) и не очень типично для юной барышни из интеллигентной семьи, никоим образом не связанной с огнестрельным оружием. Правда, раздобыть пистолет не так-то легко, но Людмила знала, где искать. К ней давно клеился один идиот, работающий кладовщиком в магазине «Системы безопасности». Как и все молодые придурки, он был завернут на оружии, непрестанно хвастал доверенным ему арсеналом, приглашал Людмилу зайти как-нибудь к нему на работу, полюбоваться всякими «глоками» и «береттами». Уверял, что без проблем договорится с охранниками, и ее пропустят на склад. Что ж, она воспользуется приглашением. Воспользуется не раз и не два, чтобы охранники привыкли к визитам подружки кладовщика и не обращали на нее внимания. Однажды ей представится удобный случай, и она незаметно стянет какую-нибудь «беретту». Отчистит от смазки, использует по назначению, потом снова смажет и аккуратно положит на место. Никто никогда не догадается искать орудие убийства среди новехонького оружия в заводской упаковке.

Казалось, в плане нет ни единого изъяна. И поначалу все складывалось прекрасно. Дашкины родители укатили в субтропики, и она тут же созвала всю шатию-братию. Людмила отпросилась у бабушки на целых три дня, пообещав ежедневно звонить. В первый же день компания в полном соответствии с планом унеслась в заоблачные выси, Людмила позаимствовала у одного из торчков ключи от машины, незаметно выбралась из гнезда разврата, поехала к дому Этой Твари и устроила засаду возле глухой аллеи, по которой мать имела обыкновение возвращаться с работы. Ждать пришлось дольше, чем она рассчитывала, Людмила начала опасаться, что Эта Тварь сегодня пошла домой другой дорогой, но она в конце концов появилась. Вокруг не было ни прохожих, ни машин, и Людмила исполнила задуманное

с легкостью. Эта Тварь даже не пыталась отскочить в сторону, до последней секунды не подозревая, что машина за спиной мчится по ее душу.

Первые признаки беспокойства Людмила начала испытывать, когда бабушка заговорила о наследстве. Нет, она, конечно, знала, что милиция будет проверять версию убийства из корысти, но, выяснив заранее, что квартира матери не приватизирована, успокоилась. У нее даже мысли не мелькнуло, что существуют женщины, способные не растрачивать на себя все заработанные деньги, а откладывать часть в кубышку. Если Эта Тварь так и поступала, менты сочтут, что у Людмилы имелся вполне весомый мотив. Какая злая ирония! Убить ради сотен миллионов и быть заподозренной из-за жалких нескольких тысяч!

Не без труда Людмила уговорила себя, что беспокоиться не о чем. Никто точно не знает, остались деньги или нет. И уж меньше всего на этот счет осведомлена Людмила, с которой Эта Тварь не поддерживала никаких отношений. А убивать ради денег, не зная, существуют ли они в природе, — верх идиотизма. Это даже менты должны понимать.

Но потом план начал давать серьезные сбои. Людмила собиралась подстеречь Хахаля в тамбуре подъезда, предварительно разбив там лампочку. Риск в этом случае сводился к минимуму. Вошел человек, столкнулся с кем-то впотьмах, бах — и нет человека. Промаяхнуться, стреляя в упор, невозможно, но на всякий случай лучше сделать контрольный выстрел в голову. Вся операция займет не больше нескольких секунд, выход — рядом, и никаких свидетелей. Если Хахаль войдет не один, — пройти мимо и вернуться на следующий день. Просто и надежно, но — не получилось. Людмила провела в темном тамбуре два вечера, вздрагивая каждый раз, когда открывалась дверь, и пристально всматриваясь в фигуру, возникающую в сером прямоугольнике проема, но О'Нейл так и не появился. Возможно, он выходил днем, но днем на улице светло, и любой входящий в подъезд сразу увидит притаившуюся в тамбуре личность. Кто-нибудь может заинтересоваться, что эта личность здесь делает, и запомнить, как она выглядит. Торчать в проклятом тамбуре по вечерам до морковкина заговенья Людмила не хотела. Мало того, что занятие это нервное и утомительное, так еще с каждым разом возрастает риск привлечь чье-нибудь внимание. Да и О'Нейл сразу после похорон Твари может смыться в свою Америку.

Она придумала другой план, чуть более рискованный. Подняться на лифте на четвертый этаж, оставить дверь лифта открытой, позвонить в дверь, застрелить Хахаля, сесть в лифт и уехать. Есть небольшой риск, что кто-нибудь из соседей в самый неподходящий момент решит вынести мусор, но у него не будет времени как следует разглядеть Людмилу. Скорее всего, не

успеет он сообразить, что произошло, как она уже будет в лифте. А для страховки можно надеть маску.

С осуществления этого замысла и началась полоса невезения. Каким-то торопыгам не хватило терпения дожидаться лифта, и они поперлись наверх пешком. Из-за них у Людмилы не было времени выстрелить второй раз, пришлось спешно спасаться бегством. Она всю ночь стучала зубами, гадая, отправила ли Хахалю к праотцам, нет ли, и только под утро забылась тревожным сном, подумав, что выяснит все на похоронах Этой Твари. Но на похоронах папаша не позволил ей потеряться в толпе, послушать разговоры, а потом отказался ехать на поминки.

Домой Людмила приехала на грани истерики. Спасибо, бабушка надумила, что нужно делать. На поминки Людмила все-таки попала. Но что толку? Никто из сотрудников матери понятия не имел, что стало с Хахалем. Елизавета, соседка Этой Твари, которая уж точно должна была знать, жив О'Нейл или нет, почему-то не явилась ни на похороны, ни на поминки.

Все это наводило на самые тревожные мысли. В любом случае — мертвы ли Хахаль, ранен ли — должен был подняться невообразимый шум. Соседка обязана была позвонить сотрудникам матери, рассказать им о покушении на Хахалю. Почему она этого не сделала? Что произошло?

Людмила терялась в догадках, нервы не выдерживали напряжения. Ночные кошмары принесли новое осложнение: бабушка буквально извела ее заботой, не оставляя ни минуты на размышления, не говоря уже о действиях. На следующую ночь Людмила была вынуждена оглушить себя снотворным.

А потом эта поездка к Елизавете, которая еще больше все запутала. Как объяснить ее внезапное исчезновение? Как объяснить исчезновение О'Нейла? Почему его не оказалось ни в одной из больниц и ни в одном из моргов города? А тут бабушка совсем уж некстати начала фантазировать насчет безумных денег, якобы скопленных матерью, и злодейского убийства Елизаветы, якобы совершенного сожителем Этой Твари. Когда Светлана Георгиевна додумалась до необходимости срочного похода в милицию, на Людмилу нашло затмение. Как она взорвалась! На секунду ей показалось, что она сейчас прикончит бабку. Людмила сама себя испугалась, оттого и побежала... Навстречу убийце в элегантном пальто.

Если нами правит какая-то высшая сила, то у нее на редкость извращенное и неприятное чувство юмора. Только им можно объяснить, что в игру, затеянную Людмилкой, впутались два негодяя, которые — подумать только! — тоже охотились за деньгами. За совершенно другими деньгами, но в то же самое время и, главное, примерно на той же территории. И цепочка идиотских совпадений привела к тому, что Людмила попала к ним в лапы.

Без разницы, договорились бы они все-таки убить ее или оставить в живых. Вполне достаточно того, что ее намеревались допросить под наркотиком. Людмила как на духу выложила бы им всю правду про убийство матери и миллионы О'Нейла. Один дьявол знает, к каким последствиям это привело бы, но уж точно не к приятным — во всяком случае, для Людмилы. Она не собиралась становиться игрушкой в чужих руках.

Ей повезло, она ускользнула от них и даже не покалечилась, прыгнув с четвертого этажа. Но что теперь? Вернуться домой она не может. Во-первых, негодяи, от которых она удрала, конечно, обнаружили «жучок» и приемник. Она слышала достаточно, чтобы сильно испортить им жизнь, и они наверняка захотят ликвидировать возможный источник неприятностей. Во-вторых, бабушка, скорее всего, уже побывала в милиции и подкрепила просьбу разыскать пропавшую внучку своими байками о деньгах. В милиции теперь уверены, что у Людмилы был замечательный мотив для убийства, и ее исчезновение — лишнее свидетельство в пользу ее вины. Они рассмотрят ее алиби под микроскопом, и кто знает, что им удастся разглядеть...

В-третьих, О'Нейл, по-видимому, все-таки выжил. Не очень понятно, как ему это удалось (Людмила стреляла прямо в сердце с расстояния в двадцать сантиметров), но чем иначе можно объяснить мертвое молчание относительно его участи? Допустим, это милицейские игры, призванные выманить убийцу. Но милицию-то должен был вызвать кто-то из соседей, а это значит, что весь подъезд в курсе. Не могла же десятилетняя соплюшка, дочь Елизаветы, так мастерски играть роль? Нет, не могла. Логичнее допустить, что пуля попала в какой-нибудь медальон или во что-нибудь этакое. О'Нейл выжил и спрятался, опасаясь повторного покушения.

А если он выжил, то теперь расскажет о своих миллионах и опишет внешность стрелявшего. Маска маской, но глаза у Людмилы не были закрыты. Та черноволосая коротышка сказала, что глаза у Людмилы такие же, как у матери. И, судя по траурной фотографии, висевшей в холле, не наврала. Надо же было так опростоволоситься! Явиться к любовнику матери с пистолетом и оставить открытой единственную часть лица, которую он узнает с первого взгляда. Помимо глаз, Людмила не унаследовала от матери ни одной черты. Знала бы — нацепила бы вместо маски темные очки.

Знала бы... Эх, что теперь причитать. Нужно думать, как выпутаться.

Дверь в комнату открылась, и перед Людмилой предстала Валерия с подносом в руках.

— Ну, как ты, Дарья? Жива? Ох! Вижу, не очень. Есть-пить-то сможешь?

Людмила печально покачала головой и показала на горло.

— Это мы сейчас поправим. Я тебе одну сосалку дам, она живо голос вернет и глотать позволит. Погоди-ка. — Она стремительно вышла и через минуту-другую вернулась с упаковкой пастилок для горла. — Держи. Дососешь — выпьешь чаю. При ангине нужно много пить.

Валерия забрала с подноса чашку кофе и скрылась в глубине дома. Потом появилась с двумя чайниками и чистой чашкой. Налила заварки, разбавила кипятком, положила кружок лимона.

— Погоди. Пусть немного остынет.

Людмила кивнула, попытавшись выразить взглядом горячую благодарность. Валерия села к ней на постель.

— Я хотела с тобой поговорить, Дарья. Не дергайся, выслушай сначала. Как я понимаю, у тебя серьезные неприятности. Я не собираюсь выпытывать какие, но помочь могу. Я богата, у меня большие возможности. Хочешь, сделаем тебе новые документы и даже подновим внешность. А если все не так плохо, как я предполагаю, просто поживи пока у меня, разберись в себе, подумай, что будешь делать дальше.

— Зачем вам это нужно, Валерия? — От удивления Людмила совсем забыла, что потеряла голос. — Вы же сами назвали себя индивидуалисткой, говорили, что не терпите постороннего присутствия в доме...

Валерия ухмыльнулась.

— Нравишься ты мне очень.

Эта ухмылка и взгляд, которым она окинула Людмилу с головы до пят, не оставляли сомнений насчет того, что именно подразумевалось под словом «нравишься».

— Ну-ну, я же тебя ни к чему не принуждаю, — насмешливо сказала Валерия, глядя на перекошенное лицо девушки. — У тебя полная свобода выбора. Если хочешь, можешь поискать другое убежище. Правда, я не уверена, что тебе попадутся столь же снисходительные покровители, но попытка — не пытка, верно? И, в конце концов, это будут уже не мои проблемы.

«Боже, как же я сразу не разглядела в ней первостатейную стерву? — ужаснулась про себя Людмила. — У нее же все на лбу крупными буквами написано».

— Но коли решишь остаться, давай договоримся сразу: ты свой выбор сделала, и обратного хода нет. Я тебя покупаю, и плата тебе известна. Попытаешься со мной в игры играть, раздавлю, как вошь. Из-под земли до стану, если что. Впрочем, когда ты узнаешь, какая у меня репутация, желание натянуть мне нос пропадет у тебя само собой. В общем, думай. Торопить не буду, до завтра подожду.

Она поднялась, вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Людмила лежала и безуспешно сражалась с паникой. Если она останется... Перед глазами замелькали кадры из фильмов, которые не принято смотреть в компании взрослых. Ее затошнило. Нет, невозможно!

Но куда она уйдет? Искать других покровителей? Эта сука права: можно на такое нарваться!.. Положиться на судьбу и отправиться домой? Трястись и ждать, когда за ней придут с ордером на арест? Или выпустят пулю из-за угла? Ждать нищеты, которая вот-вот обрушится на ее семью? Смотреть по ночам кошмары?

Людмила провела ладонью по шелковой простыне, обвела взглядом шелковые обои, комнату, обставленную, как картинка с обложки дорогого журнала. Здесь она будет защищена и от сумы, и от тюрьмы. Она получит все тряпки и драгоценности, о которых мечтала, но которых не могла себе позволить. Эта Сука сделает ей новые документы и, возможно, оплатит учебу в университете. Они будут ездить на шикарные курорты, знакомиться с шикарными людьми. Когда-нибудь Людмила присмотрит себе подходящего мужа и тогда сразится с Валерией за свою свободу. Подумаешь, репутация у нее! У Людмилы пока нет никакой репутации, но какие ее годы! Вряд ли Эта Сука в ее, Людмилином, возрасте могла похвастать особой крутизной. А Людмила, пожалуй, может.

«Мы еще посмотрим, кто кого раздавит!»

26

Пролетая в очередной раз мимо зеркала, Надежда боковым зрением поймала свое отражение, остановилась и засмеялась. Ведьма, ну чистая ведьма! Мокрая, волосы всклокочены, в руках — щетка на длинной палке, в глазах — шальные бесенята. А какой триумфальный вид! Можно подумать, что водоворот событий, круживший Надежду с того самого понедельника, когда она впервые увидела разгадку, — дело рук зазеркальной ведьмочки. Наварила магического зелья, поболтала в котле своей щеткой, и, выкрикивая заклинания, расплескала варево, накликав ураган, подобно злой волшебнице из детской сказки. Только волшебница из зеркала — не злая. Скорее, это Маленькая Баба-Яга из другой сказки. Или вообще добрая фея-крестная. И буря, которую она наколдовала, — добрая.

— Пусть сильнее грянет буря! — провозгласила Надежда, снова принимаясь за уборку.

Собственно говоря, новая буря была ей уже ни к чему. Прежняя разметала все тучи и даже мелкие облачка, омрачавшие жизнь Надежды в последние годы. К примеру, скандал, который Надя закатила Вязникову по поводу его беспардонного исчезновения на целых пять лет, принес ей дав-

но забытое умиротворение. Эдик представил объяснение, и это объяснение мигом зарубцевало рану, так долго язвившую ее самолюбие.

— Твое замужество совершенно выбило меня из колеи. Я-то по глупости своей надеялся... впрочем, неважно. Сам виноват. Надо было раньше суесться. Когда ты вышла замуж, я решил благородно уйти в тень, но не получилось. Видать, благородства не хватило. Как я ни клял себя за назойливость и слабоволие, от тебя отстать не мог. Понимал, что ты терпишь меня только из жалости и былой привязанности, и все равно продолжал крутиться рядом. Потом встретил Инку, и стало полегче. Когда мы поженились, она предъявила мне ультиматум: либо ты, либо она. Ревновала очень. Да я и сам боялся, что сравнение с тобой быстро избавит меня от влюбленности...

— А теперь не боишься?

— Теперь не боюсь. Инка — мое произведение, мой шедевр, понимаешь? Я в буквальном смысле слова подобрал ее в подворотне. Меня сразил контраст между ее внешней красотой и внутренним убожеством. Она была невежественным, примитивным подростком со словарным запасом Элочки-людоедки. Нет, хуже. Элочка-людоедка на ее фоне выглядела бы профессором изящной словесности. Инка все больше изъяснялась посредством жестов, гримас и идиотского «гы-гы». И это при внешности принцессы крови! Ты не представляешь, сколько сил пришлось положить, чтобы исправить эту ошибку природы. Точнее, чтобы эту ошибку захотелось исправить ей самой. Дальше дело пошло куда легче. Нам обоим повезло, что я встретил ее, когда она была еще совсем девчонкой. Еще год-другой, и было бы поздно. А теперь она работает на престижные европейские дома мод, поражает тамошних журналистов и аристократов эрудицией, интеллектом и великосветским шармом. У меня захватывает дух, когда я думаю, какое чудо сотворил.

— Все понятно. Очередной Пигмалион. Точнее, доктор Хиггинс. Страсть к прекрасной Элизе Дулитл одержала победу над холостяцкими привычками и привязанностями, в том числе над старой дружбой с бесцветной и неинтересной Надькой Неман.

— Не кокетничай, Надежда. Вряд ли на свете найдется человек, считающий тебя бесцветной и неинтересной. А если и найдется, то, уж точно, не я. Мне страшно тебя не хватало. Не хватало наших пикировок, нашей игры словами, ощущения радости от твоего присутствия. Я вспоминал тебя чуть ли не каждый день. Разве не к тебе я бросился, когда попал в беду?

— Ты бросился ко мне только потому, что твоя «Элиза» отбыла в европы. Вернется, и ты опять забудешь о моем существовании. А не забудешь,

так все равно не решишься набрать номер моего телефона — побоишься гнева ее высочества.

— Не побоюсь. Инка теперь достаточно уверена в себе, чтобы не опасаться конкуренции. Она повзрослела и, похоже, усвоила на собственном опыте, что отношения между мужчиной и женщиной не обязательно определяются притяжением полов. Я намерен познакомить вас поближе, когда она вернется. Спорим, вы подружитесь?

Надежда спорить не стала. Собственно, ей было все равно, подружится она с «Элизой Дулитл» или нет. В любом случае карьера европейской модели не позволит Инне плотно контролировать Эдика, следить, чтобы его отношения с Надеждой ограничивались рамками светских визитов. А Эдику светских визитов недостаточно, он ясно дал понять, что тоскует по их старой дружбе. Словом, это облачко рассеялось без следа.

Унесло и тучу, серьезно пугавшую Надежду. Питер, благодарение Богу, поправился. Сегодня, как раз на католическое Рождество, славный майор медицинской службы Славик выписывает пациента, доставившего ему столько хлопот. Поскольку Мишутка жил у Надежды, забрать Петю из госпиталя и привезти сюда вызвалась Лиска. После работы обещал подъехать Эдик. Они устроят настоящий праздник, благо имеется столько замечательных поводов. Рождество, выздоровление Питера, его решение не возвращаться в Америку...

Для Надежды оно значило очень и очень многое. Ее не разлучат немедленно с Мишуткой, у нее будет время убедить Питера, что он выбрал неправильный способ борьбы с проклятием О'Нейлов. Сменить фамилию, уехать подальше — не выход. Нужно подорвать проклятие изнутри, лишить его силы. Кто больше всех от него страдает? Очередной маленький О'Нейл, остающийся после смерти родителей в полном одиночестве. Значит, надо сделать так, чтобы он не остался в одиночестве. Например, срочно подарить ему парочку братьев или сестер. Возможно, Питер, угнетенный смертью любимой жены, не сумеет сразу оценить по достоинству этот революционный замысел, но Надежда не сомневалась — в конце концов она сумеет внушить ему свой взгляд на вещи. До сих пор ей не попадался мужчина, которого она не сумела бы убедить в своей правоте. А кандидатуру на роль матери братьев или сестер Мишутки Надежда определила еще в тот понедельник, когда впервые увидела Питера. Или во вторник?.. Да, скорее, во вторник. В понедельник она еще обдумывала, как склонить его к фиктивному браку, и только на следующий день поняла, что ничего не имеет против брака настоящего. Но, конечно, нужно дать Питеру время...

Ничего, Надежда подождет. Теперь, когда с ее плеч сняли груз, много лет придавливавший ее к земле, она чувствовала, будто за спиной рас-

правляются крылья. Чудесное избавление мамы от бабки подарило ей ощущение всесилия, сравняло с ангелами. А ангелы, как известно, отличаются неиссякаемым запасом терпения.

Телефонный звонок заставил Надежду опрометью броситься в гостиную к аппарату. Не дай Бог, проснется Мишутка, и все ее планы по подготовке праздничного обеда накроются медным тазом!

— Надя? Привет, это Лиска. Ты чего такая запыхавшаяся? Только не вздумай заикнуться, что у тебя опять нет времени на разговоры! Я специально ждала, когда Микки заснет.

Надежда рассмеялась.

— Микки спит, а времени нет. Мне еще нужно ликвидировать последствия наших с ним веселых игр, разобрать холодец, настрогать дюжину салатов, нафаршировать рождественского гуся и нарядить елку.

— Не заморачивайся. Я привезу Петю, Темку и Ритунчика. Детей и мужиков отрядим украшать елку, а сами быстренько управимся с кухонными делами. Не спорь! В конце концов я обижусь. Вы с моим папенькой точно сговорились держать меня в неведении. Меня — автора гениального замысла! Если ты немедленно не расскажешь мне, что у них происходит, я взбешусь.

— Все замечательно, Лиска, просто замечательно. Ты действительно гений. И твой папа — тоже. Ты — гений стратегии, а твой папа — тактики. Он тебе совсем ничего не рассказывал?

— Ничего. Да я с ним и не говорила после того, как устроила им смотрины. Отец поселился у друга — он все боится ненароком поссорить нас с Темой — и с того самого вечера ни разу не позвонил. А я звоню, но никак не могу его застать.

— Неудивительно. Знаешь, Лиска, это довольно долгая история. Ты уверена, что не дотерпишь до нашей встречи?

— Даже не надейся!

— Ну ладно, слушай. На следующий день после смотрин — вот это, я понимаю, быстрота и натиск! — твой папа пришел ко мне в гости и долго-долго расспрашивал о бабке. Как она ведет себя в таких-то и таких-то случаях, как реагирует на критику, на брань, на мамино неповиновение и тому подобное. Я объяснила, что любое замечание в свой адрес бабка воспринимает, как повод устроить скандал, что скандалы — ее стихия, она ловит от них кайф, что мама на моих глазах ни разу не осмеливалась ей перечить. Рассказала, как бабка беснуется, если что-то выходит не по ее, как бьется в припадках, как изводит маму угрозами помереть от инфаркта или наложить на себя руки, как не дает ей спать ночами... Мы просидели почти до утра. Я все вспоминала бабкины фортели и мамины муче-

ния, под конец совсем расклеилась, даже всплакнула. Петр Алексеевич погладил меня по головке и сказал, что все уладит. Я, признаться, ему не поверила, и напрасно. На следующий день он позвонил, сказал, что поднял все свои старые связи и нашел психиатра, который содержит небольшую частную клинику. Петр Алексеевич попросил его о консультации. Психиатр сказал, что не может ставить диагноз заочно, но, похоже, бабка вполне здорова, хотя некоторые симптомы свидетельствуют об истерии. Если он прав, то для излечения ее следует изолировать от мамы и поместить в такую среду, где никто не будет реагировать на ее выходки. Он предложил свою клинику, но предупредил, что это удовольствие влетит нам в копеечку...

— Ты говори конкретно: сколько? — перебила ее Лиска. — Может, все вместе мы и потянем.

— Не торопись, Лиска, я еще не закончила. Твой папа решил, что для его целей будет достаточно продержат там бабку дней десять. Такой срок нам вполне по карману. А за это время он уговорит маму выйти за него замуж и переехать в Мышкин. Я предлагала профинансировать операцию, но он отказался. Сказал, что денег у него хватает. Объясни мне, пожалуйста: откуда у неработающего пенсионера деньги?

— Кто тебе сказал, что папа не работает? Он кладет печи — и мышкинцам, и окрестным дачникам. Жизнь там недорогая, а запросы у папы очень скромные. Вот деньги и копятся. Ладно, не отвлекайся, рассказывай дальше.

— Дальше был спектакль, который я до конца своих дней буду вспоминать с наслаждением. Я оставила Эдика с Мишуткой, и мы с Петром Алексеевичем поехали к маме. Он пригласил ее на концерт. Она отказалась — явно не без сожаления, сказав, что не может оставить мать одну. Мы с твоим папой заверили ее, что с бабкой прекрасно посижу я. Бабка в полном соответствии с нашими ожиданиями затеяла грандиозный скандал, кончив, по обыкновению, катанием по полу и раздиранием одежд. Пока мама дрожащими руками пыталась влить в нее успокоительное, Петр Алексеевич без суеты позвонил по телефону и попросил прислать машину психиатрической скорой помощи. (На самом деле машина с санитарями уже стояла во дворе, твой папа заранее обо всем договорился с этим своим знакомым психиатром.) Бабка, услышав про «скорую», впала в настоящее буйство — она же не знала, что люди в халатах появятся с минуты на минуту, думала, у нее еще будет время вернуться в обличье человека и с холодным негодованием указать Петру Алексеевичу и санитарам на дверь. Но санитары ввалились в квартиру в разгар ее шоу, так что у них были все основания напаялить на бабку смирительную рубашку. Мама пыталась их остановить, но Петр Алексеевич ее огорошил, обвинив в том, что она запустила бабкину

болезнь, потому что ни разу не обратилась к специалистам. В общем, представь себе картинку: бабка орет и вырывается из рук санитаров, мама плачет у меня на груди, я ее утешаю, соседи заглядывают в дверь и радостно комментируют: «Давно бы так! А то совсем распустили старуху», — а твой папа, скрестив руки, стоит посреди прихожей и взирает на все с удовлетворением полководца, наблюдающего за успешным исходом битвы.

— А твоя мама не сочла его чудовищем? — заволновалась Лиска.

— Нет. Он был необыкновенно нежен с ней, когда бабку увезли. Сказал, что консультировался с очень известным психиатром и тот посоветовал оградить «больную» от людей, которые потакают ее капризам и тем самым способствуют развитию болезни. Признался, что вызвал машину заранее, поскольку предвидел бабкину реакцию на предложение подлечиться в хорошей клинике. Говорил, что маме необходимо отдохнуть, что после стольких лет жизни с истеричкой ее силы наверняка на исходе. И кому будет легче, если она не выдержит? Она должна побольше спать, гулять, смеяться, почаще выбираться на люди. Это рекомендация того же чудо-психиатра. И он, Петр Алексеевич, возлагает на себя миссию сиделки, которая проследит за строгим соблюдением предписаний врача. В тот вечер они, конечно, ни на какой концерт не пошли, но на следующий она уже позволила себя уговорить. Теперь вот почти ежедневно куда-нибудь выбираются. Неудивительно, что ты не можешь дозвониться до отца.

— Думаешь, дело идет к свадьбе?

— Похоже на то.

— А твоя мама согласится бросить бабку и уехать в Мышкин?

— У Петра Алексеевича есть план. Он уже свел маму с тем психиатром, и доктор прочно утвердил ее в мысли, что совместное проживание с бабкой противопоказано им обоим. Теперь для полного маминого спокойствия необходимо найти бабке профессиональных сиделок. Твой папа уверяет, будто они обойдутся совсем недорого, если нанять их с проживанием. Сейчас многие приезжают искать в Москву работу, в том числе и медсестры. Кто-то из них находит богатых клиентов с родственниками, нуждающимися в медицинском уходе, а остальным приходится вкалывать в больницах за гроши да за место в общежитии. Работа изнурительная, условия жизни — ужасные. Многие будут счастливы за те же или чуть большие деньги ухаживать за единственным больным и жить в нормальной квартире. Если поселить здесь двух девушек, которые будут дежурить при бабке посменно, у них останутся время и силы и на учебу, и собой заняться. Квартира большая, ты сама видела. Две комнаты и еще кладовка с окном —

полтора на два метра. Для жизни, наверное, не очень, но переночевать сгодится...

— Постой, а ты куда денешься?

— Я перееду в мамину квартиру. Она поменьше, двум сиделкам и бабке там тесновато будет, а нам в самый раз. Тем более, что Петр Алексеевич планирует сманить маму в Мышкин.

— Да, это было бы здорово. Только, боюсь, как бы бабка, вернувшись из клиники, не вправила твоей маме мозги...

— Не бойся, твой папа регулярно навещает старушку и терпеливо внушает ей мысль, что, если она еще хоть раз устроит маме сцену, то ее упекут в психушник навеки. Он добьется, чтобы суд признал ее недееспособной и лично позаботится о ее дальнейшей судьбе. По его словам, их доверительные беседы вкупе с сеансами ароматерапии, траволечением, ваннами и смирительной рубашкой дают просто поразительные результаты.

— Ты счастлива?

— Спрашиваешь!

— Я рада за вас всех — за тебя, за твою маму, за отца. И горжусь собой, своим замечательным планом. Даже Таська не смогла бы придумать лучше...

Надежда уловила судорожный Лискин вздох и устыдилась своего ликования.

— Ты не знаешь, как дела у милиции? — спросила она осторожно. — Людмилу еще не нашли?

— Пока нет. Зато нашли пистолет и машину. Пистолет — в магазине, где работает один из приятелей Людмилы, машину — в гараже у другого. Ее вымыли и даже подрихтовали, но на одежде Ирен остались частицы краски, а в углублениях протекторов — следы крови... Господи, как представляю, что она...

— Лиска, пожалуйста, не нужно! — взмолилась Надежда. — Зачем ты себя терзаешь? — И торопливо, неуклюже сменила тему: — Ты давно разговаривала с Эдиком? Слышала последние новости про Базиля?

— О том, что его отпустили под залог? Слышала.

— Нет, есть новость посвежее. Эта сволочь — его бывшая жена, узнав, что мужа будут судить за убийство, немедленно собрала дочь и отвезла к свекрам. Сказала, что у ребенка дурные наклонности — в отца, и она с ним, то есть с ней, не справляется.

— Вот гадина! И не постеснялась ведь!

— Ну, Базиль ясно дал понять, что деликатностью она никогда не отличалась. А теперь ей и вовсе не до тонких материй — нужно срочно ис-

кать нового лопуха, который согласится оплачивать ее счета. В общем, родители позвонили Базилью — он к тому времени уже был дома, Базиль в тот же день нанял адвоката по гражданским делам и отправил его в Тамбов. Адвокат явился к любящей мамаше и разыграл ее как по нотам. Для начала объяснил, что она не имеет права оставить дочь без содержания, тем более теперь, когда отец девочки в тюрьме. Бабушка и дедушка не отказываются забрать внучку к себе, но они пенсионеры и нуждаются в материальной поддержке. Базиль переводил на содержание дочери достаточно крупные суммы, и адвокат уже подал прошение в суд заморозить банковские счета мамы, которая своих доходов не имела, чтобы суд изъясил деньги в пользу девочки. Мамаша стала кричать, что она слабая больная женщина, почти инвалид, и требовать от нее каких-то денег могут только законченные мерзавцы. Адвокат стоял на своем. Мамаша долго билась в истерике, потом сообразила, что ничего этим не добьется, попыталась соблазнить законника, а потерпев неудачу, спросила, сколько он возьмет, чтобы избавить ее от этой головной боли. Адвокат, поломавшись, назвал сумму и после долгой торговли получил гонорар и собственноручно написанное мамашей заявление, в котором она отказалась от родительских прав.

— Ох! Значит, Базиль страдает не напрасно? Когда его выпустят, дочь будет жить с ним? Мать не сумеет отобрать ее обратно?

— Пусть попробует! А Базиля, может быть, и не посадят. Его адвокат, другой, по уголовным делам, уверяет, что выиграет дело. Думаю, ему можно верить, репутация у него блестящая.

— А откуда Базиль раздобыл деньги? На адвокатов, на залог?

Надежда многозначительно кашлянула.

— Должно быть, коллеги помогли.

— Ты хочешь сказать, что... рюкзак не дошел до милиции?

— Нет, ничего такого я сказать не хочу. Просто у меня есть кое-какие сомнения. Эдик как-то намекнул, что никому не известно, сколько там было денег. Все осведомленные лица либо погибли, либо пропали без вести.

— Да, кстати: ты так и не решилась спросить у Вовчика, что он сделал с теми двумя служаками, которые натравили на нас своих псов?

— Не решилась? Ты плохо меня знаешь! Я пристала к нему, как репей. Только без толку. — Надежда вздохнула. — Вовчик старательно отводит глаза и предлагает поговорить на другую тему. Я попыталась разговорить его охранников, но те как воды в рот набрали. Боюсь, никто никогда не узнает, что стало с этой парочкой после того, как их посетил Вовчик. Ради нашего же спокойствия предлагаю считать, что он пожурил их и отпустил на все четыре стороны... Ой, Лиска, что я делаю! Сейчас Мишутка проснется,

а в квартире еще конь не валялся! Мы же увидимся с тобой через несколько часов, успеем почесать языками!

— Ладно, не трепыхайся. Я же сказала: приеду — помогу. Пока.

Надя повесила трубку и с улыбкой вернулась к своей щетке. Кто бы мог подумать, что у нее на четвертом десятке появится подруга и почти сестра? И это еще не все... Надежда внезапно перестала улыбаться, выпустила из рук швабру и ошалело уставилась в пространство. Всего пару недель назад она исходила желчью, думая об Ирен, которая якобы украла у нее Эдика. Сравнивала себя с бедняком, у которого богач отнял единственную овечку. А теперь она собирается присвоить себе все, что было дорого Ирен.

Надежду охватило раскаяние. А потом — сожаление. Она впервые ощутила мистическую связь между собой и Ирен, впервые подумала, сколь многое, должно быть, их роднило, и ей стало до слез обидно, что они так никогда и не встретились. «Если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью другого человека без особых на то причин, — вспомнила она Воннегута, — этот человек, скорее всего, член вашего карасса». Была ли Ирен членом Надиного карасса, если их жизни так и не успели переплестись? Если нить Надиной судьбы влилась в этот узор уже после того, как Атропос, третья мойра, завязала на обрезанной нити Ирен узелок?

«Ты простишь меня, Ирен? — мысленно обратилась Надежда к покойнице. — Простишь мои глупые злые мысли? Это все от зависти — жалкой зависти неразумной младшей сестры к старшей — умной и всеми любимой. Теперь я, кажется, ее переросла. Мне жаль, что мы с тобой разминулись. Наверное, нам было бы здорово вместе. Ты не сердись на меня за то, что я хочу занять твое место? Я чувствую себя немножечко мароде-ром, но ведь кто-то должен заполнить пустоту, которая осталась с твоим уходом в жизни Лиски, Петеньки, Мишутки? А я люблю их. Ты ведь видишь, как я их люблю, верно? Доверься мне. И помоги, если можешь».

27

Питер сидел в кресле и замороженно смотрел на елку, мигавшую разноцветными огоньками. Огоньки гасли и загорались поочередно, и оттого казалось, что они блуждают в хвойных ветках, словно маленькие сказочные человечки с фонариками, играющие в прятки в дебрях волшебного леса. На полу вокруг елки в такт тихой музыке — вальсу из «Щелкунчика» — кружились причудливые цветные тени, по лицу Питера пробежали зеленые, красные, желтые всполохи, в обманчиво-черных из-за темноты глазах вспыхивали мерцающие точки. Комнату, как бокал, наполнял пряный коктейль ароматов: терпкий запах хвои мешался с острым упоительно-

солнечным запахом апельсинов и тяжелыми испарениями парафина недавно потушенных свечей.

Все это — елка, огоньки, запахи, Чайковский с Гофманом — манило расслабиться, вырваться хотя бы ненадолго из плена действительности, перенестись в рождественскую сказку, сбросить груз забот. Питеру очень хотелось поддаться соблазну, и он почти поддался ему. Если бы не этот случайно подслушанный разговор... Но разговор подслушан, и теперь предстоит принять решение.

Еще в больнице он твердо знал, что будет делать, когда его выпишут. Прежде всего поговорит с Лиской, спросит ее, согласна ли она взять на себя заботы о Микки в случае, если Питер не доживет до совершеннолетия сына. Она должна согласиться — в память об Ирен, да и ради самого Микки. Лиске Питер доверял, он не раз убеждался в ее исключительной порядочности и доброте. Она всю жизнь была верным другом Ирен, по первому зову, а порой и без всякого зова приходила ей на помощь, утешала, поддерживала. Когда весть о смерти Ирен надорвала сердце Питера, именно Лиска отвезла его в больницу. Дождалась, пока он придет в себя, и приказала выздороветь. «Ты обязан выкарабкаться, Петр. Ради Микки. Ради Ирен. Она не простит тебе, если ты оставишь ее сына круглым сиротой. Постарайся не думать о плохом и не тревожись о Микки, я за ним пригляжу». Питер твердо знал: Лиска никогда не сделает ничего, что пошло бы Микки во вред. Если она возьмет на себя этот груз, то будет честно тащить его до конца.

После разговора с Лиской он собирался оформить у нотариуса все необходимые документы. А потом спокойно ждать смерти. В том, что она не замедлит явиться, Питер не сомневался. Два раза ему удалось ускользнуть, на третий промашки не будет. Проклятие О'Нейлов победить невозможно.

Но радость встречи с сыном, атмосфера праздника, всеобщее веселье не располагали к обсуждению серьезных и, тем более, мрачных материй. Питер отложил разговор с Лиской до завтра. А теперь и вовсе не знал, что ему делать.

Он не собирался подслушивать, просто хотел еще раз поцеловать Микки на ночь. Но дверь в комнату была приоткрыта, и Питер, услышав вопрос сына, оцепенел.

— А мама де?

— Ушла, — тихо ответила Надежда.

— А када пидет?

— Она не придет, малыш. Когда-нибудь ты сам отправишься к ней, но сначала ты должен вырасти и переделать много-много разных дел.

Микки засопел, явно собираясь заплакать, но каким-то чудом сдержался, только голос задрожал.

— А ты не удешь?

— Нет, — твердо пообещала Надежда. — Я не уйду.

И теперь Питер сидел в углу, таращился на елку и пытался справиться с неразберихой в мыслях.

Надежду он практически не знал. Не знала ее и Ирен. А Лиска познакомилась с ней совсем недавно. Правда, они успели здорово подружиться, но быстрое сближение иногда заканчивается столь же быстрым разрывом. Чтобы узнать человека по-настоящему, нужно время. Короткое знакомство позволяет судить лишь о внешности, да о личине, которую человек надевает для посторонних. Внешность, как и личина, Надежды весьма привлекательна, только вот Питер не доверял привлекательным женщинам. Дениза тоже выглядела привлекательно...

Но Микки явно привязался к Надежде. Малыш, это очевидно, не хочет с ней расставаться. И Надежда пообещала, что не оставит его. Что его руководило? Любовь к мальчику? Возможно. Микки жил у нее все три недели, что Питер провалялся в госпитале. Она сама убедила Лиску, что так будет удобнее: у Лиски семья и работа, а Надежда — сама себе хозяйка, поскольку живет одна и работает в свободном режиме. За три недели добрая женщина вполне может искренне полюбить маленького ребенка, оставшегося сиротой. С другой стороны, кто поручится, что Надеждой руководили не меркантильные соображения? Узнав о богатстве Питера, она вполне могла сознательно привязать к себе Микки, рассчитывая, что ей тем или иным образом перепадет часть состояния О'Нейлов. Как угадать правду?

Взгляд Питера остановился на фигурке ангела, примостившейся на еловой лапе. «Help me, Irin! I need in your astute mind so badly». И, словно в ответ на безмолвную мольбу, из хаоса возникла ясная, как солнечный луч, мысль: Надежда спасла ему жизнь, еще не зная о его богатстве. Она видела его впервые в жизни, и тем не менее не только вызвала к нему знакомого врача, прекрасного хирурга, но и уговорила этого врача спрятать Питера от убийцы, который, возможно, повторит свою попытку. Уговорила друга пойти на нарушение закона ради безопасности незнакомца! Приютила у себя совершенно посторонних для нее Лиску и Микки из страха, что и они могут стать мишенью киллера. А когда бандиты добрались до ее квартиры и попытались то ли усыпить, то ли отравить обитателей газом, не потеряла головы и сумела вызволить всех, и в первую очередь Микки, из беды. Тогда ей еще и в голову не могло прийти, что Микки — сын миллионера.

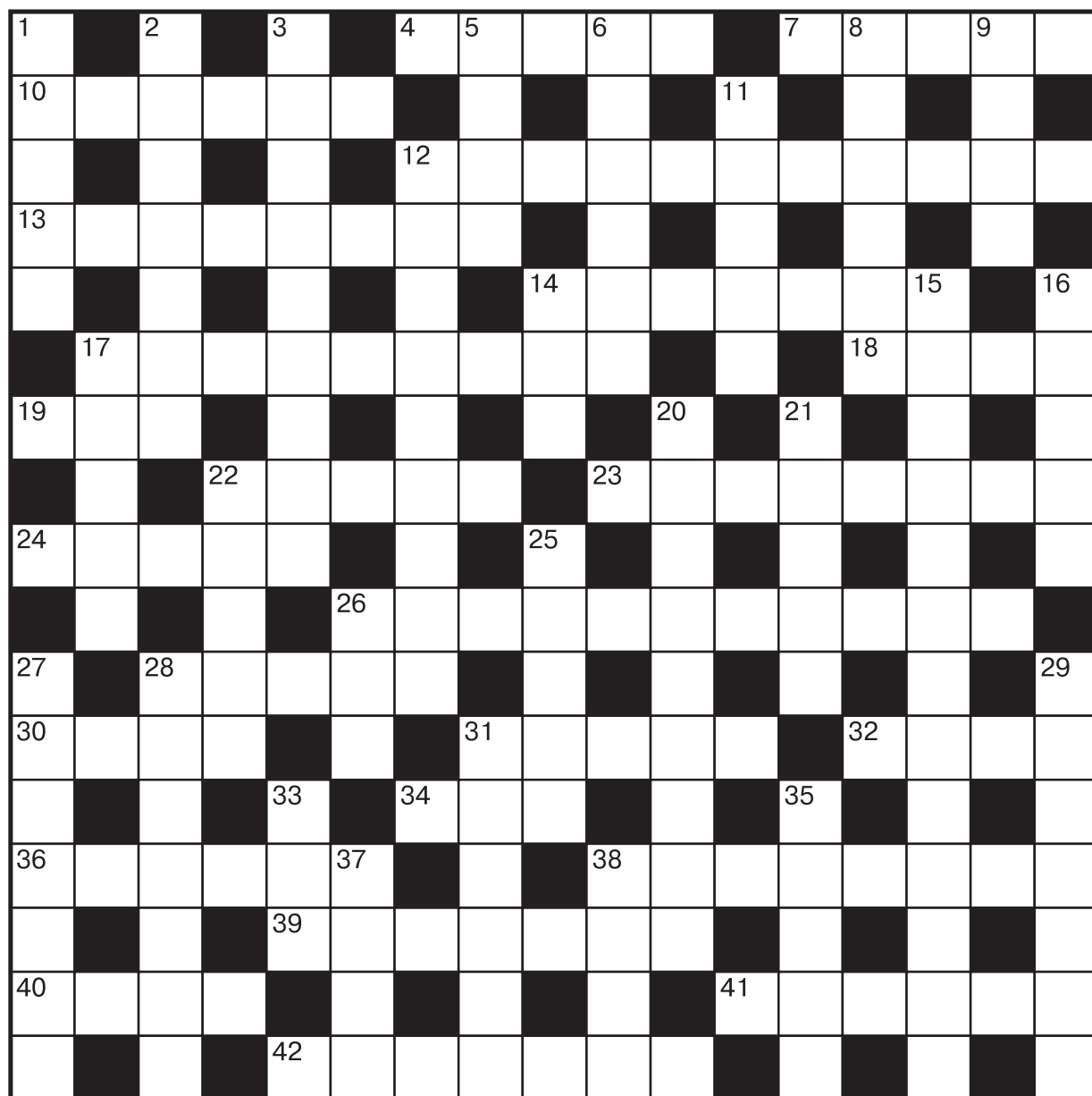
Как можно подозревать эту великодушную, умную, отважную женщину в нечистоплотных намерениях? Пусть она красива, но ее милые черты ничем не напоминают точеное лицо Денизы. И Микки не полюбил бы лицемерку. Маленькие дети гораздо лучше взрослых чувствуют фальшь.

Решено, он поговорит с Надеждой. Попросит ее стать опекуном Микки, когда выйдет его, Питера, срок. Или, может, лучше будет назначить сразу двух опекунов — ее и Лиску? Да, так лучше. После смерти Питера проклятие перейдет на Микки, и чем больше добрых людей будет вокруг, тем больше у Микки шансов дожить до женитьбы и рождения ребенка счастливым. Лиска и Надежда окружают малыша любовью, и Микки никогда не придется пережить того, что пережил в детстве и юности его отец.

Питер снова посмотрел на белую фигурку с золочеными крылышками, и внезапно почувствовал, что в нем просыпается боевой дух. В душе, словно теплая опара на хороших дрожжах, зрело и быстро поднималось чувство протеста. Чего ради он сдается на милость судьбы, которая никогда его милостями не баловала? Проклятие проклятием, но он пока еще жив и, значит, может побороться! Побороться не только за сына, но и за себя.

Да, горе подточило его силы и почти убило инстинкт самосохранения. Но Лиска права: ради Микки нужно сопротивляться до конца. Он не одинок — Ирен оставила ему в наследство друзей, которые его поддерживают, — Лиску, Артема, Эдика... И, возможно, сон, пригрезившийся ему в предсмертном сумраке, был не таким уж и вздором. Возможно, Ирен и в самом деле послала ему ангела-хранителя... с таким замечательным именем — Надежда. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** От чего «можно стать заикой»? **7.** «Астраханский полосатик». **10.** С кого вечно «взятки гладки»? **12.** Кто открыл «звездную геометрию»? **13.** Яма под здание. **14.** «Сердечный друг» из аптеки. **17.** Кто создал Казанский собор в Санкт-Петербурге? **18.** Какой подъемник «этажи отсчитывает»? **19.** Какому

хищнику посвящен японский танец «шиши май»? **22.** Поворот гоночной трассы. **23.** Чем определяют содержание алкоголя? **24.** «Концентрат» военнослужащих. **26.** «Услуга» джакузи. **28.** Цветок, чьим маслом отбеливают кожу. **30.** Боксерское «приложение». **31.** Ковбойский бар. **32.** «... с восхищением ждала пятницы, а печень и поч-

ки с ужасом понедельника». **34.** «Эпизод испуга». **36.** Очки героини фильма «Дама с собачкой». **38.** Аэродром для вертолетов. **39.** Французский композитор, чья защита помогла васюкиным любителям противостоять «гроссмейстеру» Остапу Бендеру. **40.** Позор для бильярдиста. **41.** Какого немецкого писателя, а заодно и агента русского правительства, заколол студент Карл Занд? **42.** Историческая область Франции, названная в честь кельтского племени.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой цветок «полыхает пламенем» на клумбах? **2.** Российский поэт, считавший, что кумыс «нужно закусывать вожжами». **3.** Музыкальные звуки, режущие ухо. **5.** Кто топает громче всех? **6.** Какой ветер сносит все на своем пути? **8.** Огуречный опохмелин. **9.** Что ожидала Коко Шанель в последние минуты своей жизни? **11.** Какой газ принес Нобелевскую премию Лью

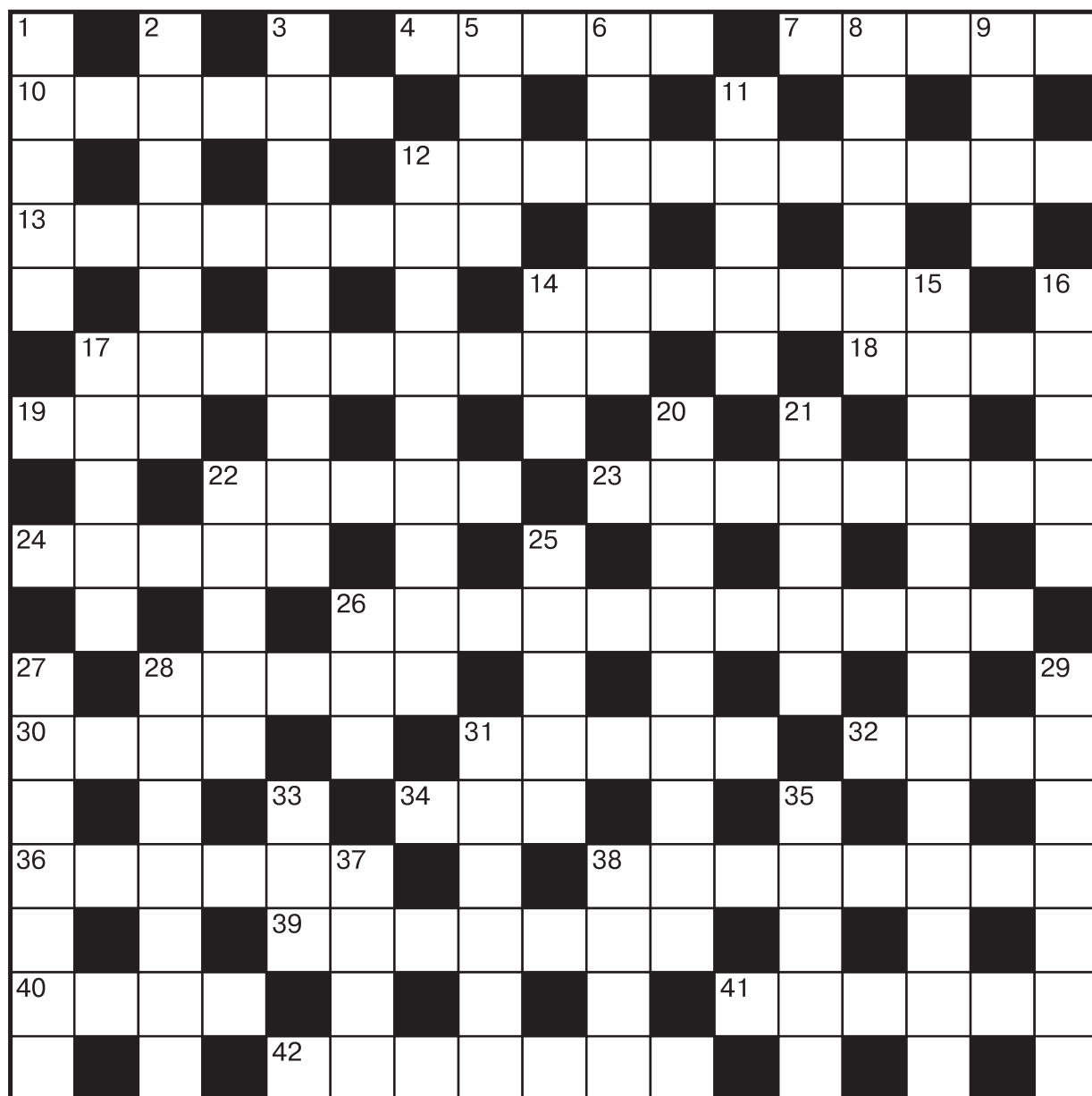
Ландау? **12.** Капуста в основе многих «помогающих от всего и сразу» БАДов, которая, несмотря на ряд полезных свойств, на звание «лекарства» все же сильно не тянет. **14.** «Ничто так не портит ... на будущее, как приближение к нему». **15.** Анатом изящной словесности. **16.** Какая птица «стала хитом» группы «Алиса»? **17.** «Болтанка» на коромысле. **20.** «Локомотив» проекта. **21.** По какой трассе «шла Саша и сосала сушку»? **22.** Ширма зуба. **25.** «Человек и ледокол». **26.** Поводырь по музею. **27.** Электорат артиста. **28.** «Дворянское гнездо» у Ивана Тургенева. **29.** Чем торгует компания, объявившая «Иконой анорексии» звездную Викторию Бекхэм? **31.** «Хоровой выскочка». **33.** Кто может уволить? **35.** Кто из культовых среди шестидесятников фигур уверял, что работает в жанре «интеллектуального примитива»? **37.** Кот по максимуму. **38.** Пионерский будильник.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Спуск. **7.** Файл. **10.** Стюарты. **12.** Триумфатор. **13.** Пастернак. **15.** Ножкин. **16.** Девиз. **18.** Столбун. **19.** Кло. **24.** Очевидность. **25.** Юность. **26.** Томск. **27.** Веник. **30.** Зоил. **34.** Рака. **35.** Вероятность. **37.** Зебу. **39.** Шпионаж. **41.** Ставрогин. **42.** Нюхль. **43.** Арбуз. **44.** Азарова. **45.** Фиона.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Стратег. **2.** Маятник. **3.** Старт. **5.** Парк. **6.** Спуд. **8.** Аптека. **9.** Ларина. **11.** Ефрон. **12.** Тактичность. **14.** Словесность. **15.** Нужда. **17.** Злато. **20.** Покер. **21.** Стоик. **22.** Гюрза. **23.** Мотив. **28.** Набег. **29.** Канун. **31.** Лесоруб. **32.** Коран. **33.** Атавизм. **36.** Спирт. **37.** Зорро. **38.** Битва. **40.** Жюри. **41.** Слон.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Хордофон из Индии. **7.** Живописное хокку. **10.** Опочивальня «давно ушедших дней». **12.** Военное судно античных времен. **13.** Что собой представляла Вавилонская башня? **14.** «Примите мои уверения в совершеннейшем к Вам почтении». **17.** Открытка гармошкой. **18.** Пояс японской невесты.

19. Индейский танец в масках ягуаров. **22.** «Книга» эпохи гаджетов. **23.** Шапочка на удмуртке. **24.** Японская художница, чьи скульптуры поражают профессора Лэнгдона в романе «Происхождение». **26.** Источник гормона вазопрессина. **28.** В честь какой богини назвали первый из обжитых холмов Рима? **30.** Барби ки-

тайского выпуска. **31.** Морская черепаха. **32.** Фивы для древних египтян. **34.** Проявление гиперкинеза. **36.** Карманный пистолет Средневековья. **38.** Главный индийский праздник. **39.** Святой, ставший прототипом Санта-Клауса. **40.** Синоним схрона. **41.** Вновь образовавшаяся пчелиная «семья». **42.** Священный камень из «Книги мертвых».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Водка из кумыса у калмыков. **2.** «Гора с призраками» из «Фауста». **3.** Туфелька с ресничками. **5.** Батиковый платок с острова Ява. **6.** «Хрустальный дворец» питерского метро. **8.** Что швейцарский врач Эйген Блейлер впервые описал как симптом шизофрении? **9.** Головной убор «трубой» у французенок XII–XV веков. **11.** На чем настаивают багульник для лечения варикозного расширения вен? **12.** Литовский город с драматическим театром, которым ру-

ководил Донатас Банионис. **14.** «Живое пиво» у англичан. **15.** Сетевое устройство. **16.** Крылатый мальчик с гравюры «Меланхолия» Альбрехта Дюрера. **17.** Кому из историй про Швейка никак не присвоят звание капитана? **20.** Какую из фамилий мог носить булгаковский Михаил Берлиоз? **21.** Чье имя носит «бритва», удаляющая лишние знания из науки? **22.** Биограф Ференца Листа. **25.** Тема у лингвистов. **26.** Кто из гайдаровских героев проснулся ночью и стал бродить по поезду, а в итоге вернулся не в свое купе? **27.** Великий народный поэт средневековой Италии. **28.** Начало строки в информатике. **29.** «Одесское блюдо» из потрохов. **31.** Двурогая шляпа. **33.** Дядя Спайдер-мена. **35.** Какая из любовниц Джакомо Казановы выдавала себя на публике за кастрата, чтобы иметь возможность выступать на оперной сцене? **37.** Покрывало на аналое. **38.** Вождь племени на Филиппинах.

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Чакпу. **7.** «Паук». **10.** «Пионеры». **12.** Судаториум. **13.** Кочхуджан. **15.** Гуркхи. **16.** Вишну. **18.** Пьептар. **19.** Аид. **24.** Реплантация. **25.** Еналей. **26.** Пратт. **27.** Тубан. **30.** Маза. **34.** Лама. **35.** Уэстмейкотт. **37.** Чиль. **39.** Октопус. **41.** Гомойусия. **42.** Перон. **43.** Отчим. **44.** Кольцов. **45.** Дидух.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Житомир. **2.** Унохана. **3.** Бридж. **5.** Ахун. **6.** Прау. **8.** Агиски. **9.** Камбис. **11.** Мохур. **12.** Сальпетриер. **14.** Аполитикион. **15.** Гайно. **17.** Уилер. **20.** Манул. **21.** Шидам. **22.** Ферми. **23.** Канзу. **28.** Бадис. **29.** Наталья. **31.** Аэролит. **32.** Откуп. **33.** Строчок. **36.** Скето. **37.** Чульо. **38.** Лимон. **40.** Сети. **41.** Голу.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

23002

СМЕНА

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни «Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство, чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверное, лучшее время нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь, мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких и незабываемых моментах своего детства, об этом счастливом (а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№2 февраль 2023